

КРАЙ ОЗИРИСА

ПРЕДДВЕРЬЕ В ЕГИПЕТ¹

Не бойся идти в Египет.

Библия

Двигается ли человек или не движется, и если движется, то по прямой линии, в поступательном направлении, или по кругам и спиральям?

Как мне ответить на этот вопрос, не знаю. Посудите сами.

Был я ребенком. Читал много книжек, и между прочим, конечно, читал романы Жюль-Верна. Если не ошибаюсь, это именно в одном из романов Жюль-Верна описывается некий странный человек, с которым было приключение истинное, но весьма неправдоподобное: пожелав изучить Испанский язык, он ошибкой изучил Португальский. Есть, конечно, сходство между Португальским языком и Испанским, но все же, — Испанский язык куда речистее. И Испания, конечно, находится с Португалией рядом, но в Португалии не так звучно песни поются, и Андалузских красавиц там нет, и не Португалец, а Испанец Кортес завоевал Мексику. Много вообще есть различий между Испанией и Португалией, и между Испанским языком и Португальским.

Что сделал с своим сомнительным приобретением этот странный и достойный сожаления человек, изучивший один язык вместо другого, право не помню. Забыл за дальностью времени.

¹ В тексте данного тома сохранена авторская орфография и пунктуация (*Примеч. ред.*)

Но вот проходит несколько лет. Ребенок стал юношей. Ему целых шестнадцать лет, и он в шестом классе гимназии. Это я о себе. Узнал я в те времена о существовании знаменитого за границей Скандинавского писателя Генрика Ибсена. Что-то узнал о нем такое интересное, что непременно захотел прочитать его в подлиннике. Сказано — сделано. Скандинавия объединена была тогда под Шведским владычеством. В Петербурге, как я узнал в оны дни, существует Скандинавский, именно Шведский, книжный магазин. Эти, как казалось мне, убедительные обстоятельства, справедливо заставили меня написать в данный магазин, чтобы мне выслали Шведский словарь, Шведскую грамматику и — для скорейшего изучения языка — ряд Шведских переводов, весьма любимых, повестей Тургенева.

Быстро я изучил Шведский язык. Выписал себе тогда сочинения Ибсена в подлиннике, и с прискорбием убедился, что Скандинавский гений пишет по-Норвежски, и что Норвежский язык — сам по себе. Как будто и есть положительное сходство с Шведским языком, но совсем — совсем другой это язык. И читать Ибсена в подлиннике не могу. Бывает же такая изумительная непредусмотрительность в способном к языкознанию юноше, который все так точно предусмотрел.

Двигается ли человек или не движется, и если движется, то вперед или по кругу?

Что ж было делать? Вздохнувши, я выписал себе Норвежский словарь, Норвежскую грамматику, несколько Норвежских переводов Тургенева, и, потерпев некоторые ущербы в гимназических успехах, быстро овладел Норвежским языком и прочитал сочинения Ибсена в подлиннике.

Заблуждение послужило мне в данном случае на пользу. Не только Ибсена я прочел, но, ошибкой изучив Шведский язык, прочел также, в подлиннике, великого Шведского писателя Стриндберга. И других.

Прошло еще много-много лет. Захотел я поехать в Египет. Увидеть настоящих Египтян. Хотя бы и современных. Памятники Египетские очень хотел увидеть. Все узнать Египетское. Египет ведь Египет. Из Египта чуть не все вышло, чем дорожим мы.

Я сию на палубе Немецкого корабля компании Ллойда. Гляжу на волны. Дышу морскою свежестью. Радуюсь, что уе-

хал из Европы. Радуюсь, что совсем скоро приеду в Александрию. А там — Каир. Буду в стране Пирамид. И дальше, дальше.

Не только на Море смотрю, но и разные книги читаю. Все о Египте. О древних его религиях. О бессмертных легендах, в которых бессмертие обещают Озирис и Изида. О храмах. О изваяниях. О солнечной, вечно — бездождной, Нильской долине, бездождной, но цветущей. Папирус и лотос. Много лотосов. Голубых и белых и розовых. Так все красиво. Так все возвышенно, тонко, воздушно.

Между книг, что с собою взял, было несколько также и путевых описаний. Из любопытства, а также потому, что между языков я очень люблю Польский, захватил я с собою, между прочим, книгу «Podróż na Wschód», przez Maugucego Mapna, Kraków, 1854. Старая Польская книга о путешествии на Востоке. Том первый — описание путешествия в Египет. Читаю, и все мне становится скучней и скучней.

Хорошо пишет этот Поляк. Но все у него Арабы да Арабы. Ведь я же еду в Египет. Вовсе не в Аравию. А он так обо всем говорит, словно в Египте ни дохнуть, ни двинуться, чтоб не наткнуться на Араба. Все же книга очень интересная, читаю ее. Говорит, между прочим, Манн, что, когда приезжаешь в Египет, как бы ты ни хранил свои вещи, положив их в укромное место, — стой при них или не стой, — внезапно появляется Араб, точно из Моря выскочил; хватает твои веои, кляни его, схватил, беги за ним.

Очень неудобное первое впечатление. Но, быть может, это было тогда, в давности?

Еще говорит Манн, что неистово пристают Арабы, прося ни за что, ни про что бакшиш (по-Русски: на чаек с Вашей милости). Все будто бы кричат: «Мусью, бакшиш». Идешь, говорит, где-нибудь, проходишь мимо ослов, лошадей, верблюдов, и не зываешь ни к одному из вожатых этих животных, но каждый вожатый к тебе зывает, и говорит: Бакшиш. Лезет на тебя Араб с ослом, не берешь осла — бакшиш. Продает что-нибудь торговец, не покупаешь — бакшиш. Пляшет, не смотришь на него — бакшиш. Встретишь кого-нибудь, день добрый — бакшиш. Да еще как. Руку вытягивает, за платье хватает, заступает дорогу, преследует, — пробный камень терпеливости каждого. Бакшиш. Боже сохрани взяться за карман, хотя бы за носовым платком. Ты погиб. Бакшиш, бакшиш, бакшиш.

Страшно вато.

Положим, бакшиш можно дать малый. Всего несколько грошей. Можно не расстраиваясь рассыпать малые пиастры и видеть улыбочивые лица. И потом, верно Поляк прошлого столетия для красного словца так бредит этим бакшишем. Посмотрим.

Я бросаю книгу Манна, все книги. Не за борт, положим, но все же убираю их. Довольно книг. Сейчас приедем в Александрию. Город-то ведь какой. Сам Александр Македонский его построил. И помните как?

Завоевав Египет, Александр Великий направился к Египетским жрецам, и те признали его за сына Солнца, за сына Миродержца Амона. Покинув Мемфис, он исследовал Дельту и своим ястребиным оком быстро увидел, какие выгоды стратегические и иные являет полоса земли между Средиземным морем и озером Мареотис, которую Нил соединяет с остальным Египтом. Сам означил план города. Когда закладывали его основания, не хватило извести для разметки, — тогда он докончил чертеж мукой. Велел взять муку, назначенную на солдатское пропитание, и разметил улицы будущей столицы Египта. Налетели птицы, поклевали муку. Известили царя. Тот позвал колдуна-вещателя. Значение сего было признано благоприятным. Благословили птицы крылатого Александра, залетевшего до Индии, не только до Египта. И возникла Александрия, одна из самых причудливых мировых столиц.

Созданная Эллинским гением, Александрия в течение шести столетий была сокровищницей человеческих знаний, человеческого гения, всемирною столицей кипучей деятельности и устремлений философских, религиозных, научных, художественных, торговых, промышленных. Она была как гигантский маяк в Океане, на который в ночи плывут корабли и летят стаи птиц, первые, чтобы не заблудиться в Море, вторые, чтоб разбиться об исполинские стекла, таящие свет животворный и смертоносный. Александрия была родиной Эвклида, Оригена и Филона, умов, которые постигли законы линий вещественного мира и определили те внутренние линии, по которым неизбежно проходит человеческий дух, в своих умствованиях и в своих благоговейных созерцаньях и действиях. Здесь религиозно мыслили и духовно окрепли Иероним и Климент, Августин и другие Отцы Церкви. Здесь творил

Теокрыт идилично, и высмеял до конца свой смех Зоил, чье имя стало прозвищем на века, но чей смех еще при жизни его утратил свое жало. Здесь была растерзана Христианскими изуверами последняя благоговейница Солнца, Гипатия, и из этих пределов кинула в море времен свой чаровнический зов, любовное свое воркованье, горлица роц предательских, она же Нильская змейка, змея, змеею ужаленная, Клеопатра, влюбившая в себя не только Римских Кесарей, но и такого владыку мира, как царящий стихом Шекспир.

Хорошо описывает Александрию 4-го века Христианской эры, — той поры, когда Гипатия подрастала, как последняя краса Язычества, — самый выдающийся из современных Английских теософов, Мид, в своей известной книге о Гностицизме. Взойдем вместе с ним на взнесенный островной Маяк, высоту в 400 футов, и глянем на эту столицу мира с прославленного Фороса.

Город лежит перед нами на длинной полосе земли, или перешейке, между Морем и озером Марейотис. Озеро — к югу; налево, к западу, устье Нила, и великий канал ведет к святыням Сераписа, куда в дни празднеств на нарядных баржах спешат пилигримы, принести моления умирающим богам, и принести дар мудрым жрецам, хитрым жрецам, страшным ведущим жрецам, которые в течение семи тысячелетий — (или скольких?) владели миллионами умов и судьбами такого единственного царства, как наследник Атлантиды, Египет, наделивший своими бессмертными влияниями Финикию, Израиль, Элладу, а через них весь мир.

С голубою безмерною рамою Моря, город раскинулся на пять миль, как гигантская хламида, по замыслу Александра. Две главные улицы, в форме креста, делят его на четыре части. Пройти от конца города до конца города, это — целое путешествие. Морем ведь город оваян. Размеры иметь ему приличествует значительные. На скрещении улиц большая площадь, там фонтан, статуи, деревья. В разных местах города — колонны и обелиски, самая большая колонна — из красного камня, невдали от берега, на берегу же два обелиска, из коих один ныне зовется иглою Клеопатры.

Остров Маяка соединен с материком исполинским мостом, в милу длины. Мосты. Башни. Греческий квартал, отмеченный присущею Грекам любовью к зодческому изяще-

ству. Мавзоль Александра с золотым гробом. Пышные гробницы Птолемеев, правивших Египтом от смерти Александра до гибели Клеопатры. Великий храм любимого божества моряков, Посейдона, чьи морские кони белогривы, и мчат колесницы, рокот которых мы ясно слышим в гулах и шумах прилива. Пышные бани — купальни. Памятный миру Музей. Подобные крепости, зданья Серапеума, тяжелые стены, тяжелые построения, пред воротами и за воротами бесчисленные сфинксы.

Под городом, снизу, под зданьями, своды и крипты. Муравейник не только возносится к Солнцу, — под землей в нем всегда переходы. С муравейником, будь муравьиный он или человеческий, неизбежно связан лабиринт. В сводах, большей частью, подземные колодцы. Египет хотя и находится под особо-тщательным попечением многоводного бога Нила, вода в нем, в течение целых месяцев, нужнее, чем вино.

Юго-западный квартал — Еврейский. В нем никогда не было менее 40 000 Евреев. Живописно, шумно, крикливо. Там дальше гипподром. А совсем к востоку — фешенебельное предместье Никополис. По другую сторону города, за Ракотисом, мир статуй и колонн, Некрополис.

На улицах, в виде живых людей с многочисленностью лиц многообразных, сошлись Африка, Азия, и Европа. Египтяне и Греки, утонченники, надменно изнеженные. Сильные Римляне, представители магистра-туры и воинского звания, хранящие ко всем и ко всему солдатское презрение. Эфиопы и Негры с своею лоснящейся кожей, поразительно белыми зубами и доверчивой улыбкой жизнелюбия. Толпы монахов из Фиваиды, волосатые люди и свирепые. Кингсли описал их вразумительно в своем романе «Гипатия». Финикияне и Карфагеняне, причудливый люд, возлюбивший барыш более жизни и разбросавший товары духовные и материальные, созданные другими, по всем уголкам земного шара. Желтоликие Евреи с выразительными черными глазами. Златоволосые Готы. Высокие стройные Персы, в чьих мужских лицах женская сладость. И это еще далеко не все, далеко не все.

Но главное, главное, над всеми этими Готами, Эфиопами и Евреями, над Римлянами и вымирающими Египтянами, высятся Эвклид и Архимед, и в городе Эвклида и Архимеда,

конечно, два центральные места — Библиотека и Музей. Обширный Музей, имея свое книгохранилище, включал в себя астрономическую обсерваторию, огромный ботанический сад, обширный зверинец и различные коллекции, предназначенные для лиц, преданных знанию. В изящных чертогах здесь предавались радостям умственного зрения поэты, звездочеты и поклонники самой вольной и выпренной науки, чье имя есть математика. За гибелью Музея, сгоревшего в огнях пожара, в зареве которого четко рисуется тень Цезаря, был основан другой Музей, но он был лишь слабым повторением. Для того, что было гордостью Александрии, этого «Греческого города, созданного из Египетского материала», был фатальным именно огонь завоевателей. Судьба той Библиотеки, где хранились все умственные достижения человечества несосчитанных тысячелетий, озарена огнем.

В Александрийской Библиотеке хранились утраченные безвозвратно магические свитки, в которых, закрепленная тонкою системой условных знаков, безмолвно праздновала тысячелетия Египетская мудрость. В Александрии хранились древнейшие манускрипты Гезиода и Гомера, Циклических поэтов, Платона, Аристотеля, Эсхила, Софокла и Еврипида. Среди сотен тысяч свитков и папирусов — сияние вершин не превзойденных, гирлянда имен, из которой доныне плетем мы венки.

А судьба всего этого? Участь, отмеченная рукою народа варварского.

Огонь, зажженный рукою Римского солдата, а чтоб добить недобитого, еще горшее злодейство, огонь медленный и подло-издевательски поддерживаемый месяцы алчной рукою тупоумного Араба. Римляне, сжигая, хоть отчасти возместили свой тяжкий исторический грех, ибо в слове Рим — все наше представление о величии, в слове Рим — вселенский гул колоколов и кличи зиждительные, гимн благородного творчества. Арабы же, народ хищников, несущих разрушение для разрушения, имеют нищенскую долю творческой способности, и что дали доброго, то взяли у других, а сколько уничтожили и как уничтожали?

Когда в 639-м году Арабы, чующие всегда где что плохо лежит, осадили Александрию, она, хотя и надломленная, четырнадцать месяцев защищалась от разбойников Амру.

Сами же Копты, прямые потомки первичных Египтян, предали ее Арабам, чтобы только избавиться от ненавистных Греков. Думали — впустят Арабов, выгонят те Эллинскую нечисть, а потом они с миром отпустят сих детей пустыни. Вождь Коптский, увидя ошибку, отравился. Патриарх, также им помогавший, стал убеждать Арабов уйти подобру-поздорову. И хорошо ему ответил Амру. Показал на великую колонну Серапеума, и сказал: «Вот когда это сожрешь; мы удалимся из Египта». И немедля — за Арабскую работу. Что осталось из памятников в городе, долой. А Библиотека... Какое-то там книгохранилище? «Эти книги бесполезны, если повторяют то, что в Коране, и вредны, если ему противоречат. Сжечь». И во имя Корана, книги, представляющей из себя бессвязное повторение Иудейства и Христианства, с примесью арабизированных преданий Персидских и Эллинских, — во имя книги, созданной из чужих лохмотьев, — сокровища Египетского и Европейского гения шесть месяцев служили, чтоб топить публичные бани.

Этот исторический грех не только ничем не вознагражден, но еще усугублен, тысячекратно, схожими преступлениями Арабов. Араб, — говорит автор книги о Египетском искусстве, Гайз, — Араб более, чем Перс Хозроя, алчен, бессмыслен и безграмотен. При соприкосновении с природою духовной и расою одухотворенной он не исправился; он остался тем, чем он был: неспособным ко всему, что есть идеальность, искусство, литература, знание, философия. Гаруналь-Рашид, какой-нибудь, есть исключение. Он окружил себя поэтами, историками, художниками, но они были как бы астрологами и шутами. А народ — был ниже последних варваров, устремившихся за Аттилой. Грабить добычу, громоздить золото, похищать женщин, дальше этого он не знал ничего... Едва достигши апогея, падает. С примесью Арабской крови, умирающая Египетская раса гибнет. Пережиток Египетского искусства, Арабское искусство — эфемериды. И нет Арабского искусства. Детям ли Ислама быть искусниками в творчестве, когда Ислам означает покорность и отсутствие созидания каких либо образов. Все строители первых мечетей, оказавших влияние на дальнейшее грядущее, были Египтяне-Греки, Александрийцы. Конечно, они вдохновлялись Исламом, но — все же. Они вдохновлялись — и Исла-

мом, а были-таки Александрийцами. И сам Мусульманский историк Ибн-Халдун гласит: «Когда какое-нибудь государство заселено Арабами, оно нуждается в людях другой страны, чтоб строить». Сам Араб, без помощи других, разве глиняную мазанку может построить.

Такое и подобное говорит Гайэ. Страшновато. И опять Арабы. Так и не отвязаться мне от них? Двигается ли человек или не движется?

Двигается. Движемся. Подъезжаем к Александрии. Издали сияли ее белые здания, а сейчас увижу и пристань. Солнце заходит, душа смиряется в восторге приближения к чему-то неизвестному. Грудь вольно дышит. В уме поют широкие стройные строки:

Заходящее Солнце уходило за Море,
Сердоликовый цвет в небесах был разлит.
И шумело мне Море в многоцветном узоре:
«Вот ты прибыл в святую страну Пирамид».

Желтизна побережья отшумевшей столицы,
Где багряные сказки в столетях зажглись.
Над преддверьем в Египет — длинокрылые птицы.
Вот откроется Нил! Да, я твой Озирис!

Но, пока эти строки допевают в уме моем благовестие прибытия в Египет, кто-то с горькой усмешкой, кажущийся мне моим двойником, проходит по палубе и говорит мимоходом: «Озирис умер, он перестал быть богом Бессмертия. Пирамиды ободраны, полуразрушены и загажены непрерывным человеческим присутствием. Остатки храмов стоят рядом с харчевнями, и их охраняют клянчащие Арабы. Папирус умер вместе с Египтянами, он более не растет в Египте, ищи его в Сицилии. Лотос более не цветет на водах Нила, он не провожает своим взглядом заходящее Солнце и не встречает восходящего, ищи его на цветочных выставках в Париже. Изваянья богов и богинь Египетских все давно выкрадены из разрушенных храмов, вернись в Европейские города, если хочешь молитвенно глядеть на них. Озирис опять растерзан, но не на четырнадцать частей, а на несчетное число их, и более Изида не ищет растерзанного Озириса».

И в ту самую минуту, как я с испугом начинаю думать, что я напрасно поверил в слова: «Не бойся идти в Египет», на неподвижный корабль наших дней, именуемый пароходом, врывается орда Арабов. Они голоса, мечутся, действуют, хватают мои вещи, почти несут на руках меня самого, говорят на всех языках... И по-Русски...

Ах, я приехал в Египет!

НИЛ

Истоки Нила бездонны.

Псамметих

Без вина обойдешься, без меда обойдешься, без молока обойдешься, без воды — нет.

Без воды не утолишь жажду. И без воды не соблюдешь себя в чистоте, — а без чистоты возможно ли счастье и достоинство. И без воды не оросишь поля, не взростишь сады, не возрадуешься на цветы, что, напившись влаги, раскрывают свои белые, красные, желтые, голубые чашечки.

Из воды изошли мы, водою крестимся, в воде получаем мы наше рождение и ей символизуем возрождение наше для жизни бессмертной.

В начале времен везде было только Небо да Море, гласит Славянское сказанье дней дальних. А в этой безмерности лишь Бог да Дьявол. И из горсточки морского песку, из крупинок, взятых со дна безмерной воды, была создана земля наша, на которой вот мы живем века, памятуя завет первичный и орошая даже пески водою, и превращая пески в оазисы.

На стенах исполинских Египетских храмов ключи жизни струятся, обещая бессмертие верующему, ключ жизни — крест с яйцевидною ручкой, столь же ценный и столь же необходимый для древнего Египтянина, как необходима для Индуса — символ вечного перевоплощения — вращающаяся свастика, как необходим и с детства дорог нам, позднейшим, наш Христианский крест. Струятся ключи жизни, и тот, кто уснул сном смерти, отошедший в Аменти, в Край Закатный, возрождается в новом, в осветленно-прежнем лице, едет в небесной ладье по небесному Нилу, пашет нез-

дешние поля, и нездешние волаы идут перед ним с развесистыми своими рогами, гонит к ночлегу небесные стада, любит на высокие колосья, растущие в царстве Озириса, живет, без конца живет, той же милой, здешней-нездешней, жизнью.

Что трогательнее сверкания капельки? Что отрадней журчанья ручья, лепетания малой речонки, широкого света могучей реки, многоводной, идущей на тысячи верст?

Возможно ли помыслить Россию без Волги?

Волга, Волга, воспетая тысячи раз,
Ты качала, в столетьях, мятежников, нас...
Это — гордость Славян, это — знаменье воли для вольных,
Для раздольных умов, теснотой недовольных.

Возможно ли представить себе Германию без Рейна, чье имя так напевно и чьи берега так красиво говорят о средневековье? Или Америку — без Амазонки, осененной лианами и орхидеями? Или Индию без Ганга, отразившего в своих водах лики богов и лики лотосов?

Возможно ли?

Мы не можем, ибо уж с детства так мыслим. А ведь все-таки возможно.

В земном раю, говорят, протекало четыре великих реки. И, пожалуй, иссякни одна или даже две, все ж еще остается течение вод речных, остается живительный путь воды, жалующий прибрежных жителей серебром своей влаги и драгоценными камнями расцветающих цветов.

Так же точно и в великой стране нашей, протянувшейся от моря до моря и от одного края мира до другого, много есть рек воистину русских, помимо воспетой певцами Волги. И извилистый Днепр, зачаровавший Гоголя, и тихая Ока, и Москва-река, — и что ж пересчитывать нам все.

То же и в Америке, то же и в Индии, то же и в каждой исторической стране, повторяющей пример земного рая: не одна — так другая, не другая — так третья. А Египта без Нила нет. Египет без Нила — что тело без души. Нилом вспоен, Нилом создан, лишь Нилом живет, только с Нилом мыслим.

Странное сходство, по существу, между жаркой страной Фараонов и русско-финским Севером. Столетия, тысячеле-

тия, русско-финский Север был сплошь покрыт непроходимыми лесами, топями и болотами. И доселе это еще есть. Болота и топи, ель и сосна. Ель и сосна, болота и топи. Ни пройти, ни проехать. Нет человеческой жизни, и не было бы ее, если б не проходила среди лесных пространств река, служащая единственной дорогой, если б серебряный этот путь не прорезал лесную пустыню. Узкая полоса сухой земли по берегам, и, забравшись в утлой ладье до этих лесных трущоб, на узкой полоске земли можно укрепить свое становище и создать в ограниченных размерах человеческое житье-бытье. Такая узкая полоска земли, отвоєванная рекою у лесной пустыни, простирается всего на пятьдесят — сто сажен в сторону от воды. Не будь этой полоски, не было бы этих становищ, не проникли бы охотники в глухие дороги, не раздавался бы человеческий голос в зверином царстве и в царстве лесного молчания. Так и говорится: Без реки нет земли. Без воды нет жизни.

Столетия, тысячелетия в Северной Африке громоздятся пески, ходит смерть по песчаным пространствам. Серо-желтое царство безлюдья и призраков, беспредельного молчания, прерываемого лишь говором ветров да немногими звериными голосами. Смерчи крутятся, как гигантские дьявольские деревья, живущие краткою жизнью смертоносного шабаша стихий. Пронесются ветры пустыни. С причудливым нравом те ветры. Арабы про них говорят, что ветер морской — как наземный, ходит в уровень с землей, а ветер пустыни скачет и мчится галопом, прыгает и роет песок. Поднимет тучу песку этот ветер, и не отпустит с неба ее целых три дня подряд. Солнце глядит, как красный шар, как шар, в котором и пламя, и дым пожаров. Грозная лампада над царством смерти. И мелкий дождь струится из этой тучи трехдневной, но не капли влаги, а малые-малые, неуловимые, непобедимые, злые пылинки, завладевающие всем, вползающие даже под стекло предмета, который называется часами, и останавливающие течение минут, чтобы показать, что здесь нет жизни и здесь времени нет. Здесь живут только призраки. Мираж ткет свои узоры, опрокидывая и меняя соотношения предметов и мер. Несуществующие верблюды ходят по воздуху. Два солнца глядят друг на друга. Существа с зыбкими очертаниями, опираясь головою о грань кругозора, ходят по небу, как по земле. Освежительно-влажные

глади озер простираются, но никого не напойт. Здесь пить нечего. Нет воды, нет жизни.

Но ближе к Красному морю, возникая из неведомых истоков, чуть не на семь тысяч верст протянулась причудливая река, любящая уклончивые излучины и вдоль по-змеиному теченью своему, вправо и влево, отвоевавшая у пустыни узкую полоску земли, Вырастает Нильская долина, длинная Нильская долина, ширины незначительной, так что стоит взойти на Либийскую горную цепь — и видишь пред собою, так четко, необозримое пространство песчаной смерти, водный путь жизнетворческого Нила, и узкую полоску земли по берегам его, ту узкую полоску, питаемую влагой и обогащаемую илом разлива, без которой не возник бы в этом мертвом молчании человеческий голос, прозвучавший на Нильских берегах с особым вековым красноречием.

К узкой полоске плодородной земли, обогащаемой ежегодным разлитием Нила, прикованы, в течение тысячелетий, миллионы людей, и без этого разлития, создающего из песков чернозем, без этого праздника разбушевавшейся воды, несущей огромные запасы ила, не могло бы возникнуть ни царство Фараонов, ни богатство Египетских храмов и Египетского искусства, ни многовековая борьба Африканских, Азийских и Европейских народов из-за этого дара Нила. Разлив Нила, так же, как убывание его вод, происходит сперва медленно, словно с колебанием, потом с возрастающей быстротой. В ночь с 17-го на 18-е июня, нового стиля, падает с неба первая капля, слеза Изида, оплакивающей растерзанного Озириса. Это — «ночь капли». Затем, Нил оживает от мелководья, медленно возрастает; в июле, около даты летнего солнцестояния, подъем вод становится быстрым и сильным; к концу сентября и началу октября праздник воды достигает своего торжества. Русло заполнено и окрестные пространства залиты. Плотины прорваны, каналы действуют. Нил поколеблется еще немного, стремясь увеличить достигнутую высоту, но, чувствуя, что силы слабеют, уступает, уровень воды уменьшается, сперва медленно, потом все с большей и большей быстротой, — река понимает, что час ее прошел, пора успокоиться. Пахотная земля, теряя постепенно свой болотистый вид, делается пригодной для обработки. Дни нашей весны: апрель, май, первые дни июня — суть дни величайшей бедности Нила. Это — дни мелководья.

Но почему происходит разлитие Нила и где его истоки? Этот вопрос, имеющий главнейшее жизненное значение для жителей Нильской долины, всегда занимал Египтян, волновал он своею загадочностью и Греков, и Римлян, и других, вплоть до наших дней.

Истоки той или иной реки, как истоки того или иного явления, заслуживающего так быть названным, гораздо легче указать приблизительно, чем в точности. В мире изъяснений мы всегда доходим до одних открытых дверей, но там дальше новые комнаты и новые закрытые двери. Как гласят географы, точное местонахождение истоков, даже для некоторых Европейских рек, доселе неизвестно. Говорят, чуть не вчера лишь только открыт достоверный исток Волги, в виде малого ключика, проступившего с детскою смелостью на болотистом лужке, что при деревне Волгино Верховье. А реки иноземные, еще более причудливые? Кто ж поручится, что их исследовали основательно? Течет, например, Тигр из какого-то черного отверстия в горном ущелье. Вот исток Тигра. Ассирийцы, жадные до памяти в веках, начертали тут свои надписи. Но, ведь, горы так непроходимы, и горные ущелья так запутаны. Быть может, скорее, истоки Тигра находятся в долине земного рая.

Я люблю Геродота и его фантазмагории. В них есть высокая стильность. Что касается истоков Нила, — говорит он, — ни один из тех, с кем доводилось мне вести беседу, ни из Египтян, ни из Либийцев, ни из Эллинов, не говорил, что знает их. Лишь хранитель сокровищ Афины в Саисе говорил, что знает их, да и то, верно, шутя. Есть между Фиваидой и Элефантиной две островерхие горы, одну зовут Крофи, другую зовут Мофи, между ними бездонные истоки Нила, одна половина воды идет на север, к Египту, другая половина на юг — к Эфиопии. Шамполлион говорит, что Крофи и Мофи означают благой и злой, а Масперо говорит, что Крофи и Мофи означают: его бездна, его вода. Так да будет. Оба изъяснения хороши. Сто других египтологов могут дать еще сто иных изъяснений. Нил так богат, что отчего бы ему не украшаться эпитетами и легендами все более и более. Относительно же того, что Нил то беден водой, то полноводен, Геродот говорит еще лучше. Летом, когда реки не получают воды от дождей, их уровень понижается. И бывают месяцы,

когда Солнце пьет из всех рек поровну, а бывает, что пьет оно только из Нила. Месяцы он перепутывает, но твердо устанавливает: «Таким образом источником этого явления я считаю Солнце».

Римские императоры посылали разведчиков дознаться об истоках Нила. Но разведчики находили карликов и безмерные болота, а истоков Нила не находили. Плиний Старший полагал, что Нил приходит из Мавритании, Сенека изводил его из вод, окружающих Филэ, и в общем древние, говоря: «Отыскивать истоки Нила» — разумели то же самое, что разумеем мы, говоря: «Разрешать вопрос о квадратуре круга», т. е. невозможность.

Современные географы находят источник Нила в озерах Центральной Африки, а причину разлива его видят в летних ливнях, приносящих свои запасы воды Абиссинским горным потокам, впадающим через Голубой Нил и Атбару в Нил Белый. В разливе сливаются все краски. Есть Нил зеленый, есть голубой, он бывает красным, он бывает желтым, он бывает просто мутным-мутным.

Молодой французский ученый Шарль Пальянк, автор книги о Ниле в эпоху Фараонов и в наши дни, подробно говорит о культе Нила и о праздниках, связанных с его разлитием.

Нил был богом и отцом богов, но в то время, как в разных городах и областях разные боги имели каждый свой храм, у Нила не было храма, у него, как гласит «Гимн к Нилу», нет обители, которое могло бы его вместить. Между тем, его чтили все Египтяне, и каждый из них помнил о нем утром и думал о нем вечером. Египтяне говорили о Ниле, что он и единственный, кто сам порождает себя. Как Солнце, каждый день умирая, каждое утро рождается вновь, так Нил, каждый год иссыхая, каждый год ликует возрожденный, празднует свое полновожье, и так Озирис, а вместе с Озирисом всякий умерший, живший достойно, завершив свою жизнь сном смертным, возрождается для жизни бессмертной в закатном крае Аменти.

Нил по самому существу своему таинственен и не поддается ни изъяснению, ни зачарованию магическому. На других богов можно влиять, произнося достоподобным образом их имена, заклясть Нил никак нельзя, он вне действия свитков магических и не повинуется никаким талисманам. Он

сам лишь один только знает свое имя, и только сам может действовать на себя. Сокровенному Гапи, непостижному Ни-лу, — как же можно было воздвигнуть какой-нибудь храм? У Нила были жрецы, но у Нила не было внешней святости, ему посвященной.

Очистительный, это он, непостижный, давал умершему чистую, свежую воду. «Дайте воды мне проточной», — взывает чрез надпись могильную дочь одного из великих жрецов. Он дает проточной воды, исцеляющей смертную жажду, возрождающей тень отошедшего, и из водных растений сплетает для молельника, в смерти ожившего, новую одежду. Владыка влаги и владыка ключей жизни, вместе с своею сестрою-женою Изидой, великой чаровницей, воплощением женственности и материнства, он удостоверяет светлую вечность тому, кто достойно изжил свой земной день и дождался теней вечерних.

Два есть Нила — земной и небесный. Воды Нила небесного текут от заката на север половину своего пути, а потом половину текут от севера на восток. В эти воды Изида, оплакивая Озириса, растерзанного воплощением бесплодной пустыни Сэтом, роняет свою слезу, и, как из одного алмаза рождается несчетность разноцветных огней, так из одной этой алмазной слезы рождается несчетность капель земного Нила, обьятого разливом.

Два лика есть, схожие между собою, у Нила земного — южный и северный. Участвуя в двух естествах, юный и сильный, с женскими грудями, хотя пола мужеского, с головным убором из папируса и с головным убором из лотоса, вот он — Нил юга, и вот он — Нил севера, один разрисованный красным, другой — голубым. Он многоименный; — Тот, что покрывает, Вознесенный, Прорывающийся, Свершитель прыжков, Великий плакальщик, Распространитель вод; это он, Открыватель путей, уклончивый как змей, и изображенный в изящнейшем храме Филэ как змея, исходящая из пещеры.

Праздник разлития Нильских вод празднуется жителями Нила различно, как он праздновался в Египте издревле. Около летнего солнцестояния, — говорит Масперо, — когда святая вода Сиэнских бездн прибывала в Сильсилэ, жрецы этой местности, иногда царствующий владыка или один из его сыновей, приносили в жертву быка или гусей, потом бро-

сали в воду запечатанный свиток папируса: запись-повеление сделать все, чтобы обеспечить Египту благодеяния правильного разлива. Предание, передававшееся из столетия в столетие, ставило в зависимость благополучие или злосчастие года от роскошества и рвения празднующих. Если верные были холодны, Нил не повиновался записи-повелению и не распространился так обильно по полям. Крестьяне, придя издалека с своими запасами, ели и пили все вместе в течение нескольких дней, пили до пьянственности, чтобы пьянственно лились Нильские воды на поля, отвоеванные у пустыни. Наступал великий праздник, жрецы выходили из святилища в процессии и шли вдоль берегов, неся изваяние бога под звуки музыки и с пением гимнов.

И в наши дни Копты и Мусульмане одинаково чтут Нил и празднуют его разлив. Глашатаи возвещают о постепенном росте могучей реки, и в миг должного усиления разлива бывает свадьба Нила. При шуме игр, при свете огней, при общем веселье и под залпы выстрелов, в Нильские воды бросают невесту Нила — куклу, лишь куклу, но, ведь, это лишь символическое венчание, и во время этого свадебного праздника сама земля венчается с водою; воскресший Озирис целуется с Изидой, человеческая воля обручается с пашней, готовой рождать колосья, пустыня, увлажненная поцелуем Нила, одевается в душисто-дышащие цветы.

А! Пустыня... Нужно ее видеть, чтобы чувствовать, как священна вода, как можно ее любить и обоготворять. Древний Египтянин боялся сделать и несколько шагов в пустыню, ибо он с религиозным ужасом ощущал, что пустыня, это — безжизненность. Когда скачешь на коне или быстром ослике по песчаным каменистым пространствам между Либийской горной цепью и Аравийской, душа изнемогает от душевной и мутной тоски, и дивишься на то, что даже песков здесь нет настоящих, тех желтых, золотистых песков, которые мы любим на взморье. Это — серая пыль, это — прах веков, это — зола перегоревшей жизни. Смерть, но без красоты смерти. Тусклая, душная безжизненность, исполненная злых чарований. Наваждение дьяволов немoty и бесцельности.

И если попадетсЯ на пути деревушка феллахов, не обрадуешься ей. Эти глиняные клетушки, которые даже домишками нельзя назвать, так убоги, что Русская изба в сравнении с

ними — роскошный дворец. Пригнетает пустыня. В мужицкой избе в России есть на оконцах узоры. Это — чувство красоты. Здесь оно отсутствует. Говорят, им не нужно настоящих домов — все время на воздухе они, и в Египте всегда тепло. Это — ложь. По ночам здесь вовсе холодно. И беременные женщины не со свиньями же должны рожать. А так рожают. Люди живут по-скотски. В пыли, в прахе.

Помню строки, которые пропелись в душе моей, когда я впервые увидел эти поля Египетские.

Плавно, словно иноходец,
Скачет ослик. Путь далек.
Оросительный колодец
Ноет, воеет, как гудок.
Два вола идут по кругу,
Все по кругу, без конца.
Век прикованы друг к другу,
Волей знойного Творца.
И в песчаные пространства,
Дождь которых не кропил,
Для зеленого убранства
Мутной влаги ссудит Нил.
Чтоб другие были сыты,
Чтоб во мне тупой был страх,
Мной пространства грязи взрыты,
Буду, был, и есмь феллах.
Темный, голый, червь надземный,
Пастью пашни взят и сжат,
Есмь, как был я, подъяремный,
Восемь тысяч лет назад.

Когда подышишь этой пылью веков, понимаешь, что доныне для феллаха Нил священен, и он никогда не посмеется и не пошутит над ним, и никогда не откажет просящему в воде. В этом — завет тысячелетий.

Нил наших дней лишен тех очарований, которыми он воссиял в веках. Умер Древний Египет, и с ним исчезли чарования. На Нильских водах нет более ни папируса, ни лотоса, в Египетском Ниле нет более стильных чудовищ — кродила и гиппопотама. По Нилу пробираются, везя толпы глазающих пустопорожних людей, нелепые пароходы, эти водные рыдваны коммунистических удовольствий путешес-

твия. Я избегаю этого кощунства и этого унижения. Лишь в крылатой ладье, лишь на парусной лодке я скользил по водам священной реки.

Лишившись древних чар, все же Нил бессмертен. Он освежительно широк и могуч в Дельте и около нее, он волнующе красив в Верхнем Египте, когда на крылатой ладье скользишь через его водоворотные пороги, устремляясь к последнему храму Изиды, к стройному, как сновидение, храму Филэ.

И до сих пор, до этих дней текущих, не потеряли своей убедительности слова древнего «Гимна к Нилу». Я слышал их пропетыми в обрывках, быть может, искаженных. Но вот они так, как я услышал их. «Привет, о Нил, привет тебе, что явился на этой земле, тебе, что приходишь дать жизнь Египту. Бог сокровенный, исходящий из мрака, орошатель лугов, созданных Солнцем, чтобы дать жизнь стадам. Ты напоешь землю. Дорога небесная, ты нисходишь, друг хлебов, взращатель зерен, бог открыватель, озаряющий все дома.

Отдохновение пальцев, труд его — для миллионов пригнетенных. Если он убывает в небе, повергаются боги ниц, погибают люди. Засияет он, и вся земля наполняется радостью, все тела веселятся, все, что живет, имеет питание, всякий зуб перетирает пищу.

Он приносит питания свежая, все блага дает владыка яств избранных. Блюдет он над каждой жертвой. Фимиам, от него исходящий, есть достоинства первого. Две области он заливает водой, наполняются житницы, сыплются зерна в амбары.

Нет жилища такого, чтобы смочь вместить его, и кто в сердце его проникнет. Радость для чад своих, он укрепил поколения. На юге ему воздают почитание. Стойки законы его на севере. Слезы всех глаз он испил. Глядит, чтоб росло изобилие.

Вечер и полдень он создал, означил их лик. Он дает всем трудам воплотиться, всем начертаньям божественных слов, всем молитвенным чаяниям.

Гнев его страшен. Гнев его — бедствие. Госкуют тогда о воде. Фиваида и Дельта в томлении. Нет одежд, чтоб одеться, нет ни на ком украшений, божеский цикл не свершается.

Но когда ты ответил приливом — все в благовонии. Установитель порядка, люди тебя умоляют словами ласкательными, чтобы ты им ответил разливом.

Песнь для тебя заиграли на арфе, ты руками воспет. Своих ты возрадовал, труды усладил. Воссияние, Щит защищающий, ты живишь все сердца, возлюбил размножение.

О, разлитие Нила, тебе приношенья приносят, тебе закаляют быков, тебя восславляют в хвалениях, принесли тебе в жертву птиц, зажгли тебе в жертву огонь, ты, чье имя сокрыто на небе, кто не может быть явлен ни в каком начертании.

Пред тобой ликованьем объята существа человеческие. Боги со страхом чтут бога. Восстань, о, Нил, и дай тебя услышать! Восстань, о, Нил, восстань, о Нил, восстань, о, Нил, и дай тебя услышать!»

СОЛНЕЧНОЕ ЕДИНОБОЖИЕ

Он, чьих имен — не счесть.

Из Египетского гимна

Не покинь меня, Бог Златолитый.

Из Египетского гимна

Когда зажигаешь малую свечу восковую, на лицо твое падает свет, и лицо твое становится просветленным. В малом сиянии малого света можешь душой своей пропеть великие хвалы Миру. Так можно ли их не петь, когда загорается тот великий Светильник, который жители Нильской долины называли Лампадой живою, исходящей из океана Небес.

Говоря о Солнце, становишься певучим и светлым. Первая ласка его скользнет по верхушкам деревьев, охваченных ночью сыростью, чуть-чуть скользнет, еще отдаленным намеком, по зябкому горлу дремотной птицы, — и вот дрогнула преграда между ночью и днем, разбилась в звонком клике птичьего горла, зазвенели переключки между ветвей, в миллионный раз живым существам хочется петь Гимн Солнцу.

В какую страну ни пойдешь, услышишь хвалы Солнцу, уловишь любовь к нему и в народной поговорке, и в цветистом слове поэта, и в точной формуле мыслителя. В нескончаемом многообразии формул и хвалений увидишь, как могут многоименность и многоликость совмещаться в единстве и сводиться к одному.

Русский мужик говорит: «Первый жаворонок на пригреве садится». Эллинский мудрец, Аполлоний Тианский, говорит: «Быть заодно с Солнцем». И не слиты ли два эти разные возгласа? Не чувствуется ли в них обоих — восторженная любовь живых к Солнцу и неистощимая ласка Солнца ко всему живому?

«Среди тварей Божеских», говорит Бретонец, «Солнце есть создание Божье, а Луна от Дьявола, — потому она и не так блестит ярко, и часто внушает злое». В тех же областях Бретани есть поверье, что, если женщина посмотрится в зеркало, когда Солнце уже зашло, — за собою, поверх плеча, она видит Дьявола.

Надо быть покорным Солнцу. Солнце зашло, Солнце спит, — бойся искать своих отражений, в сети Дьявола попадешь, голова закружится.

И опять мне вспоминается слово Русского мужика: «Борони пб-солонь, — лошадь не вскружится».

Сколько сияний в Солнце, столько разных его проявлений в Мире, и столько различных его наименований в разных умах.

«Солнце есть круг», говорит Эсхил.

«Солнце есть шар», говорит Плутарх.

«Солнце есть диск», говорит Пифагор.

«Солнце — широкий источник текучего света», говорит Лукреций.

«Солнце — пылающий камень», говорит Анаксагор.

«Солнце — драгоценный камень Неба, Солнце есть Камень Самоцвет», говорят все народы Мира.

«Солнечный бог — Ураган, и Солнце есть Сердце Небес», говорят древние Майи.

«Солнце — Змеиный Камень, и создают его грозные змеи», говорят древние Кельты и Германцы.

«Солнце — камень победный, Солнце есть камень желанный», говорят опять древние Германцы.

«Солнце есть щит», говорит «Эдда», и она же добавляет: «Солнце — светлое колесо, Солнце — колесо красивое».

«Солнце и Луна — две ладьи, одна из красного песку, другая из белого, и обе по Небу проплывают в пляске», говорят красивые жители острова Таити.

«Солнце — красивая женщина», говорят Австралийцы, «идет она на прогулку с Востока, дойдет до раскидистого памятного Древа, идет к Западу, и так всегда».

«Солнце — отец наш», говорят Перуанцы.

И другие еще говорят о Солнце, что оно — светлый бокал, блестящая урна, море лучей, огненное кольцо, огненный водоем, жгучее жерло, пылающее ожерелье, пламенный дворец счастливых душ.

А трогательная «Калевала» прибавит: «Божье Солнце — Божье веретенце». И сколько выпрядет светлых нитей это веретенце, — можно ли счесть. Но веретенце это — одно, и одно Солнце, и один Бог, единственный, хотя много различных его отображений видится взору, просветлевшему под ласкою Солнечного сияния,

Есть ли в конце концов многобожные религии и народы-идолопоклонники, народы-многобожники? Мне хочется сказать решительное «Нет». В каждой религиозной системе, в каждом построении благоговейных помыслов отдельные божеские лики восходят к одному. Мексиканские боги войны, влаги, рожденья, и ветра, эти узорные Вицлипохтли, Тлалок, Цигуакоатль, Кветцалькоатль, восходят до солнечных чертогов и там истаевают в солнечных огнях. Эллински-красивые Аполлон, Дионис и Афина утопают в лучах и громах Миродержца — Зевеса. Древнейшие из ведомых нам богов, Египетские, боги мудрые звери и боги — стихии, Гор с головою сокола, предстательница рождений, богиня Таурт, с телом гиппопотама, бог мудрости, Тот, с головою ибиса, шакал-Анубис, хоронитель мертвых, которых ждет воскресение, — все Египетские боги, качествами своими и свойствами, тяготеют к богу Солнца, Ра, и тонут в океане его бессмертного сиянья.

В историй многобожного Египта мы видим два замечательные явления религиозной жизни этого глубоко-благоговейного народа. Целый ряд богов играет роль духовных покровителей такой-то или такой-то местности. В каждой области, в каждом городке, в каждой деревушке есть свой бог. Но все эти боги так и остаются местными богами, и лишь бог Солнца, Ра, сочетая свое имя с именами других богов, достигает, под именем Амон-Ра, все-Египетского значения, делается вышним царем всех богов, единым Богом, и постепенно принимает вторичный свой все-Египетский лик, лик бога убитого и воскресшего, пред-Христианский пресветлый лик Озириса. Бог Мемфиса — бог открыватель, Фта. Он знаменит, но его сияние не достигает пределов Египта. Боги Солнечного

Града, Гелиополиса, являют из себя Эннеаду, девятикратность богов: Тум, ночное Солнце; Шу, небесный воздух; Тэфнут, небоносительница; Кэб, бог Земли; Нут, мать звезд; Озирис, бог жизни; Изиды, богиня любви супружеской и материнской; Сэт, губительный; Нэфтис, жена и спутница Сэта, изменяющая и гибельному для жизнедателя. Девять их, но все они, как мы читаем в древних текстах Пирамид, суть дети Тума, его сердце дышит их рождениями, дышит — в том числе 9.

Как гласит Египетская мудрость, когда еще Неба не было, и ни одного червя не было создано, сперва возник Нун, довременная Влага, первобытная Вода, и никого кроме этого бога не было, и не было нигде места, где бы мог этот бог стать. Тогда он создал других богов. И вот, кроме многих и многих детей Божиих, на первозданной этой влаге, возрос красивый стебель лотоса, а в лотосе, в цветущей этой чашечке, явился юный Солнечный бог.

В те дни, когда на Ниле цвели лотосы и на Нильских берегах создавались замыслы величия, Солнце утром всегда восходило из-за влаги, покрытой лотосами, и на ночь оставляло в этих цветочных чашечках свое брезжущее сияние.

На малом пространстве Нильской долины, орошенной таинственными водами реки, что ежегодно превращается в водопадное Море, и согретой Солнцем неба безоблачного, воздвиглись бесчисленные храмы, колонны которых, позднее повторенные храмами Эллады и всего мира, суть зодческое слитие папируса и лотоса, высокого стройного папируса, чаще — расцветного лотоса, двух растений, излюбленных Солнцем, и растущих лишь в странах, самую Судьбою предназначенных для творчества солнечных молитв и песнопений. Вознеслись, в Небо уходящие, обелиски, символизирующие Солнечную силу пола, а равно устремленность души к Жизнедателю — Солнцу. Вознеслись, безмерными и молитвенно-стройными громадами, Пирамиды, в которых обманно видят лишь огромные гробницы, тогда как они являют взнесенность души к Солнцу, в Пустыне служат маяками, такими строго-законченными, издали зримыми, успокоительно-тихими, достоверными, заостренными.

Создались бесчисленные храмы, и не знаешь, какой красивее, — храм Гелиополиса, в Нижнем Египте, посвященный

Солнцу Горизонта, или храм Эдфу, в Верхнем Египте, посвященный Крылатому Солнцу, украшенному двумя змеями.

Заглянем на минутку в древний храм Абидоса.

В Абидосском храме Рамзэса, на северной стороне одной из границ, и на южной стороне ее, начертано священными знаками 74 наименования воплощений Солнца. Не все они одинаково выразительны и не все достоительно изъяснены. Но вот — некоторые определения Солнечного бога.

Хепера: — Скарабей. Символ бытия в его осуществлении. Ипостась восходящего Солнца.

Тот, что в Диске: — Не самое Солнце, как небесное светило, почитали Египтяне, а его одухотворяющую незримую Силу.

Могучеликий. Озаритель тел. Кормилец.

Тум, он же Атум: — Один из древнейших богов и главнейших. Ипостась ночного Солнца. Творец людей и делатель Богов. Самосозданный.

Тэфнут: — Как существо совершенное, Солнечный бог — андрогин. Наряду с мужскими ликами, у него есть женские. Тэфнут — сестра-близнец бога Воздуха, Шу, разъединяющего Небо и Землю в дневном их существовании, тогда как ночью они слиты воедино.

Нут: — Женская основа отца Богов, небесного Океана, Ну, небесной Воды, по которой проплывает ладья Солнца. Нут, образуя из тонкого тела своего небесный свод, опирается кончиками пальцев рук и ног о Землю. Все тело Нут усеяно звездами.

Для убиения к столбу привязанный: — Озирис. Бог жизни и воскресения. Убитый, но возродившийся. Великий прообраз Христа.

Нэфтис: — Плакальщица. Сестра жены Озириса, Изиды, и жена убийственного воплощения выжженной Пустыни, Сэта, который растерзал Озириса на 14 частей и повсюду разбросал их.

Великий Овен: — Как в Индии или Иране, баран, наряду с козлом и быком, был воплощением Солнечной силы, выражающейся ярко и в их наклонности биться, и в том, что они любят так жарко.

Таинственный членами: — Кто ж его разглядит и исследует? Кто к нему из земных прикоснулся?

Восстанавливающий: — Возродитель. Формула гласит: «Он дает, чтоб любовь Царя была в сердце у всех красивых женщин».

Тот, что дает дышать: — Без него омертвели бы в черной, в серой ночи.

Тот, что место душе дает: — Как птице на ветке.

Воспламеняющий. Непостижимый. Приемлющий. Хоть не только он греет, а и жжет, и хоть понять его никак нам невозможно, он принимает нас на светлое свое лоно, что есть Мир, и дает нам играть на лугу, усеянном цветами.

Возносящий. Лучистый. Указатель путей. Вот они, все там, под Солнцем, пути, от Либийской горной стены до Аравийской, и от истоков сокровенного Нила до широкой Дельты.

Блестящерогий: Словно бык небесный, пробегающий в вышних полях.

Великий воскликновеньем: Кто ж не восхваляет Солнце? И мошка, и птица, и феллах, и Фараон.

Путеводитель души: От темной Земли до Аменти, где свет вечерний.

Молодитель. Бодрствующий. Владыка душ. Властелин лучей.

Носитель жаровни. Создатель душ. Дыхание души.

Ослепительный. Юный Бегун.

Радователь. Житель превышних мест.

Шу: — Воздушный, он поддерживает звездное Небо, а под ним лежит Земля. На голове его высокое перо.

Горус, Гор: — Бог восходящего Солнца. Сразитель зло-вредного Сэта.

Изида: — Ей благодаря, воплотившей в себе любовь супруги и матери, был воедино собран, по частям, растерзанный Озирис, и, воскресший, стал богом Закатного Края, Аменти, где живут лучезарно все Египтяне достойные, по завершении земного дня своего.

Плакальщик: — Не потому ли, с восходом Солнца, дрожат на травинках бриллианты росы?

Аменти, и Тот, кто в Аменти: — От вечернего Солнца до утреннего.

Двойник: В Аменти мы живем двойною жизнью, глядим глазами души, ходим путями двойника.

Тот, что в ларе: Озирис убиенный. Смертию смерть попавший.

Великий Кот: Священный зверь с блестящими зрачками, кому дано видеть и во мраке.

Двойная связь: От света к тьме, из тьмы на свет.

Судьба. Лучистоликий. Славу свою возвещающий.

С разметанными волосами.

Возвещающий и шагающий.

Лучисто Землю обновляющий.

Много у Солнца сияний и блесков, но бывает они погасают. Так бывало и в истории Египта, но после кажущейся смерти Солнце встает на горизонте с освеженной утренней яркостью. Прилетела в Нильскую долину Азийская саранча, Гиксы, народ пастухов, народ варварский. Баранов пасли, а сумели победно ворваться в чужую страну, к народу утонченному, к Египтянам, тела которых, в своей стройности, более были пригодны для мирной жизни, чем для военной. Казалось бы, тут и конец Египетскому Солнцу. Но в Верхнем Египте был город Фивы, место так себе, незначительное. И был там местный бог Амон, невеликий бог. Имя его однако было Амон или Амен, что значит Сокровенный, и воистину скрывалась тут значительная судьба. Амон соединил свое имя с именем Ра, Солнца, и, руководимые Амоном-Ра, властители Фивской области вышвырнули вон Азийских пришельцев. И возвеличился Амон-Ра, и стал царем богов Египетских. И лучи Египетского Солнца не только снова воссияли над всем Египтом, но даже и над всем пространством от Евфрата до Судана.

И в исполинских храмах пели гимны Солнцу. Вот, в отрывке, один из лучших гимнов Амону-Ра.

«Облик единственный, всесоздающий, единый, единственный, кем созданы все существа. Из глаз твоих, слез ока твоего, возникли люди. Из слова, сказанного ртом твоим, возникли боги.

Он, вышний, травы создает, которыми питаются стада. Питательные для людей взращает травы. Живут им рыбы в водах рек, и птицы в Небе. Дыханье он дает тому, кто в скорлупе, и им накормлен сын червя. Питает мошек он, необходимое в норах дает мышам, и всем лесным букашкам. Ему благодаря, качает воды Нил, возлюбленный, течет, и чуть он явит лик свой, — живут все люди.

Привет тебе, источник изначальный, родник всего, единый и единственный, чьи руки многочисленны, кто существа людские блюдет. Привет тебе, тому, кто пребывает в покое, и однако же изыскивать умеет, благо всех, Амон, властитель, лелеющий во всех существованье. Бог самосозданный и свет двух горизонтов, перед тобой все боги пали ниц. Им радостно перед Творцом склониться, пред тем, кто им рождение дал. Отец отцов, — поют они с восторгом, — отец богов, ты Землю отодвинул, подвесил Небо сверху, царь всего, творец существ, властитель совершенный, верховный вождь, мы душу чтим твою, тебя мы обожаем, вождь богов».

Говоря об Амоне-Ра, Египтяне называют его также — бог первого круговорота, душа величественная, один-единственный, он ипостасей бесчисленных, верховный господин бытия, тот, через кого существует все, что существует, и кто раньше был все, с первой зари мироздания сиявший как Солнечный Диск.

Был в истории Египта замечательный миг, когда именно Солнечный Диск, хотя не надолго, стал исключительным единственным, верховною властью признанным, все-Египетским богом. В длинном ряде Фараонов, любивших, чтоб их изображали в исполинском божеском лике, был любивший человеческое, фараон Аменготеп или Аменофис Четвертый, — в великолепных рельефах мы видим, как он играет и целуется с своими детьми, как милует и целует он ласковую жену свою, сидит с ней обнявшись, пьет с ней вино, ест с ней душистые плоды. Один из преемников великого преобразователя и завоевателя, Тотмеса Третьего, этот Аменготеп увлекся мыслью объединить почитание всех богов Египетских. Он замыслил свести все религиозные чувства Египтян лишь к почитанию единого солнечного диска, чье имя Атэн, к почитанию самого блестящего воплощения бога Солнца, Ра. Душою своей признав Солнечный Диск за бога единого, Аменготеп хотел придать поклонению Солнца исключительный и художественно-законченный характер. Да не будет более богов человекоподобных и звероподобных. Вместо прежнего Солнечного бога, с телом человека и лицом человека, или также с лицом сокола, по замыслу Аменготепа, в Египетских храмах возник Диск Солнца, лучи которого, вытягиваясь, превращаются в руки. Земное — Земле, и небесное —

Небу, но Земля и Небо — неразлучны. Лучи — руки. Рука берущая и рука дающая. Рука — символ мощи и деятельности, символ власти, знак возможности всяческих свершений. Повторенная во множественности, солнечная длань есть как бы сеть паутинок тончайших, связующих, есть как бы мост соединительный между Небом и Землей. Взростителю трав и деревьев, богу изумрудных побегов, Солнечному Диску, приносились в жертву, главным образом, плоды и овощи, — плоды древесные и плоды земные, — благовонные сгустки Солнечной силы, созревающие от сочетания земного праха с влагой, сочетания воздушной свежести с солнечным лучом.

Преобразование Аменготепа умерло вместе с ним. В долгой истории Египта оно длилось столько же, сколько длится солнечное утро. Но, по благоговейному и художественному смыслу своему, оно было и лучезарно, как солнечное утро.

Вот искристые слова, возникшего в это утро, гимна.

«Великолепен твой восход на кругозоре Неба, о бог живой, Атэн, первооснова жизни. Являя лик свой на Востоке, ты наполняешь Землю твоею красотой. Красив ты и велик, сияешь ты, возвышенный, сияешь над Землей. Твои лучи Вселенную объемлют, всем существам ты жизнь даешь. Ты — Ра, ты — Солнце, в чем нужна им, существам, ты им даруешь. Через любовь Землей завладеваешь, лучи на Землю устремляешь, и день идет, слепя твои шаги. Ты возлежишь, на Западе, Земля — в ночи, как мертвый. Спят люди в обиталищах своих. Их головы покрыты, и ни один того не видит, кто рядом с ним, глаза в глаза не смотрят. Свою берлогу покидает лев, и змеи жалят. Темнеет Небо, место Света, Земля, — немеет, ибо там, на крайней грани кругозора, исчез Творец.

Блистательный, ты утром предстаешь как лик Атэна, день рассеивает тьму. Распространяешь ты свои лучи, — и в празднестве Земля. Гляди, они проснулись там, проснулись, и на ногах стоят своих. Вот омывают тело, члены все, одежды надевают. Вздывают руки в обожании тебя, затем, что всю ты Землю озаряешь. И то свершают, что свершать им должно. Животные на пастбище пасутся, лежат, они довольны. Цветы цветут, деревья возрастают, колосья наливаются на нивах. Покинув гнезда, птицы улетают, и к лику твоему их крылья протянуты с мольбой. Вниз по теченью двинулся корабль, вверх по тече-

ню, раскинув парус, движется ладья. В потоке рыбы скачут. До глуби Моря проникают твои лучи, на лоне матери ребенка оживляют. Ребенок плачет. Нет, не плачь. Живая няня здесь. Атэн сияет, Диск сияет Солнца, — дитя, не плачь.

Детей дав женщине, ты в муже создал семья. Живущим речь даешь ты, способность говорить. Птенец в яйце живет тобой, хотя он в скорлупе. Его на воздух ты выводил. Вот он выходит из яйца, чтоб говорить. Как много сделал ты, Атэн, о, бог живой!

Согласно с волею своей, с ней сообразно, образовал ты Землю, когда ты был один. Ты сотворил людей, стада, зверей. Тобою создано все то, что ходит по Земле, все то, что наверху и что летает, имея крылья. Египет создал ты, и Сирию, и Куш. Различье языка народам дал, различье вида, дал каждому на месте быть своим.

Ты создал Нил в глубинах, дал ему — бежать вперед, чтобы кормить прибрежных. Ты создал Нил на Небесах, чтоб он струился вниз и горы бил волнами, и орошал поля. Как ты красив! Есть Нил небесный, зримый всем в пустыне, есть Нил глубин, кем весь Египет жив.

Ты бог единый, ты соединил все облики свои в едином лике, на Небе дальнем светишь в высоте. Ты — Диск живой, встающее ты Солнце, сияешь ты, приходишь и уходишь. Все облики в тебе, единый Бог!»

ДВОЙНАЯ СВЯЗЬ

Дай мне в полях быть твоих, о
Повелитель ветров. Дай мне пу-
хом там быть. И там пахать, и се-
ять там, и жать, и там бороться, и
там любить.

Из Книги Мертвых

Все в мире объято единою волею, волею к жизни и к закреплению своего «я» в зыбях времени и пространства. Запечатлеть себя в зеркале сознания, или в бессознательной дремоте ощущения, знать и чувствовать, что ты живешь, живешь, живешь, — это рычаг, которым движутся все миры.

Человек, зверь, растение, и птица существуют, как таковые, потому, что они этого хотят. Без воли к самоутверждению не было бы ни снежной вершины Казбека, ни вырывающихся из пределов Мексики потоков Гольфстрёма, что вьются как горячая подводная змея размеров исполинских, ни малой незабудки, что вот цветет здесь у моих ног.

Все, что живет, не только хочет жить, но хочет жить вечно, и, зная, что в мире есть смерть, через любовь и смерть стремится к жизни бессмертной. Колос, умирая, роняет зерна, и снова зеленеет и желтеет нива. Птица, спевши весенние песни, дарует крылья новым крылатым, и песни и полет длятся тысячелетия. Человек, достигая высот сознания, разбивает ограничительные оковы телесности и создает себе бесплотный мир бессмертия.

«Есть воля, которая не умирает. Кто знает тайны воли и ее могущества? Бог есть лишь великая воля, пронизывающая всю природу своей напряженности. И не уступил бы человек ангелам, не уступил бы он самой смерти, если бы не слабая его воля». Эти строки Глэнвилля, избранные Эдгаром По для лучшей его сказки, «Лигейя», как будто взяты из какого-то магического Египетского папируса. «В человеке есть скрытые силы», говорят Египтяне, «с ними он может достичь всего. Лишь слабость воли и бедность воображения становятся ему преградами».

Однако лик смерти страшен. Неуютен и чужд живому вид покойника, хотя бы дорогого. Мертвый своей неподвижностью нарушает непрерывную волнообразную линию жизненного движения. Все живое мыслит и чувствует — непрерывными рядами. Музыка чисел прерывается выпавшим звеном. Нужно скорей его заполнить, и укрыть поскорее от взоров живых то, что не смотрит более на жизнь, а глядит внутренним оком в неведомое.

Четыре суть мировые Стихии, в круговороте которых мы живем. И с самых первых дней человеческого сознания, с тех дней, когда люди воистину были сыны Луны и дети Солнца, живой человек, инстинктивно или сознательно, приобщал отшедшего к одной из четырех Стихий, чтобы скрыть мертвое от живого, и чтоб через это погребальное причастие к живущей Стихии мог возродиться умершим для новой жизни.

Земля, Вода, Огонь, или Воздух? Воду пьют, водой — лишь омыть умершего, в воде хоронить нельзя. Что ближе из трех остальных? Земля. Что достоверней и священнее? Огонь. И с самых далеких времен — умерших зарывали в землю или сжигали. Индусы и древние Славяне, Руссы, любили похоронные чары Стихии сжигающей. Жители других стран укрывали своих мертвых в безглагольной земле. Зарывали их в горячие пески, где они иссыхали. Строили им подземные чертоги, просторные, где хоронили вместе с умершими оружие, чтобы можно было сражаться, и орудия, чтобы можно было работать, в неведомых странах Запредельного. Придавали умершим сидячую позу, чтобы было им покойнее, или позу ребенка, что в утробе матери, чтобы легче им было родиться к новой жизни, или вытягивали их с лицом, обращенным к Северо-Западу, ибо там ведь живут отошедшие, или обращали их лица к Югу, — на Юг улетают птицы, или обращали их лица к Востоку, оттуда льет нам полным ковшом золотую свет-влагу жизнещедрое Солнце.

Земли ближе и роднее нам из всех Стихий. На нее мы опираемся, от нее мы получаем свое пропитание. Но лихой зверь может вырыть умершего, зарытого в землю, и осквернить могилу. И сам умерший, тоскуя в темноте могилы, может выйти из нее ночью, и, приходя как привидение в знакомые места, смертным ликом своим может смущать живых и живое. Огонь достовернее уничтожает подлежащее уничтожению, и Огонь священнее, ибо он сын вышнего Солнца, и природа его непостижима. Белый при рождении, красный при возрастании, он исторг у первобытного Ииуса бесчисленность красивых напевов, этот старейший из богов, и самый юный в то же время. Путь Огня — путь достоверный, и он многоцветный. Путь Агни — черный, белый, красный, багровый, ослепительный, заревой, и желтый. Желтый, как золото и как Солнце. Агни — как свет дневной, как живое дыхание; — когда он несется в золотых одеждах, два его мчат вороны коня или два красной масти. тому богу были доверены неисчислимые мертвые.

Известен рассказ Арабского путешественника Ибн-Фоцтлана о том, как в огне хоронили древнего Русса.

Вот он умер, его нарядили в блестящий кафтан, соболиную шапку, посадили на ковер, на большую ладью, вытащен-

ную на берег и с четырех сторон укрепленную подпорами. Яства около него положили, двух лошадей убитых, двух быков, и птиц домашних. Меда поставили и плодов с благовоениями. Спросили девушек его: «Кто умрет с ним?» Больше любившая сказала: «Я». И на преломлении дня, между полднем и закатом Солнца, обреченная смерти трижды была поднята и опущена. И в первый раз сказала: «Вот вижу отца моего и мать мою». И во второй раз сказала: «Вот вижу всех отшедших родных моих сидящими». И в третий раз сказала: «Вот вижу господина моего сидящим в саду. Он зовет меня». И дали ей кружку с медом, и дали ей вторую кружку. Она пела над медом, и выпила мед, и была пронзена кинжалом, и была сожжена с любимым. И там, за пределами этого огня, который догорел и потух, разве не вспыхнули им костры негаснувшие, и мало ли расцвело им медовых цветов?

Подобно, но еще пышнее, хоронили Асы убитого Бальдера, и Скандинавы сохранили об этом рассказ. Они положили его на исполинский корабль, златоволосого Бальдера, на корабле развели костер, в который сам Один бросил золотое кольцо, ветром корабль унесло в Море, и так, между морскою бездной и небесной, горел этот плавучий воздушный костер. Похоронный обряд, достойный викингов, доверявших Небу и Морю, и любивших — если их хоронили на прибрежьях, с лицом, обращенным к текучим волнам выходить из могилы, по временам, и долго глядеть на вспененные пространства.

Огню же, в солнечном его лике, и воздуху, с его крылатыми хищными птицами, отдавали своих мертвых Парсы, как это доселе делают последние верные огнепоклонники в Бомбее. Покойник лежит на вершине горы. Он отделен от людей, от воды, от деревьев, от земного огня, от самой земли, ибо лежит он на каменной кладке. Он лежит в Дахме, в круговой Башне Молчания, она открыта, своим верхом, Небу, и на ней сидят многочисленные коршуны, поджидающие пришествия мертвых. В этой Башне Молчания мертвый лежит и глядит на Солнце, а оно сушит его белеющие кости.

Во всех перечисленных способах погребения — а сколько их было еще, не сосчитать — есть одна общая черта. Живые помогают делу тления, которое стало неизбежностью после того, как наступил смертный час. Лишь один народ восстал

против самого тления и захотел его устранить, — лишь Египтяне, во всем своеобразные, и в этом вопросе оказались единственными, и в безмерной любви своей к жизни создали культ мумизирования умерших, дабы никогда они не истлевали и в самой смерти не умирали, да будет человек соединен с всемирным бытием двойною связью, духовной жизнью души в бестелесном царстве Запредельного и телесной жизнью негибнущей мумии, продолжающей служить двойнику в гробнице¹.

Эта сложная и глубокая мысль о двойном существовании выявилась в царстве Фараонов не сразу, а лишь с великой постепенностью, но ощущение жизни после смерти и стремление сохранить тело от тления восходят к древнейшим временам Египта. Раскопки преддинастических, доисторических, кладбищ Нильской долины показывают, что Африканские туземцы отдавали своих мертвых земле и огню. Некоторые мертвецы до погребения были разрублены на несколько частей, — для того ли, чтобы ускорить дело тления, для того ли, чтобы помешать двойнику бродить по земле и смущать живых, для того ли, чтобы, через магию подражательных действий, приблизиться к судьбе Озириса и, завершив человеческий удел, осуществить удел божеский — быть растерзанным, и, по растерзании, воскреснуть. Некоторые мертвецы лежат на левом боку, на той стороне тела, где сердце, и головы их обращены к Югу. Но когда в Нильскую долину пришли те, что создали исторический Египет, — пришли ли они из Азии, переплыв через Красное море, или пришли из последних пределов Атлантиды, постепенно утопавшей и окончательно потопшей, — они не удовлетвоались таким способом похорон, и в древнейших Египетских могилах мертвецы — первичные мумии — залиты горной смолой. Когда добывали эту горную смолу? За 8 000 лет до Рождества Христова? Или за 7 000? Или за 12 000 лет? — Мнения расходятся. Надо думать, однако, что много-много раньше.

¹ Кроме Египетских мумий, существуют еще иные, например, Перуанские и Мексиканские, но они, насколько известно, случайны, и, являясь лишь высушенными телами, не представляют из себя мумий в точном смысле, — завершенного звена в сложной цепи верований.

Мало-помалу, от начатков до совершенства, Египтяне работали такую законченную систему мумизирования умерших, что эти мумии, дойдя до нас, показали нам, что они воистину победили тысячелетия, и что, не будь они потревожены любопытствующими гробкопатателями, верно, они жили бы в своих пирамидных и горных гробницах, призрачной, но реальной жизнью, до скончания Земного Шара.

Мумизированные тела. Когда говоришь — тело, хочется добавить — душа. Человек как соединение души и тела, это — понятие всемирное. Но Египтяне, как народ ухищренный и умудренный, видели в человеческом «я» много составных частей. Опираясь на тексты, Египтологи насчитывают их от шести до десяти.

Следую классификации Бэджа, как наиболее стройной и как представляющей числовую параллель к законченной религиозной системе Гелиополиса, к девятибожью Солнечного Града.

Девятикратно, по существу своему, человеческое Я.

1. Телесная плоть, физическое тело, *хат*. То, что подлечит тлению и может быть сохранено лишь мумизированием. Телесная опора, живущего в гробнице, бестелесного двойника.

2. Двойник, *ка*. Бестелесное отвлеченное «я», тождественное по виду и по качествам с личностью, которую оно зеркально повторяет. Беря за опору свою мумизированное и тело или изваяния умершего, живет двойник в гробнице, но волен исходить из нее и блуждать где хочет.

3. Душа, *ба*. Соединяясь с двойником, вольна жить в гробнице, но, будучи по существу своему более небесной, живет с Озирисом в Крае Закатном, Аменти. По воле своей принимает телесную или бестелесную форму. Как человек с соколиной головой, прилетает в гробницу и приносит пищу и питье двойнику. Блуждает где хочет. Но так как лучше всего быть в соседстве с Солнцем, проплывает победно в Солнечной ладье.

4. Сердце, *аб*. Источник всех поступков наших и всех побуждений. Родник мыслей и чувств. Верховный обвинитель или защитник личности, ибо от его голоса решается участь человека в день Страшного Суда. Великая необходимость — сохранить его при погребении и предохранить, магически, от

ворующих сердца, что подстерегают нас на путях к спасению. Амулет сердца — скарабей, символ бессмертного существования.

5. Тень, *хаибит*. Как двойник, она есть зеркальное тождество личности и вольна блуждать где хочет. Питается поминальными дарами, в вещественном ли их виде, или в теневом их отображении.

6. Дух, *ху*. Лучистое «я» человека. Живет с душой, сияя в духовном теле, *саху*.

7. Власть, или воля, *сэхэм*. Бестелесная сила жизни, владеющая человеком в его бытии и уходящая вместе с душой в Запредельное. Воля к жизни.

8. Имя, *рэн*. Величайшей важности часть человека. Нет имени, нет жизни. Человек без имени, человек мертвый.

9. Духовное тело, *саху*. Обиталище души. Местопребывание духа. Чуждое тления и вечно-длящееся, в своем неземном существовании. Бесплотный ковчег бессмертного бытия.

Душа, озаренная светом духовным, облеченная духовным телом и соединенная с волей, живет в царстве Озириса. Двойник и тень, с своею телесной опорой, мумией, живут в гробнице, которая есть дом достоверный. Сердце и имя живут двойною жизнью, земной и небесной.

Из всех подразделений Египетского «я», для нас, Европейцев, и для нас, людей современных, может представляться весьма странным, что имя человека считается такой первостепенно-важной составной частью живой личности и личности умершей, подлежащей воскресению. Между тем, в этом одухотворении имени и приписывании ему великого жизненного значения Египтяне не одиноки. В «Мистической Розе» Краули мы читаем: «Женщине Индусске запрещено упоминать имя мужа. Она обыкновенно называет его „господин“ или „мужчина в доме“. У Киргизов женщины не смеют называть мужских членов семьи по имени. Зулуска, говоря о муже, называет его „отец такого-то“. С другой стороны, на Соломоновых островах мужчины очень неохотно говорят, как зовут женщин, и когда их принуждают это сделать, они произносят женские имена тихим голосом, словно не подобает и говорить об этом с чужими. То же и среди племени Тондов. То же и у туземцев Калифорнии. Имя есть

жизненная часть человека и часто считается чем-то вроде души».

Каждый благомыслящий Египтянин был озабочен тем, чтобы заблаговременно построить себе достойную гробницу, чтобы гробница эта была расписана священными магическими картинками, обеспечивающими душе достоверное странствие в Крае Запредельном, и чтоб родные и жрецы должным образом заботились об остающемся в гробнице двойнике. Фивские могилы изрыты в Либийских горах, и весь Египет наполнен гробницами, весь Египет, по удачной формуле Масперо, от Ассуана до Каира, есть одна выгравированная и расписанная надпись, по обоим берегам Нила.

Откуда такое неукоснительное почитание смерти и мертвых? Сперва Египтологи говорили: «От угрюмости характера Египтян». Потом они стали говорить: «Египтянам не чужда радость жизни». Оба мнения ошибочны, — первое по прямому несоответствию с действительностью, второе благодаря своей робости. Не только не чужда была радость жизни древним Египтянам, но так безмерно они любили ее, что, живя, возжелали жить вечно, и, будучи народом, склонным к отвлеченному мышлению, создали стройную систему верования в жизнь бесконечную и в жизнь двойную. Миг свой они захотели превратить в мировую длительность. Отсюда беспрерывные их заботы о гробнице и мумии.

Обычная картина Египетских похорон такова. Умершего отдают бальзамировщикам, у которых есть свой строго выработанный ритуал, осуществляемый ими под неусыпным наблюдением жрецов. Внутренние части удаляются из тела. Внутренности наши нечисты, они наполняются мертвечиной, и они-то и суть причина наших грешных поступков и побуждений. Вместо них тело наполняется патроном, горной смолой и благовониями. Все тело, сложными приемами, делают неподлежащим порче. Затем обертывают его погребальными покровами и, закончив мумизирование в семидесятидневный срок, кладут тело в гроб и отдают его семье отшедшего. Торжественная процессия — родные, друзья, жрецы и плакальщицы — переходит текучую воду священной реки и уносит гроб в западные пределы Нильской долины. При плаче провожающих женщин, жрецы произносят и поют молитвы, возжигают ладан, совершают священные заклинания и иные обряды. Му-

мию замуровывают в сокровенной части гробницы, куда проникают через колодезное углубление. Вниз, в глубину. После того как ход к мертвому замурован, в начальном покое гробницы хоронящие устраивают поминки. Звучат струны арф, говорятся слова хвалы и воспоминания, звучат струны скорби, ибо разлука полна печали, но и слова радости, ибо Солнце светит и жизнь бесконечна. Мумия покоится внизу, приуроченная для нового бытия, и ждет, чтоб живые ушли из гробницы. У нее сердоликовое сердце в виде скарабея. Амулет силы необманной, ибо скарабей есть лик бессмертия. В то время как душа и воля ушли в Закатный Край, Аменти, где путь им точно означен положенным в гроб списком «Книги Мертвых», с мумией остался двойник отошедшего, он такого же вида, как сам отошедший, и те же у него чувства, и те же у него желанья.

Он хочет жить, двойник, и опорой его бытия, телесной возможностью посмертной жизни, является нетленная мумия и зачарованные магическими заклятиями изваяния покойного, помещенные в гробнице и вне ее. Телесная возможность бытия двойника осуществляется также приношениями верных, совершаемыми в разные праздники. В праздник начала времен года, в праздник начала года, в праздник конца года, в праздник большого пламени и в праздник пламени малого, в праздник рождения пяти больших богов, входящих в Солнечное девятибожие, в праздник бросания песчинок, в праздник двенадцати месяцев, каждого по очереди, в праздник всех живых и всех мертвых. Самые перечисления на священной плите, перечисления приношений, превращаются для двойника в живую вещественность, если благоговейный кто-нибудь прочтет с молитвой надпись плиты. И каждый достойный Египтянин, по долгу благочестия и в сознании все-Египетской круговой поруки, хоть раз в день прочитывал могильную надпись кого либо из отошедших. «Вы, что придете после меня», взывает из теневой своей области отошедший. «Вы, существующие на земле, живые вовеки и проходящие Вечность, жрецы, служители Озириса, искусные в божественных словах, что вошли в сень мою смертную, или проходите мимо, прочтите надпись плиты моей, произнесите, не колеблясь, имя мое. Вы, все смертные и вечно живущие, кто бы вы ни были, вспомните имя мое перед владыками

истины, ибо в божеском будете вы благоволении и передадите достоинства ваши вашим детям после долгой старости. Воспомяните меня».

Живой голос своих или чужих прозвучал, и как только живые ушли от сени смертной, в ней возникает чарование двойной жизни. В то время как душа отшедшего проплывает в Солнечной ладье с Озирисом и другими богами, живописания стен гробницы, глиняные или каменные и деревянные фигурки людей и предметов, положенные в гробницу, самые слова молитвы, только что сказанные, все это превращается в действительность, воплощается. Пред двойником развертывается широкая картина жизни живой. Тронулись ладьи по Нилу, по пашне проходит пахарь, кузнецы колотят молотами, и из горнов выбрасывается настоящее пламя, пастухи пасут многочисленные стада, в садах расцветают цветы, и вот он снова, немеркнувший лотос, виноградная лоза вызревает под Солнцем, укрытая вырезными листьями, слуги приносят еду, кравчий наливает кубок, раздается музыка, струнные звуки веселят и баюкают, и с веселящим мерным топотом проскользают стройные тела плясуний, глаза которых горят и мерцают, как продолговатые амулеты из черного камня. В гробнице положены, предусмотрительно, и лопатки и глина, — каменщики, эти ответчики на загробный зов, проходят рядами, постукивают лопатками, строят, строят, возникают новые здания, возносятся замки и башни, целые города, полноценная жизнь.

Волшебные мгновения переживал двойник в гробнице. Ведь там не умирала и любовь, а что же слаще любви? И красивы Египетские лики, красивы чары Египетского лица. Плита одной из гробниц в Дэйр-эль-Бахари говорит об одной из ушедших, но не умерших в смерти: «Это — пальма, пальма около мужчин, это — любовь около женщин, властительная, это пальма любви, стройная, посреди женщин, отроковица, девица, подобной какой не видали нигде никогда. Волосы черны у ней, чернее, чем ночь, черней, чем плоды терновника. Румяна ее щека, румянее красной яшмы, краснее закусенного финика. Ее груди красивы на груди ее».

А душа, соединенная с волей, с этою непреклонною волею к жизни, живет тою же земною, но просветленной жизнью, в царстве Озириса, в ветерках свежительных, в полях высоких

стеблей. Проходит везде свободно. От острова к острову между длинных и узких каналов. От озера к озеру, с зеркальной их влагой. Среди небесных папирусов, среди дышащих лотосов, где-то там на Северо-Западе, по соседству с Большой Медведицей и с полярными созвездиями. Там по ночам толпятся звездные души, и всякий это может видеть. Млечный Путь там гуще, чем в других частях неба, и особенно перед рассветом, когда Солнце, победив ночные ужасы и все угрозы странствий среди враждебных змеев, готовится быть Солнцем двух горизонтов.

Египетские звезды живут тогда необычно-яркой жизнью и все возрастают, все растут в своем блеске, превращаясь в малые далекие солнца ночные и утренние. От часа, когда Солнце, заходя, соединяется с Землей, до часа, когда возвещает его явление звезда с пятью ветвями, пятилучевая денница, бог живой, что идет, идет и уходит, — таинство всемирного бытия и бессмертной жизни отдельных душ осуществляется без перерыва. Мудрые все это знают. Все это описано в «Книге ведения о том, что в другой половине Мира».

Самих богов не трепещет более, а лишь радуется им достойный озириец. Он живет полной жизнью в Аменти, он сидит одесную Озириса, он в свете лучистого бога бессмертия.

И не только в солнечной ладье он проплывает. И не только срезает многозернистые колосья, шелестящие родные любимые колосья. Властный принимать все лики и облики, он, перевоплощаясь в растения, в птиц и в зверей, испытывает всю полноту живой жизни и самолично познает все тайны ликующего самодовлеющего бытия. Как древний Мексиканец, вознесясь в чертоги Солнца, превращался, по желанию своему, в лучистое облако с золотыми краями или в быструю красочную колибри, питающуюся цветочной пылью, так древний Египтянин, принимая различные лики, говорил:

Я в круге возврата
Свежий миг бытия.

Он превращался в Феникса и говорил:

Мой пух — как снег, я птица Бенну,
Я свет воздушный, лунный бог.

Он превращался в многозубого крокодила и говорил:

Рыба мощная Кемура,
Я священный крокодил,
Я гляжу, мерцаю хмуро,
Мною, в числах, полон Нил.

Он превращался в ласточку и щебетал:

Победил я врагов. Где змея?
Ибо ласточка, ласточка я.

Нилом вспоенный, он превращался в голубой лотос и душистую грезой, цветистой, пел:

Я чистый лотос,
Я, светлый, вышел.
Из блеска Ра.
Его дыханьем
Я был воздвигнут,
И вот — пора.
Я чистый лотос,
Искал, где Утро,
Свершил весь путь.
Взошел на поле,
Я чистый лотос,
Дохнуть, блеснуть!

ПОВЕСТВОВАНИЯ ГРОБНИЦ

Вот это есть жатва. Человек,
когда он работает, спокоен и кро-
ток. Таков и я.

Надпись Египетской гробницы

Когда глаза твои устанут от многоцветной пелены много-
различностей жизни, уйди, на мгновения, к курганам и к свя-
щенным гробницам, и послушай, душою своей, голоса Без-
молвия. Тишина говорит, и успокоительны эти голоса, кото-
рые слышишь сердцем. Не обманывают они, хотя обещают,

не заводят, хотя ласкают, не подстерегают души твоей, хотя убаюкивают.

Посмотри на безмерность степей, от края до края Неба. Как широки они, как безграничны. В Мире, где даль бесконечна и Небо бездонно, может ли жизнь твоя быть лишь блуждающим огоньком, случайною искрой, или не явственно ли, что бесконечность путей ведет к бесконечным достижениям, и что, как в перекатном море ковыля каждый стебель живет отъединенной жизнью и в то же время есть часть этого зеленого моря, так и ты, и дорогие твои, уже ушедшие, и безвестные предки твои, что дремлют вот в этих курганах, все, все, все, не одиноки в своем одиночестве, не покинуты в своей пустыне, но, живя своей жизнью, законченной, отъединенной, живут и как звук в Мировой Симфонии, как часть и как слово Всемирной Легенды, как капля, как бег волны в Океане без берегов, рождающем эти волны, и дающем им родиться и родиться вновь.

Присядь на минутку в тиши вековых гробниц, и взгляни, и подумай. Сколько было их, красивых и умных и стройных, любивших любовью, говоривших слова необманные, глядевших друг другу в глаза, уходивших в Смерть с полной верой, закрепивших эту веру в посмертных своих словах. Или была напрасной вся эта серьезность жизни? Вся эта красота и глубина, или была это только насмешка? Но ведь этого же не может быть, это не так, сердце знает, сердце слышит, величайшие духи огненные светили огнем достоверным, совершеннейшие души кристальные все оставили нам слово Завета, они поручились нам, что наша дорога ведет не к пустому провалу, не к ничтожеству, а к светлому, полному радости, слиянию с Первоистоком любви, мышления, жизни, и полнотвучия.

Сознание человеческого бессмертия есть принадлежность всякого народа. Нет народа, который не знал бы, что смерть есть лишь дверь, переход. Но, кроме Индусов и народов, создавших Христианство, никто не ощущал этого так остро, как древние Египтяне.

Принимая в усложненном причудливом уме Египтянина разнообразнейшие очертания, эта мысль о Бессмертии ярко отразилась, как в религиозных легендах, созданных жителями Нильской долины, так, в особенности, и в его погребаль-

ном культе, единственном на всем Земном Шаре, по сложности и причудливости своей, среди всех похоронных обрядов, когда либо возникавших у какого-нибудь исторического народа.

Египетские гробницы многократно и всесторонне описаны такими добросовестнейшими исследователями, как Шамполлион, Мариэтт, Масперо, Лепсиус, Бэдждж, Флиндерс-Петри, Навилль, и многими другими. Опираясь на их книги, и главным образом на книгу Лапиноса-Паши, посвященную могильным памятникам Древнего Египта, а равно и на собственные свои впечатления, вынесенные из путешествия по Египту, постараюсь свести в цельную картину — многоголикую Египетскую гробницу с многовековой ее жилицей, Мумией.

Египетская гробница, имея в своем разнообразии общие типические черты, не могла, конечно, не меняться в своих частностях на протяжении долгой истории Египта. Существуют два деления истории Египта. Одно — в соответствии с именем главенствующей столицы — указывает четыре периода Египетской истории: Тинисский (Абилосский), Мемфисский, Фивский, Саисский. Другое — более широкое, общее, по царствам: Древнее царство (от 1-й династии до 11-й, от 5004 до 3064 года до Рождества Христова); Среднее царство (от 11-й династии до 18-й, от 3064 до 1700 года до Р. Х.); Новое царство (от 18-й династии до 31-й, от 1700 до 342 года до Р. Х.).

Эпоха дальнейшая, эпоха Александра, Птолемеевых царей, и Римских кесарей, есть эпоха умирания Египта, кончающегося унижительным нашествием Арабов, заполняющих Египет, как саранча, и поныне.

В доисторическую пору Египта, когда в Нильскую долину только что пришли будущие создатели этой великой культуры, Горийцы, Шасу Гор, спутники Гора (Горуса), вошедшие откуда-то в царство священной Реки победно, как врезаются в последнюю тьму лучи восходящего Солнца, тела покоились в могилах не так, как стали они покоиться, в виде нетленных мумий, в исторические века и тысячелетия Египта. В тех могилах, где тела не были разрублены на части, они лежали в позе ребенка еще не рожденного, в полусогнутом виде, как мумии Перуанские, и в мертвых руках отшедшие

держали пластинку из сланца, косоугольную, в виде ромба, или же в виде птицы, что вольно летает, в виде зверя, что вольно бегаёт, в виде рыбы, что вольно плавает. Но, когда Горийцы, эта Свита Сокола, Спутники Восходящего Солнца, укрепились в Нильской долине, Египет быстро принял тот вид, к какому мы привыкли, думая о нем.

Тини, бывший в близком соседстве с городом Озириса, Абидосом, был столицей и священным городом солнцепоклонников Горийцев. Первый исторический фараон, старого списка Фараонов, мудрый Мэнэс, построил еще, на выступе Дельты, новую столицу, Мэн-Нэфер, Благое Жилище, Мемфис. Мало-помалу, взнеслись Пирамиды, а вокруг них раскинулись обширные кладбища, подобно тому, как и ныне, вокруг исполинских соборов Христианских, ютятся кладбища наши. Некрополь Сахары и некрополь Гизэ — это два Города Мертвых в Древнем царстве Египта.

Типические гробницы Древнего царства представляют из себя единообразные построения, именующиеся *мастаба*. Это длинный прямоугольник, здание массивное, четыре покатые стены симметрически наклонены к одному общему средоточию и обращены к четырем частям света. Каждый ряд кладки состоит из тяжелых глыб, положенных вертикально. Не только из камня строились эти здания, но также из кирпича. Те, что были из камня, строились из кремнистого известняка, твердого камня, цвета голубоватого, или же из ружьякового известняка, более мягкого камня, желтого цвета. Мастаба из кирпичей также двоякого рода, — из более грубых кирпичей, желтоватых, или же из кирпичей черных, более тщательной выделки.

Окон в этой низкой усеченной пирамиде нет, лишь двери. Большая ось прямоугольника неизменно идет в направлении Север — Юг. Главная сторона — где вход в гробницу — обращена к Востоку. Из Пустыни — на Север глядят тяжелые громады погребальные — к морю всеобъемлющему и всепоглощающему. И к Югу они устремлены, откуда пришли в Нильскую долину спутники Сокола. И на Восток, откуда приходит новая жизнь каждого утра, обращены они всем ликом своим, ожидающим.

Каждая мастаба внутри распадается на три части: преддверье, тайник, и склеп, к которому ведет колодезное углуб-

ление, квадратное или прямоугольное, никогда не круглое. Две неизбежные принадлежности Египетской гробницы — стэла (плита) и статуя (изваяние отшедшего). Плита, стоячая, прямоугольная, чаще же закругленная сверху, с памятными надписями, обращена всегда к Востоку и находится в преддверьи. Есть преддверья, где стены голы, и лишь плита покрыта выгравированными надписями, но нет преддверья, где стены были бы глаголющими, а плита немой. В тайнике замурована статуя или несколько статуй покойного, — это телесная опора для его двойника. Тайник или совсем без сообщения с другими частями гробницы, или же соединяется с преддверьем продолговатым малым отверстием, дабы двойник мог вдыхать свободнее жертвенный дым, ибо сюда, в преддверье, приходят родные и друзья для поминок. В склеп опускаются с гробом на веревках, ставят саркофаг в его последний предел, и путь к нему пресекают, засыпая камнями и щебнем колодезное углубление. Саркофаг большей частью из тонкого известняка, реже — из розового гранита, еще реже — из темно-дымного базальта. Надписей на стенах еще мало в эту эпоху. Но отшедший читает узоры звезд. Из сумраков, где он находится, он глядит на высокое Небо над ним.

Две любопытные подробности гробниц Старого царства. План комнаты, составляющей преддверье гробницы, имеет форму креста. Крест был священным символом, всегда у всех народов. Это можно проследить в памятниках Майи, Египта, Мексики, Китая, Индии, Трои, Скандинавии. Никакая часть погребального преддверья не расписана, но нижняя века изображаемых в рельефах лиц окаймлена зеленою полоскою. Зеленый цвет есть цвет молодого побега, просыпающегося для новой жизни и выходящего из темной земли к светлomu воздуху Неба. В этой маленькой зеленой полоске чувствуется ненасытимая жажда жизни, как чувствуется она с очевидностью в могильных надписях, — могилы строились до смерти, — где тот, кто заранее смотрит на неизбежный смертный час, хочет, чтобы он пришел к нему после долгой и счастливой старости, или даже точно означает, что хочет, чтобы жизнь его продлилась ровно до ста десяти лет.

О гробницах Среднего царства мало что можно сказать. Это период вторичного младенчества, неопытного и неловкого, следствие того, что, благодаря вторжению сил враждеб-

ных, верные творческие традиции временно были порваны. Взамен правильности и величия стиля, — черты отличающие Древнее царство, — замечается безвкусное нагромождение предметов, заполнение могильного уюта многообразною мебелью. К этому же периоду относятся и саркофаги с человеческим лицом, — как бы подражающая очертаниям человеческого тела, каменная покрывка покоящейся мумии. Некоторые гробы людей знатных раззолочены сверху донизу. Игра золота на выступах, и переливы его, должны означать одно из наименований Изиды, защищающей Озириса: Она, что свет засветила своими крыльями. Тексты надписей становятся яснее, и как на интересную подробность можно указать, что упоминание о матери покойного встречается более часто, нежели упоминание об его отце.

Самый пышный расцвет похоронного культа относится к Новому царству, когда, за изгнанием Гиксов, Фивские династии вознесли Египет на ту высоту, какой он только мог достичь. Царские Фивские гробницы суть наиболее совершенные достижения художественных замыслов погребального искусства. Покои обширны и подобны подземным храмам. На подножьях из гранита или алебаstra — таблицы обетных приношений. На плитах, прислоненных к стенам — напевные гимны к Солнцу. Все становится ритуальным, строго-религиозным. Сплошь, стены расписаны причудливою живописью. Свежесть ярких красок доселе поражает зрителя, когда он впервые входит в эти похоронные чертоги, иссеченные в Либийских горах. Словно все это было написано здесь вчера. Эти картины — не картины, это главы из ритуальной *Книги Мертвых*, чье более точное имя есть *Предстание пред ликом Дня*. Магический рассказ о ночном шествии Солнца через ужасы и испытания Мрака. Магически благоговейные указания отшедшему, куда он должен направлять свой путь, чего он должен держаться, чего опасаться должен, и в чем искать защиты, дабы в сохранности и цельности достичь успокоения в царстве Озириса. В каждой гробнице непременно есть плита. Характер и назначение всегда одинаковы. Это частию поэтический рассказ, частию молитвенное воззвание, расширенный текст эпитафии, установление связи между отшедшим и миром запредельным, установление и наименование самой личности отшедшего, — без имени нет жизни,

и в этой надписи — царская грамота отшедшему, охранительная запись.

В гробнице, как в здании, стоит каменный саркофаг, в саркофаге лежит деревянный гроб, в гробу покоится мумия. Саркофаги древнейшей эпохи отличаются большой простотой и большим изяществом. Саркофаг главной Пирамиды не имеет никаких украшений. Саркофаг Мэн-Каура был украшен лишь архитектурными линиями, расположенными с большим вкусом. Есть саркофаги красноватые, есть серо-зеленые, саркофаг красавицы Нитокрис голубой. Саркофаги Нового царства отличаются большою пышностью. Фигуры и сцены, украшающие эти саркофаги, живописуют шествие ночного Солнца. Внутренность саркофага и внутренняя сторона крышки саркофага обычно изображают две женские фигуры, видные прямо, глазами в глаза. Та, что внизу, есть лик ночного Солнца; в знак покоя, руки у нее опущены вдоль тела. Та, что вверху, есть лик дневного Неба; подняв руки над головой, она плывет в бесконечных пространствах. Тот, кто лежит в саркофаге, покоится между ночью и днем, он между двух миров. Ночь — его основа, День — его устремление.

Гроб, достоверный дом, жилище необманное, весьма различествует в различные времена Египта. В дни величия Мемфиса и в первые дни величия Фив стовратных он почти всегда являет из себя длинный просторный прямоугольник, из дерева сикоморы, с крышкой и плоским дном. На внутренней поверхности, обычно, начертана красными и черными чернилами, красивою иероглифическою скорописью, глава 17-ая «Книги Мертвых». В этой главе отшедший озириец, верный слугитель Озириса, вступает в прекрасное Аменти, Край Закатный, предстает пред ликом Дня бессмертного, принимает, по воле своей, разные формы существования, — возникает как птица Бенну священный Феникс, что вылетает из пламени душистого дерева и поет так сладко, возносясь в лучах, что сам Ра Солнцеликий его слушает, — сливается с ипостасями Божественными, — возникает как бог Вчера, и Сегодня, глядящий львиным оком в прошедшее и будущее, как тот, чье имя — Миллионы Лет, как Водная Бездна, прародительница, как Солнце ночное и Солнце утреннее, — он победно доходит до полного приникновения к возрождаю-

щему Озирису, он видит Царицу Пламенной, Изиду, раскинувшую вокруг тела своего свои пышные волосы душистые.

Золотые крылья Изиды и Нэфтис, двух плакальщиц Озириса, двух подруг мертвого, двух заботниц воскресения, облачают этот малый, но достоверный уют мумии, наряженной как на светлый праздник, облеченной в дорожный плащ из тончайшего полотна, обутой в изящные сандалии, держащей в руках ключ жизни, и другие священные живительные амулеты. Смертные пелены Египетской мумии, всегда без исключения, сделаны из полотна. Голубой цветочек, цвета небесного, дает одежду человеку, когда он покидает землю свою родную, Тонкий покров очень длинен. Лабиринтными бесконечными извилинами он облакает тело, придавая ему, своими спиралями и оборотами, точный вид тела живого, не иссохшего, тела такого, каким оно было, когда, оживляемое душой и двойником своим, ходило по этой земле, смотрело, любило, смеялось, жило.

Левая рука мумии, во все времена, украшена перстнями и скарабеями. Рядом с мумией, или между ног ее, положены папирусы, запись Погребального Ритуала. Иногда эти манускрипты облачают мумию с ног до головы, защищая ее от всех злых наваждений. Руки большей частью вытянуты вдоль тела. Иногда обе руки закрывают сферу любви и жизни.

Маска мумии — из разного материала, из золота, из воска, из расписанного дерева, из черного дерева, с глазами из стекловидной массы, окруженными бронзой. У некоторых масок — эмалевые глаза. Маскам старались придавать черты сходства с отшедшим.

Эпитрахиль, встречающаяся в могилах 21-й и 22-й династии, связана символически с Хэмом, он же Амсу, бог силы возрождающей.

Нагрудник, малая часовенка, содержащая скарабея, символ прохождения через разные полосы бытия, клался на грудь мумии.

Целое множество магических талисманов, амулетов, имеющих назначением охранять отшедшего, и облегчать ему новое его существование и вступление в царство духовное, ютилось около мумии. Эти амулеты делались из самого разнообразного материала: изумруд, аметист, гранат, аквама-

рин, агат и яшма, лазурный камень и обсидиан, змеевик и кровавик, бирюза, янтарь, коралл и жемчуга, малахит и золото. Доныне мы видим их, в высоких покоях наших Музеев, эти бесчисленные ожерелья и священные символы изваянные. Перечислим главнейшие амулеты.

Амулет сердце. Из сердолика или зеленчака; замена сердца, вынутого из тела, и предохранительный талисман от похитителей сердец, — чудовища, что суть полулюди полу-звери. Амулет скарабей. Самый распространенный, находимый и на беднейших мумиях; из зеленого базальта, зеленого гранита, зеленого мрамора, известняка, голубого стекла, пурпурного, синего и зеленого фарфора, зеленый камень иногда — в золотой оправе; символ возрождения и бытия свершающегося, ибо жук скарабей катит земляной шар с своим яичком и зарывает его в землю, откуда исходит потом новая жизнь, подобно тому как шар Солнца катится по Небу и уходит в темную землю, чтобы выйти оттуда свежим, — и жук скарабей летает в самые жаркие часы дня, очевидно чувствуя свое родство с горячим, вечно-живым, Солнцем. Амулет поясная пряжка. С пояса Изиды; из сердолика, красной яшмы, красного стекла, иногда из золота, но главным образом из всего красного; кровь Изи-ды, и сила Изи-ды, и чары Изи-ды в этом; дает доступ отшедшему всюду в Крае Запредельном; дает ему возможность одну руку устремлять к Небу, другую к Земле. Амулет колонка (*mat*). Из полевого шпата; символ устойчивости и восстановления тела; эмблема древесного ствола, в который Изида спрятала тело Озириса. Амулет подушка. Подобие подушки; из кровавика; чтобы покойно было голове отшедшего. Амулет коршун. Из золота; коршун парящий в воздухе с распростертыми крыльями, в когтях у него, справа и слева, ключ жизни; символ власти божественной матери, Изи-ды. Амулет ожерелье. Из золота, очень редкий; чтоб легко покинуть пелены смертные. Амулет папирусный скипетр. Из изумруда, или же зеленого фарфора или голубого фарфора; символ мощи и вечной юности. Амулет душа. Сокол с человеческой головой; из золота и выложенный драгоценными камнями; талисман соединения души с мумией, и воссоединения, по воле, с духом и духовным телом. Амулет лестница. Лесенка малая; из дерева или чего иного; чтоб легче было взойти к богам, ибо Небо есть огромный пол железный Небесного чертога, с четырьмя стол-

бами на Востоке, Закате, Юге и Севере, и местами, где горы высокие, этот пол совсем близко к вершинам их, а местами трудно взойти на Небо, так что даже когда Озирис восходил на него, сверху ему помогал отец его Ра, в величии Солнца дневного, а снизу сын его Горус, в победности Солнца утреннего. Амулет ступени. Лестница тоже, но лик нескольких только ступенек: из зеленого или голубого фарфора; символ Неба и трона Озириса. Амулет лягушка. Символ воскресения и жизни изобильной; мириады лягушек в болотах, мириады часов и годов в неизмеримостях Неба. Амулет змеиная голова. Из красной яшмы, из сердолика; чара Изиды, от вражеских сил замогильных. Амулет два перста. Указательный палец и средний, из обсидиана или кровавика; этими пальцами Горус помог Озирису подняться по лестнице. Амулет удача (*нэфэр*). Из сердолика или красного фарфора; лик музыкального инструмента, как бы мандолины; любим как подвеска на ожерельях. Амулет око. Глаз Горуса; из золота, серебра, гранита, сердолика, фарфора, дерева, лазурного камня; у Горуса два было глаза, один белый, другой черный, День и Ночь, Месяц и Солнце, символ силы и здоровья; имеет указующее значение в связи с Солнцем во время летнего солнцестояния, когда Солнце наиболее могуче. Амулет круг Солнца. Из лазурного камня или сердолика; символ Вечности («Пока Солнце живо...»). Амулет с а м. Узорный знак соединения; из лазурного камня; символ телесного наслаждения. Амулет *менат*. Радостный знак веселья, здоровья, силы, соединения женской страсти с мужской; из бронзы, фарфора, и разных камней ценных; носили его боги, цари, жрецы и жрицы, вместе с звенящим систром, что был принадлежностью богини любви, поцелуйной богини Гатор. Амулет жизнь. Ключ жизни, крест с яйцевидною ручкой; из самоцветностей разных; символ жизни и возрождения. Амулет печать. Из лазурного камня или зеленого камня; символ Вечности и зеленеющей жизни в голубых чертогах Вечности.

Были еще и другие амулеты. Диски, углы, наугольники, сердца, измеряющий лот, лик Солнца на горных выступах, красная корона Севера, белая корона Юга, тиары царившие. И всего не перечить.

Были еще в гробницах Египетских фигуры, фигурки и статуи, вазы, сундучки, стулья, столы, кровати. Гробница — дом

вечный. Строили этот дом основательно. Заботились. И когда строили это жилище достоверное, не было там, среди Либийских гор, острословных могильщиков Шекспира. Ибо люди это были благоговейные, всегда ощущавшие Двойную Связь, неумирающую цветистую перевязь между Небом и Землей.

Стенная живопись гробниц уводит нас своими чарованиями к этим людям, сумевшим закрепить свой лик в тысячелетиях.

Вот гробница Сэти Первого, одна из самых примечательных гробниц в Баб-эль-Молуке. Процессия четырех рас Древнего Мира, присутствующих при похоронах героя. Раса Египетская, Роту, красные — Египтяне всегда изображали себя на своих памятниках красными; раса желтая, Аму, с глазами голубыми и с длинными бородами, народы Палестины и Сирии, Малой Азии, Халдеи; раса черная, Нагасу, Негры с юга Африки Египетской; раса белая, Тамагу, с белыми лицами, с голубыми глазами, с бородами заостренными, в волосах, как украшение, высокие перья, — Либийцы и Кельты. Как Египтяне, так и чуждые расы, находятся под покровительством Египетских богов; Черных бережет Гор, Утреннее Солнце, Желтых и Белых — огненная Сэхэт с львиной головой и с диском, увенчанной изогнувшейся коброй, Красных берегут все боги. В глубине бог Утреннего Солнца ведет Фараона пред лик Озириса и Гатор, к радостям жизни и любви.

Вот гробница Амона Эм-Хэба. Он сидит с своей сестрой-женой на почетном месте. Оба держат в руке цветы. Кругом гости. Пируют. Служители наливают вино, приносят яства. Во втором ряду — женщины. У каждой на голове цветы, вокруг шеи ожерелье из цветов, каждая рука держит благоуханный цвет лотоса. Там дальше — музыканты, мужчины и женщины, арфа, флейта и лира.

В гробнице Рамзэса Третьего музыканты играют пред самым богом Воздуха, и светлый Шу с удовольствием слушает людскую арфу, сливающую свои звуки с птичьими голосами, среди садов и рощ, меж тем как разлившийся Нил стремится свои воды по руслу и струит их по каналам.

В гробнице Рэхмары, времен Тотмэса Третьего, снова шествие народов, приносящих Фараону дары. Проходят Мулаты с чувственными своими губами и курчавой головой, Негры, Семиты, несут эбеновое дерево, слоновую кость, пе-

рья страуса, меха, сушеные плоды, ведут леопардов и обезьян. Люди, похожие на Этрусков, несут изящные вазы, расписанные узорами и цветами. Черные Южане приносят золотые кольца, мешки с золотым песком, страусовые яйца, перья, ведут леопардов, ведут целое стадо быков с развесистыми рогами. Белые люди, рыжеволосые, ведут коней, медведя, слона. А дальше снова пир. Видно, как одна из гостей обернулась к черной рабыне, стоящей у ней за спиной, и протягивает ей пустую чару, чтобы та налила вина. И неумолкающая слышится музыка.

И видны в гробницах колосья, снопы. Это есть жатва. Колос созрелый. Успокоение исходит от полей. Хлеб освящен завершенным трудом, несущим в себе такое благословение, что человек становится кротким, когда он работает.

И видны виноградники. Одни лозы еще сплошь покрыты полновесными сочными гроздьями, другие уже без ягод, их взяли в точило, чтоб сделать вино. Выжать гнетом пьянящий сок, да завершится круг и да свершится таинство. Божия тайна и человеческая.

Таинство светлого лика. Хлеб и вино.

МАЯК В ПУСТЫНЕ

Издревле 3 почиталось
священным числом.

История Чисел

Клянусь Четверично-
стью. 4 — источник всего.

Пифагорейская клятва

«Человек рождается на страдание, как искры — чтобы стремиться вверх».

Верно или неверно это слово многострадального Иова? Достоверно ли, в своей убедительности, это осуждение самого бытия человеческого?

Нет, в нем содержится лишь частичная верность. Рождаясь, человек рождается — и на страдание, не может достигнуть полноты и высоты, не пройдя через горнило боли, одна-

коже, рождается он для высокого счастья, — иначе не свети-ли бы звезды и цветы, и не устремлялись бы искры вверх. А искры, воистину, рождаются, чтобы стремиться вверх. И не только искры, а все искристые мысли человека стре-мятся к высоте и жаждут ее, уходит поминутно к лазурным морям души, и к лазурным бездонностям Неба, с его Солн-цем, рождающим цветистое слово Завета, радугу, с его кол-довскою Луной, вздымающей приливы Океана, с его голубо-вато-зеленовато-серебристыми и золотистыми роями полно-чных пчел, что зовутся звездами и созвездиями.

Мы, Христиане, создавшие самый красивый храм, Христи-анскую церковь, наполненную изваяниями, картинами, ико-нами и благовониями, с примыкающей к ней колокольней, ко-торая убегает своим легким шпилем в Небо, — мы, Европейцы, построившие Московские храмы, и Кельнский собор, и Ми-ланский собор и давно уже остывшие к собственным своим построениям, не понимаем и не чувствуем более, как глубоко заложено в человеческом сердце желание, вознеся высокое и величественное здание, коснуться последним его острием посл-едних граней временного, зодчески закрепить свою мысль на века и, взметнув, над малостью будней, безгласный архитек-турный гимн, видеть, что не тонет в море времени этот возвы-шенный знак твоей воли и твоего благоговения.

Современный человек, мелкий и суетный, видит сует-ность и желание внешнего величия, внешней пышности там, где сердце более первобытное, еще себя ощущавшее в ритме Вселенной, стремилось, на самом деле, коснуться вечного, коснуться божеского, — созиданиями, которые уходят за пределы человеческого, превышают пределы доступного, применительного, являющего лик обыденности. Из этого чувства, а не иного, родились исполинские изваяния на ост-рове Пасхи и в таинственных областях Центральной Амери-ки, доисторической, — из этих глубин непогасимой жажды неземного возникли многочисленные пирамиды Египта, Мексики и Майи.

Когда говорят о Пирамидах, всегда разумеют, тысяче-кратно изображенные в слове и в живописи, три пирамиды Гизэ. Это они снискали всемирную известность, и с ними связаны многообразные легенды. Между тем Пирамид в Египте гораздо больше, и различны их размеры, и различен

их лик. Есть усеченная пирамида Сахары, пирамида Меиду-ма, черные пирамиды Дахшура, четырнадцать пирамид Абу-сира, пирамиды Зауйэт-эль-Арриана, эпохи неведомой. Всего-навсего, исследователям известно в Египте около ста Пирамид, но, конечно, это не все.

Находясь между Дельтой и Файюмом, все Пирамиды расположены в Нижнем и Среднем Египте, на пространстве сорока верст. Слева, на запад от Нила, в ограниченном пространстве, в силу своей ограниченности — обособленном, священный очаг многовековых, застывших каменных костров, устремивших к небу свои вершины и острия. Различествуя в размерах и в форме, многообразно, все Пирамиды, неукоснительно, имеют одну — лишь одну — безусловно общую, тождественную, особенность: у каждой пирамиды четыре грани, четыре наклонные, уходящие ввысь, стороны. В идеальной пирамиде — в одной из трех пирамид Гизэ — эти наклонные плоскости суть четырехкратно повторенные треугольники, четырехкратно пропетая троичность, четверичною встречей своей образующая, в небесном воздухе, верховную точку, малую точку, атом, знак единичного существования в множественной слитности миров.

С детства зная Пирамиды по картинам, и слышанные об их исполинских размерах, мы с трудом можем поверить, что колебания в их объеме так велики. В то время, как вертикальная высота пирамиды Хеопса, от вершины до основания, составляет около 70-ти сажений, одна из пирамид Дахшура не достигает высоты 15-ти сажений. Различие большое. Но полевая ромашка в средней России растет в виде скромного стебелька с желто-белой головкой, а в горячих странах, как Испания или Египет, она растет в виде кустарника, со многими цветами, — однако же, вид самого цветка один и тот же в России и в странах солнечных, и одна и та же, тут и там, цветочная мысль этого растения.

Древнейшей пирамидой, над которой прошли веяния семи тысячелетий, является восходящая широкими этажами пирамида Сахары, построенная в царствование первой династии Фараонов, а их было до тридцати. Как полагают египтологи, выстроил ее четвертый царь первой династии Унефес, и внутреннее ее устройство самое сложное и самое запутанное по сравнению с внутренним устройством других

пирамид. В ней множество внутренних ходов и переходов, лестниц, покоев, подземелий. Извилистый лабиринт. Эта пирамида, по мнению некоторых представляет из себя древнейший строительный памятник на земном шаре. Будем думать, что есть другие — и еще древнее.

Вертикальная высота пирамиды Хеопса, по-египетски Хуфу, как было указано, около 70-ти саженей. Ширина каждой из четырех сторон ее, у основания, около 110 саженей. Она состоит из двухсот слишком рядов огромных каменных глыб, которые образуют каменную толщу в 12 000 000 кубических саженей. Из этой каменной массы можно было бы выстроить исполинскую стену в 6 с половиной саженей высоты и более 4 000 верст в длину. Как сообщает Геродот, строили эту пирамиду в течение тридцати лет, работая по три месяца в году (месяцы наводнения, по причине разлива Нила, быть может), 100 000 (сто тысяч) человек. Среди побасенок Геродота, которого по справедливости можно назвать дед-сказочник, эту цифру можно принять как вероятную.

В сокровенном покое, защищенный огромною каменной толщей, стоял в этой пирамиде саркофаг из красного гранита, а в саркофаге покоилась мумия сына Солнца, солнечно-божественного, Фараона, который по сану своему почитался за истинного сына Миродержца Ра. В IX-м веке Христианской эры, халиф Эль-Мамун, один из многочисленных осквернителей Египта, приказал найти вход в пирамиду, и вход был найден. Арабский писатель XI-го века, Ибн-Абд-эль-Рахман, так описывает это событие:

«Взошли в пирамиду и достигли малого покоя, в котором находилась статуя человека, из камня зеленого, как изумруд, и находилось там тело человеческое, покрытое пластом тонкого золота, разукрашенное великим количеством драгоценных камней. На груди его была рукоятка меча бесценного, на голове рубин, крупный, как куриное яйцо, и блиставший, как пламя, сам я видел изваяние это, из которого вынули тело; находилось это изваяние близ царского дворца в Фостате (старый Каир)». Приводя этот отрывок в своей книге о погребальных памятниках Древнего Египта, Данинос-Паша изъясняет его.

В гробе из красивого зеленого камня, называющегося змеевик, крышка которого являла человеческое лицо, и который находился в четырехугольном саркофаге, что донныне

хранит свое место в пирамиде, покоилась мумия Хуфу. Пласт тонкого золота — одевающие мумию, пропитанные клеем, раззолоченные ткани, покрытые живописаниями или густым красочным составом, долженствующим давать впечатление камня-лазури, сердолика, зеленого полевого шпата, бирюзы. Крупный рубин, величиною в яйцо есть священный змей, урэй, эмблема царской власти. Меч бесценный — кинжал, каковые нередко находят на мумиях, или, может быть, царский скипетр формы причудливой.

Ход к погребальному покою Хуфу был тщательно замаскирован разными ухищрениями — тяжелою глыбой гранита, имевшей как раз ширину коридора, подземным водоемом, куда должны были упасть возможные посягатели, ложными ходами, которые должны были уводить вошедших мимо сокровенной горницы. И все же сокрытая горница саркофага, покрытая девятью прекрасными плитами из розового гранита, была найдена, и чужие взоры упали на цветистые стены этого чертога, чьи розовые оттенки должны были светиться лишь в нетревожимой ночи безмолвных тысячелетий.

Данинос-Паша приводит также отрывок из старинного описания Египта, изображающий эхо пирамиды: «Эхо пирамиды знаменито: оно повторяет звук до десяти раз. Обычно, выходя из царского чертога и с высоты верхней площадки, путники, для забавы, стреляют из огнестрельного оружия. Трудно изобразить особое действие, которое такой выстрел оказывает на воздушную колонну, действие еще более паразитальное среди мрака. Я не слышал ничего столь величественного. В духе как будто бы дрожь и жужжание. Колебания, отраженные раз за разом, пробегают все эти каналы с полированной поверхностью, ударяют все стены и медленно доходят до внешнего выхода, ослабленные и подобные раскату грома, когда он начинает удаляться. Внутри звук умалется в силе правильно, среди глубокого молчания, которое царствует в этих местах».

Вторая пирамида, Хефрэна, или Хаф-Ра, диагональ которой от северо-востока к юго-западу составляет продолжение диагонали Великой пирамиды, и которая так же точно расположена в соответствии с четырьмя основными точками, — по размерам почти такая же, как пирамида Хеопса, и построена была третьим царем четвертой династии. Им же построен

был, из красного гранита, и находящийся невдале от Пирамид храм, ошибочно именуемый храмом Сфинкса.

Третья пирамида, размеров меньших, пирамида Микэриноса, или Мэн-Кау-Ра, находящаяся в правильном соотношении с первой и второй пирамидой Гизе, была построена четвертым царем четвертой династии. Но хоть царствовал он 63 года, достроила ее и выложила ее снаружи розовым гранитом, в семь лет своего царствования, царица Нитокрис, иначе Мэн-Ка-Ра. Увеличив размер пирамиды более чем вдвое и одев ее прекрасным сизнитом, сделал ее столь пленительной для взоров, что пирамида названа была Совершенною, или Превосходною, эта красавица, со щеками розовыми, как цвет розы, и сама была погребена в этой пирамиде, в самом средоточии ее, в пышном саркофаге из голубого базальта.

Великолепный саркофаг Мэн-Кау-Ра, высеченный из единой глыбы камня, был похищен Англичанами в первой половине 19-го века. Но корабль, который его вез в Англию, погиб у берегов Испании. Должно быть, Египетская магия доселе слишком сильна, и непомерной стал тяжестью для Британского корабля саркофаг Египетского Фараона, покоящийся ныне на дне морском, недалеко от затонувшей Атлантиды.

Деревянная же крышка с гроба Мэн-Кау-Ра доныне хранится в Британском музее. Отличаясь великой простотою, она имеет украшением лишь следующую надпись, благочестивое воззвание: «Озирис, царь Верхнего и Нижнего Египта, Мэн-Кау-Ра, вовеки живущий. Рожденный Небом, взлелеянный в лоне небесном матерью звезд, Нут, порождение Сэба, бога земли. Твоя звездная мать над тобою простерлась из бездны Небес. Врагов твоих нет. Уничтожив их, в божеский сан тебя возводит мать звезд, о, царь, Мэн-Кау-Ра, живущий вовек».

Почитаемые за хранительниц неслыханных богатств и непознанных тайн, Пирамиды в течение веков были предметом жадных прикосновений, но не только мечта их касалась, создательница легенд и преданий, а и жадная, изуродовавшая их, рука людей корыстных, наглых, невежественных и богохульных. Арабы, говоря о которых непременно нужно прибавить слово подлый, содрали всю роскошную облицовку Пирамид, и лишь верхушка третьей пирамиды, сияя нежно-красным светом в лучах заходящего Солнца, может подсказать нам, чем

были когда-то Пирамиды. Арабы же, испытывая суеверный страх перед изваяниями и считая их за существа, живущие волею злой чары, сложили о Пирамидах, исполненные старинной забавности, легенды, перепутав в них обрывки действительности и образы Эллинской фантазии с искривленными измышлениями своего собственного вывихнутого ума.

В «Чудесах Египта» Муртади повествует:

«Заклучив в три великие пирамиды тела прежних царей, тела жрецов, и поместив там идола, дабы предохранить их от потопа, царь Саурид приставил к каждой пирамиде священнослужителя в виде стража. И стражем пирамиды восточной был идол с чешуею черной и белой; два глаза имел он раскрытые и сидел на престоле, подле себя имея как бы некую алебарду, на которую ежели кто бросал свой взгляд, то слышал с этой стороны шум ужасный, так что почти что падало у него сердце; тот, кто слышал этот шум, от того умирал. Был там некий дух, приставленный, чтобы служить этому стражу, каковой дух не отлучался от него. Страж пирамиды западной был идол из твердого камня красного, держал он в руке, равно, как бы алебарду, на голове же у него был змей извившийся, каковой змей бросался на тех, кто к нему приближался, вился вокруг шеи их и заставлял их помереть. И был там приставлен, чтобы служить ему, некий дух некрасивый и безобразный, каковой дух не отлучался от него. Дабы служить стражем третьей пирамиде, был там поставлен некий малый идол из темного камня с таковым же основанием, каковой идол привлекал к себе всех, кто на него глядел, и прилеплялся к ним неотлучно, пока не погибали они, или пока не заставлял он их потерять рассудок. И был там также некий дух, приставленный, чтобы служить ему, каковой дух не отлучался от него. После того, как Саурид окончил построение сих Пирамид и окружил тела духовными сущностями, учредил он в их честь жертвоприношения, и подносил им даяния, выбранные для них».

Мэн-Ка-Ра, она же Нитокрис, Эллинами, любившими имена благозвучные и легенды красивые, была переименована в Родопис, и такую сложили они про нее повесть.

Однажды Родопис, красавица со щеками нежно-румяными, чей цвет был цвет розы, купалась в реке. Орел же, паривший в воздухе и пленившийся изяществом малой ее санда-

лии, пал с высоты, схватил в свои когти сандалию и улетел с ней. Улетел он в сторону Мемфиса. Фараон же в то время сидел под открытым небом и творил, окруженный народом, правый суд. Орел замедлил полет свой, выпустил из когтей сандалию, и она упала на колени изумленному Фараону. Не самым событием был изумлен Фараон, или не столько событием был изумлен он, сколько изящностью той безвестной незримой ноги, чьей прикрасой и малою обувью была та сандалия. Фараон, восхищенный, и с сердцем уже зажженным, повелел искать ту красавицу по всей стране Египетской. Так была найдена, по указанию царя воздуха, пленительная Родопис, что была красива с ног до головы, и сделалась она супругою Фараона и царицею Египта, а когда померла красота, построили ей пирамиду.

И эта красивая повесть также нашла свое отображение в искривляющих осколках Арабского зеркала.

Тот же Муртади повествует:

«Говорят, что дух южной пирамиды никогда не является вовне иначе, как в лице женщины обнаженной, у коей даже стыдные части открыты, красивой во всем, и ухватки которой суть таковы, что, когда она хочет внушить любовь кому-нибудь, и заставить его потерять рассудок, она смеется ему, и немедля он к ней приближается, и она привлекает его к себе и безумит его любовью, так что он теряет рассудок тотчас же и блуждает и проходит по стране. Несколько особ ее видели, как она кружится вокруг пирамиды полуденной, выбрав время в час заходящего Солнца. Однажды она лишила рассудка одного из людей Чекамбермилля, видели потом, как он бегал голый по улицам, без ума, ни разума».

Таковы красоты и странности, связанные с Пирамидами. Что же, однако, из себя представляют Пирамиды? Каков их смысл и каково назначение? Какой помысл влагали в них древние Египтяне?

Египтологи единогласно утверждают, что пирамида есть не более, как царская гробница, огромный каменный уют для мумии Фараона¹. Да позволено мне будет думать, что егип-

¹ Бругиг, впрочем, указывает на солнечный характер пирамиды, но я говорю не об исключениях, а о господствующем воззрении египтологов.

тологи утверждают совершенную неправду. Присутствие саркофага в пирамиде, будь даже Фараон не более, как Египетский царь, не есть указание решающее. Присутствие гробницы какого-нибудь Христианского царя в Христианской церкви разве превращает церковь в кладбище и разве делает собор исполинским склепом? И, кроме того, Фараон был не только Египетский царь. Жители Нила видели в нем подлинного сына Солнца, как Перуанцы видели сына Солнца, воистину божественного солнцеликого и солнцeroжденного, в своем первом Инке, который звался Манко Капак, и во всех последующих Инках. Фараон был Божий сын и воплощение Бога на земле. Он был единственным предстателем за своих подданных перед верховною властью Неба: лишь через него могли доходить молитвы человека к Богу.

Такова была мысль Египтян в эпоху созидания Пирамид. Таков был взгляд на сверхземную природу Фараона. Следственно и смертная его оболочка была божественна, и заключение ее в пирамиду мы могли бы поставить в параллель с положением мощей того или иного святого в Христианскую церковь. Божескому божеское, и пирамида божественна уже в силу того, что в ней находится священный саркофаг со смертной оболочкой, земного воплощения Бога, Фараона. Пирамида божественна, она храм безгласного моления, она вечный знак устремления души от человеческого к сверхчеловеческому, она зодческий псалом, завершительным стихом своим, завершительным острием своим, касающийся Неба.

Молитвенный храмовой характер пирамиды совершенно очевиден в Американских колониях Атлантиды, в Мексике и Майе. В Теотиуакане, в Мексиканской пирамиде Солнца, столь же величественной, как пирамида Хеопса, равно как в пирамиде Луны, и в пирамиде Вечерней Звезды, уходящее ввысь построение кончается часовней. То же и в пределах Юкатанского полуострова, в пирамиде Уксмаля. Мексиканская и Майская пирамида — усеченная, верхушка ее есть горница молитвы, храмовой характер ее очевиден.

Представители Африканской колонии Атлантиды, Египтяне, любили скрывать свои замыслы и закутывать их тайной возможно более. Но не забудем, что свойство Египетского ума — строгая сознательность. Все изобретения его, все,

что он созидает, отмечено строгой расчисленностью, целесобразностью, возведено всегда в систему. Не мог Египетский ум, создавая идеальный тип Пирамиды, в этих трех пирамидах Гизэ, не руководиться совершенно определенной, для него четко видной, мыслью. Мы не можем вполне четко увидеть эту мысль, но мы можем уловить некоторые просветы.

Пирамида есть четырехкратно повторенный треугольник, возносящийся в Небо. Троичность священна для Египтянина, как она священна для Христианского сознания. Мы говорим: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой. Египтянин молитвенно говорил: Озирис, Изиды, Гор. И Озирис был божественным отцом Гора и Изиды была божественной его матерью, и восходящее утреннее Солнце новой жизни, Гор был божеским сыном. Как ни менялись очертания религиозных помыслов Египтянина в течение долгих тысячелетий, эта триада, это священное три, есть принадлежность Египетской души во все многотысячелетие ее действительного существования на Земле.

Священна для Египтянина и четверичность. Число Египетских богов очень велико, но число богов, воплотившихся в человеческих телах, и развивших перед человеческим сознанием великую мировую освободительную мистерию — духовную драму страдания, искания, смерти, и воскресения, — есть именно священное число четыре. Четыре их, выделившихся из солнечного девятибожия для указания пути человеческой душе: Озирис, Изиды, Нэфтис, и Сэт. И четырехугольник есть священный знак бога Фта, Открывателя. И круг, разделенный на четыре части, есть священный знак матери звезд, богини Неба, Нут.

Нельзя еще не припомнить, что в тайнописи познавательных и благоговейных размышлений треугольник вершиною вверх — означает огонь. Архитектурный лик огненной молитвы, устремленный к Небу.

Я припомню также слова, которые я уже сказал когда-то, говоря о Мексиканской символической: — Мне кажется несомненным солнечное и строго-благоговейное происхождение Пирамиды. Когда вечернее Солнце, особенно после грозы, прорезает косыми лучами громады туч, на небе совершенно явственно и четко означает чертёж пирамиды, кончающейся солнечным диском. От земли, лучисто-облачная, огневая,

грозовая пирамида уводит мысль к высотам Неба, и к тому, что в нем есть наиболее могучего и яркого — к Солнцу. Отсюда, в стране солнцепоклонников, Мексиканцев, Египтян, Майев, земная пирамида, с своей молитвенной взнесенностью, навеки застывший в своей благоговейности, уходящий к Небу, строительный псалом.

Означительны самые названия Пирамид, данные им жителями Нильской долины.

Хут, Блистательная; Уэр, Главенствующая; Хэр, Превосходная; Кэб, Свежесть; Уаб-Ассу, Святейшее из местопребываний; Шаба, Является душа; Ба, Душа; Мэн-Ассу, Жилище Устойчивое; Нутэр-Ассу, Жилище Божественное; Ноферт, Совершенная; Мэн-Нофер, Безупречное жилище; Мэн-Анх, Дом вечный; Ша-Нофэр, Завершенный Кругозор; Биу, Духи.

Когда на закате Солнца видишь Пирамиды издали, приближаясь к ним, усталый, из пустыни, они производят неотразимое и единственное впечатление достоверности, законченности стремления и необманного обета.

Чудится, можно еще их увидеть, в зеркале мечты, такими, какими они были тысячи лет тому назад.

Спустилось к Аменти закатное красное Солнце. День завершен. Пустыня и зеленые пространства обработанной земли затягиваются красноватыми тенями, исходящими отовсюду кругом. Солнце заходит, но находящийся на страже возле Пирамид могучий Сфинкс глядит своим зорким и грозным оком поверх пустыни, до самых пределов земли, и видит, что Солнце наутро изойдет из мрака, пройдя через все роковые извилины ночи с ее западнями и провалами. Гармахис, Геру-Эм-Хут, Гор горизонта, воплощение Солнца, встающего над последней чертой кругозора, Сфинкс смотрит глядящими глазами, и красною краской горит лицо его, как и доньше еще можно видеть словно потоки застывшей крови на его изуродованном лице.

Красный свет исходит от могучих Пирамид, горит троекратный исполинский костер изваянный, свет жизни, цвет жизни, услада очей, зов маяка, обетованная обитель, достоверное слово, которого жаждет душа, уходящая в сумраки, тишина безгласного, но слышного благословения.

День завершен, но безглагольность Пирамид и сторожащий их Сфинкс явственно шепчут душе: «Есть завтра».

БОГ ВОСКРЕСЕНИЯ

Я Огонь, я сын Огня. Я буду жить, я буду жить. Мой лик не утратится.

Из Книги Мертвых

Когда, измученный долгим странствием под солнцем пустыни и среди Либийских гор, где я едва не сорвался в пропасть, — после дня, посвященного поискам, огляду гробниц и попыткам изучения, — я задремал в жалкой лачуге феллаха, — мне привиделся яркий сон.

Весь Древний Египет предстал предо мной как сплошная цветная хоромина, длинная, узкая, — и каждая стена была освещена иным сиянием; северная стена была голубая, как голубое море, и восточная походила на горный оплот и была золотистая, и южная была черная с белыми туманами там и сям, и западная снова была как горный оплот, но была она красная, кроваво-красная. А пол был весь из мозаики, и все на нем было изображено — города, поселки, деревушки, мызы, храмы и замки, пустыни и оазисы, могучая река, сады и пашни. А небо было потолком, потолок был звездным пологом, и что там дальше, не было видно.

В этих цветных хоромах, где по углам стояли исполинские изваяния, возникли, как по чародейству, Египетские боги. Мудрые, тайные, непостижимые, звероподобные, птицеподобные. Много богов с ликами зверей и птиц. Ибо, в то время как люди всегда меняются, искажаясь и мучаясь в своих изменениях, звери и птицы всегда — одни и те же, а что же более божественно, чем неизменность и законченность. И в то время как люди отыскивают, ищут и не находят, птицы и звери всегда видят издали и знают свой путь. И в то время как люди из века в век должны работать и томиться, и хитрить, и выпрашивать, чтобы что-нибудь иметь, птицы и звери просто берут себе то, что им нужно. И в то время, как можно всегда узнать, что человек думает, стоит только его спросить, помучить или поласкать, или просто посмотреть на него, заглянуть ему в глаза, — зверя и птицу никогда не разгадаешь, никогда не узнаешь, что таится в этих странных очах.

Боги возникали, один за другим, и около каждого — кадрили, молились, преклонялись, падали ниц, шептались, друг другу кивали, условливались, о чем-то условливались многочисленные жрецы. И по магическому их слову, которым они обменивались друг с другом, но которого не говорили непосвященным, вырастали храмы каждому богу, а около храмов, недалеко от них, возносились Пирамиды, и для их создания нужны были толпы сотен тысяч, миллионов людей. И около храмов простирались неоглядные возделанные поля и разработанные, изукрашенные цветами и плодами, сады, и все это было для жрецов и Фараонов, а сотни тысяч и миллионы людей копались в грязи, в черноземной жиже, оставленной Нилом, окончившим пиршество разлива.

Боги возникали и бледнели за часами своего величия; за минованием часов величия одних, выдвигались и ярче означались другие. Но мало было радости людям от богов с звериными ликами и ликами птиц. Звери и птицы думают лишь о себе, и лишь о себе и своем думают жрецы и Фараоны.

И подобно тому как в саду, в котором по очереди раскрываются круглые чаши различных цветов, голубые, желтые, белые, черные, красные, над царством того или иного бога возникало в Египетских пышных хоромах все новое, новое солнце, золотистое, нежно-рассветное, желтое словно подсолнечник, побледневшее, бледно-серебряное, зеленовато-дымное, дьявольски-черное, страшное черное солнце, и снова желтое, и снова бледное, совсем белое, и все эти солнца гасли, никуда не ведя человека, а лишь уводя его к краткому действию сценическому. Но когда сменились в призрачном своем существовании все солнца Египетского неба, повисшего звездным пологом над цветными хоромами, я увидел, что в западной стене, похожей на горный оплот со многими ущельями, означалась тень человека-бога, тень Озириса, что, будучи богом, воплотился как человек, и был земножителем, и был царем, и был растерзан, и, убитый, воскрес, и стал владыкой царства бессмертного, куда есть доступ всем. Человекобог Озирис стоял просветленный, указуя безмолвно на Поля Тростников, Край Закатный, Аменти, и над ним, над стремниной, готовясь укрыться в горах, медлило красное-красное закатное Солнце.

Я открыл глаза, во сне или не во сне, — не знаю. Прямо в окно мое глядел красный Месяц, и я не мог понять, ночное

ли это светило, Луна, посвященная чаровнице Изиде, или это ночное Солнце, которое, опустившись книзу с небесной высоты, начало свое многочасовое ночное шествие среди чудовищ и ужасов мрака, чтобы наутро, — лик Озириса воскресшего, — снова сиять проснувшимся.

Я думал о Человекобоге. Устав от зверей и звериного, устав от войн, и побед, и поражений, устав от всего мудреного, цветистого, и сложного, я с любовью думал о свершителе прямого пути, Озирисе, который, любя свой человеческий лик, один из всех богов ведет меня в царство бессмертия, дарует мне воскресение, дает мне возможность очиститься от праха моего дорожного и обещает, что если я свершу и то, и то, я проснусь после смерти в Полях Беспечальных, в Полях Тростников и высоких колосьев, где всех своих милых увижу, и все, что мне мило на этой Земле, родные нивы, узоры пашен, тех самых гусенят, с которыми играл я ребенком у пруда, услышу кроткое мычание возвращающегося к ночлегу стада, усну в своей родимой постели, и, навевая мне мирные сны, нетревожимые, будут воткнуты за подушкой моей несколько свежих колосьев и несколько малых цветов полевых.

Солнечный бог родил бога Воздушного и Небоносительницу. Бог Воздушный и Небоносительница родили бога Земли и Матерь Звезд. Бог Земли и Матерь Звезд родили Озириса, Изиду, Сэта, и Нэфтис. Четыре угла мира, в котором осуществляется жизнь человека, и четыре их, небесно-рожденных, осуществивших мистерию, ставшую прообразом и источником великих чаяний для нескончаемого числа людей. Озирис — живой, живой, в самой смерти не умирающий, смертью смерть поправший; Изида, женственность и материнство, умевшая так любить, что убитого милого силой любви воскресила, и так любившая чадо свое, выношенное, что грудью своей его вскормила и от врагов, меж тростников и меж папирусов, в болотной топи скрыла; Сэт, злой, убийственный, как иссушающий вихрь пустыни, но неизбежный в мировой мистории; Нэфтис, плакальщица, от злого к благому идущая.

Четверо их, как четыре суть камня бога Световита.

Приняв человеческий лик, Озирис стал царем Египта. В те дни Египет еще был дикой страной, и люди в нем жили ничего не разумея. Озирис рассказал им, как красив колос, и

стали они зернами засеивать землю. Он показал им, как прихотливо извивается вырастающая олива, как цветет смоковница, как высоко возносится, с своими раскидистыми листьями, финиковая пальма. В Египте возросли хлеба, и выросли плодовые деревья. Строить дома научил он их и в домах соблюдать чистоту. Научил их молитвенности, сказал им, какие Высшие Силы правят Миром.

Всему обучив Египтян, он прошел и другие страны, — Озирис, возлюбивший стройное. Везде подчинял он себе людей. Но не силою мышц и не острием секиры, а силою доводов и тонким острием ощущений пленительных, тем, что во всем был он кроток и строен, двигался так, словно вечно был в пляске он легкой, песнями, музыкой он подчинял, покорял напевностью движений. Он воззвал к воздушному богу Шу, зашумели камыши, зашептались тростники, зашелестели, ворвались в круглые отверстия тростников порывы ветра, зазвучала музыка, и так родилась свирель. Сладкопевная дудочка.

А на дудочке заиграешь, — кто ж тебе не подчинится!

Но завидовал Озирису злой Сэт, и ему и его сестре-жене Изиде. Любились очень нежно Изиды и Озирис. Еще в утробе матери, до рождения, взглянули они звездно друг на друга, и взаимно притянулись один к другому, и обоюдно полюбили друг друга навсегда. А Нэфтис хотя и любила Сэта, знал он, что она уйдет от него.

Когда Озирис из своего победного мирного похода вернулся в Египет, его ждали злые козни. Тайком Сэт смерил рост Озириса и велел по его росту сделать изящнейший ларь, разукрашенный с большим вкусом. На пиру он обещал отдать его тому, кто, легши в него, будет как раз таких же размеров, как ценный ларь. Никто из присутствовавших не подходил к условию, последним же лег Озирис, и как только он очутился в ларе, заговорщики с Сэтом захлопнули крышку и забили ее гвоздями. Гроб этот бросили в одно из устьев Нила, и он исчез. А Изиды, узнав о несчастье, отрезала локон волос своих, бросила его в воду, и безутешная пошла куда глаза глядят, не найдет ли где погибшего. Дети играющие указали ей, где она может найти гроб. И Изиды нашла его, следуя детским указаниям. Не так ли умерший стебель уходит в землю, но выходит снова ожившим и расцветшим, и

чей взгляд, как не детский, первый видит всегда новый побег травы и новый расцветший цветок?

Волны Моря, любящего вечный возврат и поющего песни бессмертия, принесли драгоценный ларь на побережье Библоса и сложили его среди кустов тамариска. Малый куст в короткое время вырос в красивое развесистое дерево. Превращаясь в ласточку, в щebetунью-ласточку, что так трогательно любит свое слепленное гнездо, Изида каждую ночь вилась над умершим Озирисом и щebetанием плакала. Не так ли щebetет, щebetет ласточка, а вырастут у нее птенцы, — и тоже научатся любить и щebetать, и вечен над вечною влагою затонов полет кружащейся ласточки? Изида отлучилась от места того. А при свете Луны Сэт охотился. Он пришел к тому месту безлюдному, он нашел там ларь драгоценный, он узнал его, он, признав, кто в ларе, растерзал убитого, и четырнадцать было число частей, и по всей стране он разметал их. Не так же ли вся страна растерзана, когда иссыхает Нил, и ждет Египет, чтобы Изида уронила алмазную слезу в приснопамятную Ночь капли?

Ненавидящий Сэт растерзал Озириса лишь на четырнадцать частей. А не знал он, иссохший и с выжженным сердцем, что кто любит — пойдет искать любимого не в четырнадцать мест, не четырнадцать раз, а еще, без конца, без счета. И Изида пошла, и Изида нашла, соединила растерзанного, рыдала и плакала, и плакала с нею Нэфтис, разлюбившая злого Сэта. И Изида как тень наклонилась над милым, своею тенью осенила умершего и взяла крыльями души своей. Она прикоснулась к тому, чье сердце уже не билось. Она зачала и родился ребенок, возлеянный ею тайно. И стал тот ребенок, Гор, отмстителем мраку, восходящим Солнцем. Озирис же воскресший, в лучах заходящего Солнца, стал владыкой Закатного Края Аменти, и как светлое Солнце уходит, с приближением ночи, на Запад, и желанно ему там быть, так все светлые души, и все просветленные с приближением смертного часа земного знают, что путь им открылся в Аменти, и что там желанно им быть. Через мраки — к огням негаснущим. Через ужасы смерти к бессмертию. Через правду свершенной дороги — к тому, кто воскрес и дает воскресение.

Счастлив, кто шел за Солнцем, чей путь достоверен. Кто спокойно глядит, как, вытягиваясь, растут, и длиннее, чернее

становятся тени вечерние. Кто стройным пребыл в своей жизни. А если метался, а ежели силою злой был растерзан, так любовь — достодолжно — соединила растерзанность, в цельность ее скрепила, довершила лик.

Пройдя через мучения растерзанности, сын Солнца стал равным отцу своему, — он стал жизнедателем. Озирис есть предельность упования. Явив воскресение, он, как человек живший, как человек умерший и лишь после смерти, за торжеством воскресения, ставший богом запредельного царства, становится опорой человеческих надежд на победу над страхами смерти и над ужасом загробных испытаний.

Стройный свирельник, учивший людей взрощать колосья и украшать сады, становится богом мертвых, идущих в новую жизнь. Он сидит в святилище Аменти. По правую его руку стоит за ним Нэфтис, по левую руку, ближе к сердцу, стоит Изиды. На боге безгрешного царства покоя — белая тирара с перьями. В руке он держит жезл, крюк, и цеп, — бич, ударяющий колосья созревшие, чтобы светлые зерна, свой рок восполнившие, причлись к небесным житницам, сперва павши на смертные гумна.

Привет тебе, Властитель богов! Египет и Красная страна одеты твоим миротворчеством, служат твоей верховной власти.

Но, прежде чем предстать перед ним, перед тем, кто дает новое бытие, отшедший должен дать отчет в своем дне земном. Колос должен быть проверен. Дурное зерно и мякина на добром гумне отвеяны и откинута. Ты умер, — ждет тебя суд нелицеприятный. Сможешь ли ты потом воскликнуть: «Я буду жить, я буду жить. Проснусь я с миром. Лик мой не утратится»?

Вот он, Закатный Край. Где он? Кто скажет? Одни говорят, за пределом Египта, далеко на Севере, не то над землей, не то под землей, но есть там четыре столба, и ведет туда лестница. Другие говорят, что на Западе, что это узкая горная долина, а посреди долины бежит река. Верно, на Западе. Ведь туда уходит вечером Солнце.

Там возносится чертог Маати, богини справедливости и правды. Там сидят, для суда последнего, 42 бога. К каждому отшедший подойдет и скажет, что он неповинен в том-то и в том-то грехе. Исповедь благого отрицания. Вот она.

ИСПОВЕДЬ ОТРИЦАЮЩАЯСЯ

1. Привет тебе, Шагающий широко, я не свершал неправоты.
2. Привет тебе, Охваченный огнями, я не разбойничал.
3. Привет тебе, Кто есть обонянье, я не насильничал.
4. Привет тебе, Съедающий все тени, я не крал.
5. Привет тебе, с Лицом могильным, я не убивал.
6. Привет тебе, Кто есть Вчера — Сегодня, я не обмеривал.
7. Привет тебе, Чей взгляд — огонь, я не обманывал.
8. Привет тебе, Сияющее пламя, я Божьего не брал.
9. Привет тебе, костей Крушитель, я не лгал.
10. Привет тебе, Ниспровергатель, чужого я не уносил.
11. Привет тебе, Огнем могучий, клевет и злого я не говорил.
12. Привет тебе, Лик Обращенный, питание я не отнимал.
13. Привет тебе, Двойной источник Нила, я не мошенничал.
14. Привет тебе, Чья огненна стопа, я сердца своего не съел во гневе.
15. Привет тебе, Чьи зубы блещут, я не захватывал полей.
16. Привет тебе, о, Испиватель крови, животных Бога я не убивал.
17. Привет тебе, Кто внутренности ест, я пашен не опустошал.
18. Привет тебе, Влюбивший правду, подлога я не совершал.
19. Привет тебе, Лик Уходящий, мой рот другому не был западней.
20. Привет тебе, из Солнечного града, я раздраженья не лелеял.
21. Привет тебе, Кто на своем холме, любодаянья я не совершал.
22. Привет тебе, из бойни Приходящий, себя я срамом не покрыл.
23. Привет тебе, Кто дар несомый видит, с женой другого я не возлежал.
24. Привет тебе, высоких Повелитель, я никого не утрашал.
25. Привет тебе, о, Истребитель, мой рот от злобы не горел.
26. Привет тебе, Строитель слова, я к слову правды не был глух.
27. Привет тебе, Дитя зеркальной влаги, другого плакать я не заставлял.
28. Привет тебе, Прямым путем Идущий, я не кошунствовал.
29. Привет тебе, Несущий приношенья, я никого не понуждал.
30. Привет тебе, Распределитель речи, я опрометчив сердцем не был.
31. Привет тебе, Кто видит лица, я не тайлся и не мстил.
32. Привет тебе, Властитель Двоерогий, я лишнего не говорил.
33. Привет тебе, Дающий знание, на зло я сердцем не глядел.
34. Привет тебе, Кто из святого Града, я никого не проклинал.
35. Привет тебе, Работающий сердцем, текучую я воду не мутил.
36. Привет тебе, Чей водный путь, словами я не заносился.
37. Привет тебе, Чей путь небесный, я Бога не хулил.
38. Привет тебе, Кто из святилищ, надменно я не поступал.
39. Привет тебе, Чей путь — из храма, лицеприятным не был я.

40. Привет тебе, Кто из пещеры, кривым путем богатств не множил я.
41. Привет тебе, Кто из молельни, что Божье, я того не клял.
42. Привет тебе, Владеющий десницей, родного бога я не презирал.

Счастлив, кто мог произнести четырежды десять и два раза святое слово отрицания, кто на подразумеваемый вопрос о грехе — каждому из 42-х богов, восседающих в день Страшного Суда, мог сказать свое радостное, свое торжествующее «Нет». Он, с достоверной речью, он, кто не свершил греха, ни делом, ни словом, ни помышлением, кто воистину не глядел на зло и не был причиной слез другого, он приобщался к великому совету богов, вступал в царство Озириса, сам был уже Озирис, и так звался, просветленный, воскресший дух воскресения.

В дворце Маати, за словами исповеди, воцаряется тишина. Слова пали стройно. Но слова эти нужно проверить. Из сердца ли вышли они? Легкое ли сердце их породило, или отяжелевшее от лжи?

В чертоге Маати, что есть вся — равновесие Истины, есть весы, чтобы взвесить сердце. На одной чаше неукоснительных весов — испытуемое сердце, на другой чаше — воздушное перо. На коромысле весов — дрогнет ли роковая стрелка обвинительно — или, указуя правду покоя, останется она недвижимой?

Боги ждут. Глядит Соколиное Око. Безмолвствует утренний Ра-Гармахис и Атум ночной, и Шу воздушный, и сострадательница мертвых Изида, и поцелуйная зарева Гатор, и еще другие.

По одну сторону весов стоит коленапреклоненный Ану-бис, с головою шакала, и следит за стрелкою весов. За ним стоит писец богов, премудрый Тот, в руке его тростинка, чтоб записать свидетельство весов. Близ него троеликое чудище, Аммит, пожиратель мертвых, жадными глазами смотрит, не покривится ли дорога меж словом и сердцем. Не то собако-обезьяна, не то крокодил, не то гиппопотам, это чудовище ютится в огненных затонах и питается мертвыми, недостойными войти в Закатный Край покоя. Тем, что достойно извержения, питается этот Пожиратель мертвых.

Испытуемый стоит по другую сторону весов, и уверен ли он в себе или не уверен, — страшный это миг. К сердцу свое-

му он обращается, прежде чем будет оно взвешено, с ним говорит: «Сердце мое, родимое! Сердце мое, родимое! Через тебя стал жить я, о, сердце. Не дозвожь, чтобы имя мое увяло. Не дозвожь, чтобы что-нибудь лживое тяжестью пало на слово мое, пред великим владыкой Аменти».

На кого восстало собственное его сердце и против него свидетельствовало, тот становился добычей чудовища, он попадал в прожорливую пасть. Вновь — на пыточное колесо перевоплощения. Снова принять все тяготы Земли. Снова грозный миг расплаты. И вторичная проверка Страшного Суда.

Если же сердце было воздушно-спокойным, как воздушно перо, символ птицы-души, если роковая стрелка, дрогнув, не превратилась в стрелу убийственную, бог Мудрости, начертав приговор, читал его: «Услышьте этот приговор. Сердце того, кто стал Озирис, поистине взвешено. Душа его — свидетельница за него. Сердце его найдено правдивым при испытании на Великих Весах». Светлой межой пред отшедшим открывался путь к Полям Покоя.

Ему нужно было еще дойти до Озириса, предстать перед ним, пройти через препятствия задерживающие. Но он уже был тот, чье слово верно. И на все у него был магический ответ. Он говорил: «Я в мире с Богом, волю его я свершил. Хлеба голодному я дал, воды жаждущему я дал, и дал я одежду нагому, и дал я ладью потерпевшему кораблекрушение». Он говорил: «О, я хочу, чтобы мне сказали — кто ты? и как твое имя? Я отвечу: Мое имя — тот, кто идет с цветами. Я тот, кто живет под листвою оливы».

С последним лукавством вещей задерживающих, не выпускают просветленного чертога Маати отдельные части чертога. Велят ему назвать их магические имена. Не пускает его дверная задвижка, говорит: «Кто я?» Не пускает его правый косяк, и левый косяк, говорят: «Кто я?» Не пускает его порог, говорит: «Кто я?» Но всем им говорит он, как называются они на языке посвященных, и путь перед ним открыт.

Последним вопрошателем встает бог Мудрости, Тот: «В каком состоянии ты теперь?» И просветленный говорит: «Я очистился от злого. Я защищен от злых деяний и тех, которые живут своими днями. Я не из них». И снова бог Мудрости спрашивает: «А кто есть он, чья кровля из огня, чей

пол в чертоге — ток воды текущей, чьи стены суть живые змеи? Я говорю тебе, кто он?» И просветленный называет имя Озириса. «Иди же», говорит тогда бог Мудрый, «иди, твое имя можно сказать ему. Будет еда тебе от Солнечного Ока, будет питье тебе от Солнечного Ока, все тебе будет от Солнечного Ока».

И поет просветленный благодарственную песнь. Солнцу поет он песнь и Воскресению. Жизни поет он песнь, жизни — без окончания. И о себе он поет, восхищенный своей переменою: «Волосы мои суть звездные волосы. Лицо мое стало солнечный лик. Глаза мои стали — глаза заревые».

ЕГИПЕТСКАЯ ЛИТУРГИЯ

Все, что вверху, есть и внизу.
Все, что внизу, есть и вверху.

Основоположение

Слово — изначально, всесильно, в нем свет жизнетворческий. Словом был создан Мир. Если птица гордится своими крыльями и потому летает, летает без конца; если зверь точно знает свойства вещей мира этого и потому так спокойно-достоверен во всех своих движениях и ухватках; если дерево властно раскидывать в воздухе свои зеленые ветви и простирается громадами леса на тысячи верст; если цветку дано отражать в красках нежнейшие сновидения Природы и дано влюблять бабочек и пчел и быть украшением всех влюбленностей мира; — Человеку дано его слово, которым был создан Храм Вселенной, и создаются радуги от души к душе, и создается путь от Земли к Небу.

Словом сказанным достождно, с соблюдением полным всех великих и малых законов душевного ритма, создаются бесконечные достижения, самые неправдоподобные, самые невозможные, самые волшебные, магические.

Ритуально сказанное или пропетое слово, благоговейно свершенный, тот или иной, обряд, есть, для Египтянина, путь всемогущества. Этим путем, через ежедневность своего богослужения, он каждый день соединял Небо с Землей и Землю с Небом. Закрепивший в исполинских изваяниях свою бо-

жественность, земной сын Солнца, Фараон, являясь единственным посредником между Богом и Человеком, свершает литургию.

Описание обрядов Египетского богослужения, как его дает Морэ в своей книге, посвященной этому предмету, основано на изучении Папируса, хранящегося в Берлинском музее, под № 3055-ым, и текстов, выгравированных на стенах храма Сэти Первого в Абидосе. Содержание Папируса — описание богослужения Солнечному богу, Амону-Ра. Главным Божеством Абидоса является владыка Края Закатного, бог отошедших, Озирис. Похоронный культ Озириса есть прообраз культа всех обожествленных существ Египта. Как справедливо указывает Морэ, Озирис, согласно преданию, был первым существом, познавшим смерть: культ Озириса, таким образом, есть обожание первого мертвого. Озирис, естественным путем, стал предельным типом людей отошедших, прошедших испытания жизни и неведомые ужасы сени смертной. За Озирисом и все другие боги прошли Человеческое и, исчерпав его, через смерть укрепились в Божеском и Небесном. Смертью, самым великим из таинств и самой великой из тайн, освящается все то, что существует. Как передает Плутарх: «Жрецы Египетские говорят не об Озирисе, но и о всех вообще богах, что тела их лежат среди них, погребенные и почитаемые, а души их суть на Небе звезды блестящие». Солнце умирает каждый день и каждый день воскресает. Дивно ли, что и другие боги умерли и воскресли? Дивно ли, что и люди, страданием, смертью и правдой существования, приблизившиеся к Божескому, воскресают после смерти и живут обновленную жизнью?

Итак, Египетское богослужение в сущности есть сложность магических обрядов, имеющих в виду помочь богам в земном их лике, в лике статуй, в лике мумий, сохранить свою цельность и приобщаться, все снова и снова, к бессмертию. Сын Солнца, божественный Фараон, входит в Храм, входит в его Святая Святых, и силою священных волхвований восстанавливает ежедневную связь между Землею и Небом.

Все время, в Египетском богослужении, проходит, как основной момент, мысль о Страстях Озирисовых. Мысль, родившаяся в Египте — и за пределами Египта — еще до основания царства первых Египетских династий, запечатленная

в каменном письме, в нерушимой и грамоте текстов Пирамид, и донесенная через века и тысячелетия до той благоговейной ипостаси своей, каковая стоит перед нами поныне.

В кратчайшей сводке, Египетское богослужение имеет такой вид. Фараон или Жрец, его замещающий, очищает святилище и самого себя различными воскурениями и омовениями. Он открывает храмовой корабль и простирается ниц перед богом. Он очищает изваяние и обнимает его, чтобы передать ему свою душу. Прикрыв дверь корабля, на минутку выходит. Снова корабль открыт, и снова священнослужитель простерт. Более длительное поклонение, и подношение избранных даров и символического лика богини Маати. Священнослужитель свершает одевание божеской статуи: очищения, облачение, умощения, подношение благовоний, драгоценностей и талисманов. Завершительные обряды очистительные. Наложение печати из глины на вход. Фараон или Жрец уходит из святилища.

Наименование всего священного Ритуала, в Папирусе, гласит: «Начало божественных обрядов, свершаемых в храме Амона-Ра, Сокровенного — Солнцеликого, царя богов, в течение каждого дня, великим Жрецом, служащим в день свой».

Эти обряды свершались в Доме Сокровенного, особливо в святилище, именуемом Престол Двух Стран, Юга и Севера, в храме Карнака, Апиту. Таковые же обряды свершались и в честь богов — Озириса, владыки Аменти, Горуса, что есть Владыка Двух Горизонтов, Изиды, Чаровницы Воскресения. Жрец совершает богослужение один. Ибо никто, кроме Фараона или его заместителя, не входит в святилище богов. В великие праздники в храм вступали многие, но и тогда вход в Святая Святых был дозволен лишь Царствующему, кто правит на Земле и устанавливает ежедневно ненарушаемую связь между человеческим Здесь и божественным Там.

Царь-Жрец подходит к замкнутой двери храмового корабля. Начало священнодействий суть действия очистительные. «Глава о возжении Огня» гласит: «Приди, приди с миром, око Горуса лучезарное, будь здраво и молодей в мире. В двух горизонтах сияет оно как Солнце, и бегут от него и прячутся силы Губителя, Сэта. Завладевает ими Утреннее Солнце. Оком своим победив, Горус являет свой голос. Око

его, Утроликого, разрушает врагов Сокровенного, Солнцеликого бога Карнака, во всех их местах. Царь приносит дары приношения, ибо я чист».

Огонь возжигавшийся был свежим и чистым, первичным Огнем. Его добывали чрез трение двух кусков дерева, чтоб Огонь был поистине новым, сегодняшним, вот этого мига. Огонь возжигался — и для того, чтобы можно было видеть в Святая Святых, ибо там было темно, и для целей очистительных, ибо от Огня бежит все нечистое, все недостойное. До сих пор, в пустынях, в диком безлюдьи, окруженные злыми чарами Ночи, мы создаем круговую цепь из костров, и эта цепь удерживает и отбрасывает звериную жадность. И когда мы входим со свечей в подземелье, мы видим, как длинные тени поскорей убегают в углы. Когда хоронили Озириса и облекали покровами его мумию, возжегши огонь обратили из бегство Сэта, который опять хотел покуситься на Жизнедателя. В Египетских гробницах находят иногда плиту, расположенную на Южной стене, а в ней углубление в виде пламени, и в нем деревянный факел, имеющий лик пламени. Священная формула гласит: «Это пламя, око Утроликого, воссияло здесь, чтоб устремить к схороненному магическое истечение и ниспровергнуть недругов его».

Жрец возжег огонь и берет кадиланицу. Как все священные предметы, служащие для богослужения, это не просто кадиланица, это — живое существо, действительное, это колдующий бог. «Глава о взятии кадиланицы» гласит: «Привет тебе, кадиланица богов, что находятся в свите бога Мудрого, Тота. Две руки мои на тебе, как руки Утроликого, две руки мои на тебе, как руки Мудрого, палец мой на тебе, как персты Хоронителя, чье имя Анубис. Я же, я раб живой Солнца, я же, я жрец, ибо я чист. Ибо очистился я. Мои очищения — очищенья богов. Царь приносит дары приношения, ибо я чист».

Жрец две руки свои возлагает на кадиланицу, чтобы магический засиял свет, имеющий силу возрождающую и очистительную. Горус обеими руками обнял отца своего, Озириса, перед тем как воскрес он. Тот обеими своими руками, двумя своими руками бог Мудрый, свершил магические движения над телом бога умершего. И перстами Анубиса мумия бога была облечена в свои смертные пелены.

Жрец, свершающий служение, непременно должен быть чист. Самое имя жреца есть уабу, что значит — тот, кто чист и опрятен. Если все тело священнослужителя должно быть чисто, особенно тщательно чисты должны быть руки и ноги, руки свершающие священные движения, ноги идущие в Святая Святых. И если при этом требуется чистота внешняя, необходима и чистота внутренняя, чистота душевная. Очистительные обряды имели особой важности значение, когда свершающим богослужение был сам Фараон. Тогда простые омовения были лишь началом сложной системы.

Взяв кадила, жрец полагает на нее священный сосуд с огнем и кладет на огонь душистые смолы. «Глава о возложении смолы на пламя» гласит: «Душе Востока, Утроликому, Восходному, Тому, кто в Солнечном Диске, Солнцу Двух Горизонтов, богу Великому, что объемлет крылом своим две половины Южного Неба».

С благовонной кадиланицей в руке, жрец приближается к месту святому. Он говорит слова: «Божеские души Солнечного Города, вы здравы и невредимы, если я здоров и невредим, и обоюдно. Двойники ваши живы и невредимы, если я жив и невредим, двойник мой во главе всех двойников живущих, — все живы, если я жив. Я Утроликий владыка Неба, красивый в ужасах, великий в страхах, непревзойденный в смелости, высоко возносящий два пера, в Абидосе прославленный. Царь приносит дары приношений, ибо я чист».

Так как в Египетском царстве два царства, Юг и Север, Верхний Египет и Нижний, символизуемые белой короной и короной красной, храм, повторяя в малом лике двойственность мира — для Египтян Египет есть мир — хранит двойное разделение, и таковым же характером отличается богослужение. Есть первое открытие храмового корабля и есть второе его открытие. С Юга пришли Египтяне, Югом начинается царство богомольное. Север замыкает царство Египтян, к Морю уходят воды священной Реки.

Первая половина Египетского богослужения включает в себе следующие моменты: открытие дверей корабля; предстояние бога пред светом; преклонение ниц перед богом; песни хваления; умощения и воскурения; обнимание статуи бога священнослужителем и передача богу его души.

Душа бога отождествляется с оком Горуса, Утреннего Солнца. Фараон или Жрец, являясь живым воплощением Утроликого, приносит самолично утраченную душу бога. Она замкнута в его глазах. Она сокрыта в малом ковчеге двойном его зрачков. Вспомним, что почитание каждого бога Египетского совершается по типу благоговейного почитания величайшего все-Египетского бога Озириса, который был растерзан злым Сэтом, Губительным. Волею Злого, тело каждого живущего, в конце концов, растерзано смертью и предано ужасу и унижительности разложения. Лишь мумификация устраняет это. И волею Злого преследуется душа отошедшего даже там, где она восходит к источнику Света. Душа, завершившая круг земной жизни, возносится к Озирису, что в Сыновнем своем лике есть Горус, он, Солнцеокий, он, Луноокий, видящий своими глазами и ночью и днем. Но все же, волею Злого, самое Солнце знает смертную ночь, и самая Луна знает убыль и полное затмение. Потому что Сэт, в лике черного борова, или в лике прожорливой змеи ползучей, или в лике животного рогатого, в самом Небе хватает и пожирает то один, то другой глаз Горуса. А то роняет его в Нил и ловит там сетями как рыбу: ловит одно око, ловит другое, отдает их гиппопотаму тяжело-мясистому или крокодилу зубастому с глазами мерцающее тусклыми. Лишь исканье Изида любящей, лишь скорбь Нэфтис сокрушающейся, лишь забота Анубиса, Хоронителя, лишь чары Мудрого Тота, только это побеждает злые ковы Черноликого. Воплощение Сэта, рогатый зверь пойман и принесен в жертву. Тяжелое животное убито, и око Горуса, ослепительное око души человеческой и божеской, освобождено из низменных темниц. Зоркое око души не может быть пожрано мраком, однако же лишь соединенная сложность внутренних усилий, внутренних сил освобождает его от пленения. Священнослужитель, он, который есть чист, воплощает в себе эти соединенные внутренние действенные чары, и, обнимая сыновним объятием бога в земном его лике, статую бога, находящуюся в храме, он отдает ему его душу.

Свершив очистительные движения и сказав очистительные слова, жрец ломает печать глиняную, которая накануне была наложена на засовы священной двери храма. Преломляя печать, он говорит: «Уза порвана, печать разрешена.

Я пришел и принес тебе око, Утроликий. Вот тебе око твое, Утроликий». Он говорит: «Я не пришел, конечно, вредить богу на месте его. Я пришел возставить бога на месте его. Будь возставлен на месте твоём великом, Сокровенный, Солнцеликий, властитель Карнака. Я тот, кто восходит к богам. Царь приносит дары приношении, ибо я чист».

Двери храма открыты. Свет солнечный и свет земной, возженный, светят богу. Слова возвещают: «Две двери Неба отверсты, две двери Земли открыты. Бог Земли воздает почитание богам, укрепленным на местах их, говоря: две двери Неба отверсты, сияет круг богов. Красота твоя надлежит тебе, о, Сокровенный, чей лик есть Солнце. Облекись в перевязь, вот она». Священнослужитель падает ниц перед богом. Простертый, он говорит: «Я вдыхаю дыханье Земли, я обнимаю бога Земли, я пою песнопения Солнцу, ибо я чист, для него я очистился». Вставая с земли, жрец поет гимн в честь бога Сокровенного: «Фараон пришел к тебе, о, мужественный бог богов двойного круга двух земель, Солнцеликий, владыка двух перьев взнесенных, царь богов». Жрец становится на колени, он возносит руки, и поет: «Привет тебе, Сокровенный, краса юная богов. Все люди при виде тебя поднимают лицо. Владыка страхов, успокоитель ужасов, повелитель всех богов, бог главенствующий жизни, царь Неба, возлюбленный, на слове чьем покоятся все боги, создатель звезд, металл светящийся румяно-алой краской, из коего все божеские сделаны тела, отец богов, тела которых — из золота, из серебра, из алости румяной, из лазури, о, Солнцеликий, ты, создавший Небо, открывший кругозор, рождение дающий, пока ты говоришь. О, Амон-Ра, Карнакский повелитель, живущий в Апиту, бык матери своей главнейший на своем великом месте, создатель множеств, зоркий Сокол, тебя все люди обожают, за то, что вот живут».

Жрец совершает умощение божеской статуи медом. Праздничное благовоние меда делает изваяние бога блестящим, и в меде есть живительная сила. Медом питают свое бессмертие боги во многих странах. Жрец снова и снова подносит богу курящийся ладан, благовонные смолы дымящиеся. Этот душистый дым с удовольствием вдыхают все боги, и потому он так сладостно курится на огне и такими красивыми узорами восходит к Небу.

Олицетворяя в себе Солнцепобедного Горуса и Мудрого Чародея Тота, жрец обнимает бога и передает ему через это объятие его свою душу. Через это живое объятие бог становится живым богом и царем царствующим. Молитвенные слова гласят о том, что свершается солнечный круг, — воплощенное ли в слове или в действии вращение бога со жрецом вдоль стен святилища символизирует движение Солнца во владение его областями, царством Юга и царством Севера, при победительном уничтожении лучами тяжелых чудовищ мрака.

На божестве высокая тиара. Она чаровница. Она льнет к нему как живая, и утвержденный на своем престоле, он являет царственный вид. Храмовой корабль превращается в лазурное Небо. «Я прихожу посмотреть на Солнечный Диск», говорит жрец, — я прихожу увидеть Круг Солнца. Ибо я чист». Приблизившись к безмолвному святилищу бога, жрец становится божественным, он принимает бога в свою душу. Сделавшись богом, он, получивший от бога божественное, приближается к изваянию бога, к лику бога земному, и объятием передает ему свою жизнь, из изваянного являет живого, из земного делает небесного. Великий круг замыкается в своей цельности.

Первая половина богослужения закончена. Жрец выходит, чтоб внешне запечатлеть окончание первой половины священного действия и переход ко второй. Четырежды — ибо четыре их: Юг, и Север, и Закат, и Восток — он произносит молитвенное заклинание: «Бог Мудрый, Тот, пришел, освободивши око Горуса, глаз Утроликого, из рук недругов его. Никакой демон мужеский, никакой демон женский, не входит в это место святое, не подходит к этому храму. Это Фта, Открыватель отворяет эту дверь, это Тот, Мудрый, ее замыкает, скрепляя. Дверь открыта и дверь закрыта — Царем».

Вновь осуществляются главы священной книги, что есть служение богу. Следуют — глава о восхождении на лестницу; глава об открытии лика торжественно; глава о видении бога; глава о простирании ниц перед богом; глава о вдыхании дыхания Земли, с лицом опущенным; глава о воскурениях; глава песнопений Сокровенному; глава о заревом почитании Сокровенного; глава о подношении богу Солнца богини светлой Правды, Маат; глава о подношении фимиама кругу

богов; глава о положении двух своих рук на бога; глава о положении двух своих рук на ларец, чтоб совершить очищения; глава об очищениях четырьмя сосудами воды; глава об очищениях смолой; глава о возложении белой перевязи; глава о надевании перевязи; глава о надевании зеленой перевязи; глава о надевании красной перевязи; глава о надевании великой перевязи; глава о подношении притиранья приятного; глава о подношении притиранья зеленого; глава о подношении притиранья черного; глава о посыпании песку; глава об очищении натроном; глава о сосуде с древесной смолой; глава о воскурениях завершительных.

Возьмем наиболее яркие и наиболее существенные моменты из этого длинного ряда.

Когда совершаются священные воскурения, жрец говорит слова: «Ладан приходит, благословение бога приходит, то, в чем дыхание бога, приходит, зерна душистой смолы приходят, отделения влажные бога приходят, дух благовонный бога приходит к тебе, Сокровенный, чей лик есть Солнце, властитель Карнака. Глаз Утроликого дал тебе светлые слезы свои. Его благовонье с тобою. Благоуханье божественное, дважды благое, вознесись как бог. Солнцеликий тебя возлюбил, ухватили, вобрали тебя его ноздри. Будь чистым, ладан Сокровенного, взнесись, душистая смола, Солнцеликий тебя воздымает до Неба, боги тебя ухватили, ибо сердца их любят тебя. В мире пребудь, Сокровенный, чей облик есть Солнце, властитель Карнака, да расширится сердце твое, я принес тебе око Горуса, дабы ты укрепился тем, что возьмет твое сердце, тем, что воспримет твое обоняние в воскурении этом. Благоухание божеское, благовоние праздника делают из него, чтоб сгорало оно на огне, чтоб всходило в пределы Солнца. Великий венец благовония поднялся до твоей головы, на челе твоём — корона душистого дыма. Око Горуса, глаз Утроликого светит, дух его сладкий к тебе доходит, свет и душистость идут к тебе, о, Сокровенный, чей облик есть Солнце, властитель Карнака, кем ладан возлюблен».

Вознося восхваления Амону-Ра, жрец произносит напевно: «Фараон к тебе прибыл, Амон, бог Сокровенный, лик Сокровенного в этих пределах, образ Амона во всех его владениях, правящий во имя Амона, лик старшего сына наследника

земли, пред отцом твоим, богом Земли, пред матерью твоей, богинею Неба, создатель собственного тела, встающий как царь Юга и Севера, царящий превыше всех богов.

«Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, бог Сокровенный, чей лик есть Солнце, властитель Карнака, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, владыка Солнечного Города, великий в Фивах, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, главенствующий двух земель, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, бог самосозданный, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, создатель Неба и тайн двух горизонтов, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, ты, перед кем боги проходят согбенно, владыка страха, великий в ужасах, в мире.

Бодрствуй и в мире пребудь. Ты бодрствуешь в мире. Бодрствуй, владыка приношений и этого красного дара, который есть твой, покойся на нем, в мире».

Чрезвычайной важности миг — отдача богу богини светлой Правды и жизненной Силы, Маати. «Маати пришла, чтоб с тобою пребыть. Маати везде, где ты, чтобы ты мог с ней слиться. Вот, круги Неба к тебе устремились, каждый день их руки обожают тебя. Это ты дал дыхание каждому дышащему, чтоб было живым, оживленным то, что создано было двумя твоими руками. Кроме тебя, никого там не было, чтоб творить с тобою. Привет тебе, бог благой, бог возлюбленный. Ты восходишь с Маати, ты с Маати живешь, ты члены свои соединяешь с Маати, ее обнимая, Маати на челе твоём. Твоя дочь — Маати. Ты молодеешь при виде ее, ты живешь благоуханием росы ее, Маати как амулет на шее твоей, она на груди твоей покоится. Твое правое око — Маати, твоё левое око — Маати, твои кости и тело — Маати, то, что ты ешь, есть Маати, то, что ты пьешь, есть Маати, смолы твои — Маати, дыхание твоё есть Маати».

И долго еще происходит восхваленье Маати и подношение ее символическое Солнцеликому. Символ Маати перо, воздушный полет и свет лучей. Легкость, небесность, сол-

нечность, лучезарность живая — есть Маати. В одной из гробниц 4-ой династии, среди амулетов, найден был такой знак указующий: малый обелиск, а конец его взнесенный концом своим наклоненным ласкает перо. Обелиск символ мужской силы, жизнетворческой, и знак солнечного луча также. Перо — воплощение солнечной правды бытия, небесной легкости и воздушности всего правдивого.

Перья и венцы также суть означения образные глаз Утроликого. Двойная Маати есть двойное око Горуса. А очи Солнцеликого создали и Мир и людей. Мир, по понятиям Египта, создали Свет и Звук. Внушение взгляда, волхвованье слова. Глаза глядели, уста сказали, родился Мир. И что есть Мир, как не сплошная перевязь многоцветная, змеино-извилистая, некончающаяся, перевязь Света и Звука. Поющая Радуга.

Он вызвал в Мир — людей,
Слезами глаз своих.
И боги, в жизни всей —
Пропетый Богом стих.

И свет Неба есть звук Неба, взгляд Солнца есть голос его. Два в одном. Текст Пирамид гласит, что, когда Небо говорит, Земля дрожит, бог земли исполнен волнения, две божеские области полны ревуших шумов, и молитвенные рабочие руки могут касаться тогда земли, свершается, освященный грозою, обряд возделывания Земли.

Через причащенье, прикосновение ко всем подношениям, бог восславлен и восставлен в своей божеской славе, в своем божеском тождестве. Его душа — с ним. Надо теперь облечь в достойные одежды телесное его я.

И он, кем жива каждая травинка, облачается в одежды жизни и обновления. Он надевает зеленую перевязь, ибо изумрудны обновленные побеги трав и хлебов, исходящих из тьмы на воздух. Он надевает красную перевязь, ибо он есть Владыка Водоема Двух Пламеней, и красен огонь восходящей зари, и красно, извергаемое Мировым Жерлом, пламя, озаряющее лица и добрые и злые так ярко, пред испытующим взором, что четко-зримы, в свете этого пламени и тайная доброта и тайное зло всех лиц. Он надевает прежде всего

белую перевязь, ибо это есть цвет чистоты внешней и внутренней, это есть цвет безгреховности, высочайшей взнесенности, цвет самого ослепительного света, самого легкого облачка, самой высокой горной вершины, самой красивой летящей птицы. И, снова, это есть цвет жизни, ибо это есть млечный цвет. Белый в начальности своей и своем завершении конечном, зеленый в юном своем обновлении, красный в страстной своей воспламененности, троичен в краске своей Жизнецвет, тот цветок, который выращен богами для людей, чтоб можно им было яркое утро узнать в Мировом Саду, и успокоительный изведать вечер.

Золотистый песок рассыпан перед богом, каждая песчинка — малая жизнь.

И много душистостей нужно тому, кто взростил нам пышный Жизнецвет. Потому Жрец-Фараон, царь молящийся, властитель богомольный, мудро правящий двумя царствами Египта, ибо две у него справедливые и властные руки, благоговейно подносит Солнцеликому благовоние приятное, и благовоние праздничное, и благовоние воскликновений, и дух кедра душистый, и Либийские смолы, и притирания разные, и умашенья различные.

«А! умашение, умашение это. А! Юноша в оке Утроликого, юность на челе Солнцеликого, зеленеющие я изумруды кладу благовонные пред Сокровенным, чтоб он усладился изумрудностью этой, чтоб он прикоснулся к ней. Да будут даны эти дары Сокровенному, милостью глаз всех Лучистых, что видят его, и имя его — слышат. Достоверно!»

Огонь дрожит, оживленный смолами. Последние воскурения возносятся. Благоуханен голубоватый дым.

«Вот очищения. Воскурения, для Сокровенного, чей облик есть Солнце, для владыки Карнака, для Солнцеликого, великого на месте своем. Фараон здесь с тобою, Жизнь, Здоровье, Сила, Устой, царь Юга и Севера, Фараон, повелитель всех живущих вовеки».

«Вот дары приготовленные. Возьми их. Чисты и истинны все они. Достоверны. Возьми их, о, бог, возлюбивший душистые смолы».

Слова, завершившие чару, сказаны. Песнь богомольного сердца пропета. Тихо в чертоге безмолвного бога. Курения дышат еще. Иероглифы глаголют безгласно свой каменный

стих на стенах, свой каменный стих, меру столетий. Жрец, завершивший свои чародейства священные — до завтра — ушел. Дверь замкнута. На двери — печать.

С новым Солнцем она разомкнется.

ЗВЕРОПОКЛОНСТВО

Я в круге возврата
Свежий миг бытия.
Я Сата, я Сата,
Я Сата змея.

Из Книги Мертвых

Первое впечатление от Египта, когда с Севера приезжаешь в Каир, в область Солнечного Города, Гелиополиса, и древнего Мемфиса, это — впечатление узкой долины, полноводной реки, безмерной серовато-желтой Пустыни, по которой в закатный час тянутся красноватые тени, впечатление исполинских Пирамид, навевающих молитвенное молчание, и таинственного зверя, хранителя Египетских загадок, Сфинкса. Иссеченный из скалы, с телом льва и лицом человека, с телом царя зверей и с головою владыки людей, с красивым и властным лицом Фараона, который был сыном Солнца и единым предстателем за земных перед Небом, Сфинкс глядит своим грозным оком за край горизонта, и, сочетавши в себе человеческое и звериное, спокойно видит все тайны.

В древние времена здесь был город, который назывался Местом Битвы. Здесь произошло решительное сражение между утроликим Гором и братоубийцей Сэтом, между богом восходящего Солнца, Гором, у которого тело человека и голова сокола, и богом всего злого и пустынного в Природе, Сэтом, у которого тело человека и стилизованная голова борзой собаки.

Углубляясь в Египет, мы посещаем Абидос, Луксор, Карнак, Фивские гробницы, иные святые места Египта, достигаем Ком-Омбо, завершаем наши впечатления на границе Нубии, в последней часовне Египетского многобожия, в островном храме Филэ. И среди стенных изображений Абидосского

храма, перед нами возникают — бог с головою шакала, и бог с головою сокола, бог с головою барана, бог с головою быка, божество с головою льва, и божество ибис, и божество лягушка. Приближаясь к громадам Карнака, мы проходим по длинной аллее каменных изваяний священного барана. У вод священного озера-пруда медлит богиня солнечного зноя, львиноголовая Сэхэт. В храме Луксора нас поражает бог плодородия в позе нескрываемого фаллического торжества, и в этом храме есть Зал Рождения. Дейр-эль-Бахари являет нам великолепное изображение коровы Гатор. В Ком-Омбо мы вступаем в святилище бога-крокодила Сэбэка, с пастью зубастой. В нарядно расписанных гробницах мы не выходим из замыкающих нас в магические свои узоры извилов змеи. Обезьяна, кошка, гиппопотам, шакал, бык и баран, сокол и коршун, гусь, ибис, ласточка, птица Бенну, похожая на цаплю и породившая — в Греции Феникса, а в России Жар-Птицу, рыба, как священный символ повторившаяся потом в Христианских катакомбах, лягушка, бывшая в Египте, как и доселе в Китае, символом плодородия, долголетия и возрождения счастливого, змея, скорпион, скарабей, самое имя которого священо, — мы встретим их всюду в Египте, на вратах храмов, на стенах святилищ, в тишине гробниц, на внутренних стенках гробов, в великолепных Египетских изваяниях, более заколдованных, чем изваяния Эллинские, в народной сказке, в народной песне, в каждой иероглифической записи, в приметах, обычаях, и верованиях нынешних обитателей Египта. Те или иные из них глянут на нас и в последнем оплоте Египетских верований, в похожем на воздушное сновидение храме Изиды на острове Филэ, где нас зачаруют прощальною чарой колонны Гатор, а соколиноликий Гор лишний раз нам напомнит, что сокол — самая проворная и красивая из хищных птиц — также неразрывно связан с измышления — Египетского ума, как он неразрывно связан с средневековой фантазией Европейца, с Русской былиной и Русской народной сказкой.

Грань между зверем и человеком неуловима. Связь между человеком и зверем глубже, чем мы это думаем в наших городах, где мы мало что знаем сами про себя, стесненные нагроможденьями камня, дерева и железа, и отравленные комнатным воздухом.

Сочувственно ли, или же любопытствуя, или уstraшено, или завидуя ловкости, или смутно чувствуя сокровенную тайну, или плененный художественно, или инстинктивно сознавая свое родство со зверем, человек всегда заинтересован им. На какой бы ступени развития мы ни стояли, быть равнодушным при виде зверя мы не можем, будь этот зверь четвероногим животным, или птицей, или пресмыкающимся, или рыбой, или насекомым. Сидя в тихом книгохранилище, и читая в безмолвии произведение высочайшей человеческой мудрости, я слышу, что прожужжала муха, и внимание мое внезапно поражено чем-то особенным, — тeneвым напоминанием о чем-то, что живет своею таинственной жизнью, что не я, что вне меня, что я могу видеть лишь внешне, но что в сокровенностях своей внутренней жизни совершенно недоступно для меня.

А наше чувство, когда мы видим в первый раз акулу, кита, волка в лесу, или безобидного зайца, когда мы слышим весною жаворонка, или видим ворона, или видим, в миллионный раз, на улицах наших городов, быстро бегущего коня. Конь победил древнюю Мексику, не знавшую до Испанцев коня, но мы, думающие, что Ацтеки суть воплощение дикарской наивности, не теряем ли мы наш рассудок на скачках и сумели ли мы так привыкнуть к лошади, чтобы были к ней совершенно равнодушны?

Влечение к зверю и потребность в той или иной его близости к нам, — несмотря на века и тысячелетия нашего разрыва с Природой, — сказывается доселе в нашем пристрастии к известным домашним животным и в любви к охоте. Как это ни кажется противоречивым, на охоте мы убиваем животное без ненависти к нему, напротив, с любовью к нему, — каждый охотник это подтвердит. Это влечение сказывается также в нашей склонности — неистребимая склонность дней детских, любви и влюбленной дружбы — давать друг другу звериные клички, и выбирать того или иного зверя любимцем, не то покровительствуемым, не то покровителем. Оно сказывается в наших народных сказках, где звери выступают разумными существами наравне с людьми, и нередко превосходят людей своей находчивостью. Оно сказывается в пристрастии наших поэтов к тому или иному зверю, к той или иной птице, — альбатрос, жаворонок, ворон. Нако-

нец, как музеи, в которых мы собирает предметы, относящиеся к умершим религиям, суть последняя наша дань и последнее наше служение тому, что объемлется произвольно выбранным словом Язычество, так зверинцы, — бывшие и у Монтесумы зверинцы, — в которые приходит и воскресная толпа безразборная, и строгие ученые, и художники, и всякий тонко-чувствующий и остро-видящий человек, суть последний оплот нашего давнего зверопоклонства.

Зверопоклонство и братство со зверем. Та ступень человеческого духовного развития, когда он создает космогонии и мифы, не оторвавшись еще от вечно-творческой Природы и чувствуя себя в слитной, вечно изменяющейся, мировой Симфонии, в которой он песня среди созвучных песен, а не произвольно вырванный из песни звук, разъединенный с общим напевом и звучащий в дисгармонии с ним. Каждый народ прошел через такую ступень. Но, обычно, пройдя эту первичную творческую пору своего исторического — или, вернее, доисторического — существования, когда сознание человека не отделяет человеческого от нечеловеческого, звериного, природного, — не отделяет единичного от всеобщего, земного от небесного и мирового, — народы переходят к другим ступеням, отбрасывая приобретения своего ясновидящего детства, и сохраняют их лишь как тот или иной, задержавшийся в религиозной системе, миф, лишь как легенду, лишь как сказку, лишь как орнамент. Египтяне же — народ троекратно священный. Ибо сумели Египтяне создать 5 000 веховой нам исторической жизни, а за эти 5 000 лет, совершая жизнь многообразно и делая достижения изумительные, не утратили в себе первобытного человека и ребенка, сохранили до конца таинство связи со зверем и Природой.

Принесли ли Египтяне с собою в Африку уже готовым почитание зверей, или взяли его у туземцев и преобразили, во всяком случае в себе они таили нескончаемую способность понимать звериное и лелейно хранить с ним связь, ибо, меняясь в течение тысячелетий, они не изменились в этом, и добросили до наших дней некоторые формы своего зверопоклонства, ибо, как первые Фараоны украшали чело свое священными кобрами, — чело устремленье мышления и воли, змея находчивость, быстрота, сокровенность, власть смерти и символ возрождения, — так и жители современного

Египта почитают змей, и, строя новый дом, оставляют в стене условное отверстие для доброго домового, змеи, подобно тому как мы в деревнях строим малые домики для скворцов.

В зверопоклонстве Египетском можно и должно различать три оттенка: зверобоги, звери божественные, и звери священные. Гор с соколиной головой, Анубис с головой шакала, Таурт с головою и телом гиппопотама, но с руками и грудями женщины, Хнум с головой барана — суть зверобоги. Это получеловеческие полужвериные божеские существа, отмеченные известным звериным характером, воплотившие в себе божески-достоверную единичную особенность, составляющую лик того или иного зверя, среди недостоверности и шаткости всего человеческого. Звери божественные — сокол, содержащийся жрецами в таком-то храме, и воплощающий в себе божеские качества Утроликого, неземные свойства восходящего Солнца, сражающего ночной мрак с его чудовищами, так же как Апис, бык с особыми приметами, есть земное воплощение Озириса, или Фта, и существование его на земле божественно, а мумизированный после своей смерти он приобщается к запредельному царству Озириса, и со всеми верными правдивыми живет счастливою жизнью в Крае Закатном. Сокол же, просто взятый как таковой, так же как баран, или ласточка, или ибис, или кошка, суть не зверобоги, и не звери божественные, а лишь звери священные, существа почитаемые, отмеченные особою любовью того или иного бога, и потому всегда осиянные лучом божественного, которое в них может, по той или иной узорности обстоятельств, целиком воплотиться и превратить такого-то представителя данной породы в зверя божественного.

Пройдя через утонченную призму религиозного мышления, продуманное Египетскими жрецами до конца, зверопоклонство стало строго выработанной системой, в которой, географически разнствуя, тот или иной зверь почитался божественным, ибо каждый зверь воплощает в себе, в земном своем существовании, одну какую-нибудь божески-неизменную черту, тогда как человек и богаче и беднее зверя, ибо он представляет, в повседневности, произвольную сумму то тех, то других черт, не являясь законченным и божески-достоверным, и лишь в идеальном своем лике воплощает в себе

полноту различных черт, осуществляемых по отдельности, до полноты, в каждом отдельном звере.

В сущности своей, Зверопоклонство есть лишь одно из видоизменений Солнцепоклонничества, или во всяком случае, внутренне, тесно с ним связано. Как цветы и плоды суть нарядные и благовонные воплощения солнечной силы, красоты и теплоты, так звери суть подвижные и глаголющие воплощения солнечного движения, солнечной энергии. Прежде чем человек утром успеет проснуться — и человек это отлично знает — зверь уже проснулся от приближения Солнца к черте горизонта. Восходит Солнце из мертвенных темнот, и недвижимый ночью бык хочет идти на пастбище, бараны блеют, коровы мычат, гуси поднимают крик, и быстрая ласточка щебечет, все свидетельствуя, своими голосами и радостной своею взволнованностью, несомненность своего солнечного происхождения.

Зверопоклонство, с другой стороны, тесно связано с фаллическим культом и с обожанием размножения. Первобытный человек чадолюбив, и любит мысль о многочисленном потомстве. Он еще всецело есть свежее существо среди существ Природы, а основное свойство существ Природы — стремление к бесконечному размножению. Как водоросль стремится затянуть всю поверхность мировой воды, и лишь из-за внешних препятствий не может достичь мирового владычества, — как одна рыба способна породить целое стадо рыб, себе подобных, — как одна брюхатая самка кролика, выпущенная моряками с корабля на необитаемый остров, завладевает им в несколько лет настолько, что потом уже в течение столетий не могут люди истребить кроликов этого острова, — так же точно первобытный человек весьма силен в способности размножения, и любит в себе эту способность. Видя в животных эту способность удесятеренной и усотненной по сравнению с собой, он считает зверя более божественным, чем себя, более способным побеждать смерть и пустыню — которой он всего более боится — торжествовать над ними нескончаемым воспроизведением своего лика, бесконечною панорамой вновь рождающейся, вновь радующейся, вновь ликующей жизни. Отсюда — божественность быка, существа могучего и в битве с врагом, и в любовной схватке, и в способности дать оплодотворение, — божественность коро-

вы, которая есть мать богов и богиня Неба, как божественна она и в Скандинавии и в Индии, — богиня Неба, откуда текут потоки, возрождающего зелень, дождя, — божественность барана и козла, коих страстность и плодовитость обуславливают пышную жизнерадостность огромных стад.

Мы страдаем от тесноты, читаем Мальтуса, распространяем и применяем доктрины Неомальтузианства, весьма страдаем от перенаселения, художественно ненавидим толпу; для огромного большинства современных людей мысль о большом семействе — дурной сон, и самое выражение — отец многочисленного семейства — есть синоним выражения — человек несчастный, обиженный Судьбой. У первобытного человека — пространства было столько же, сколько воды в Море, и в этом бесконечном пространстве нужно было создавать острова, оазисы, этими оазисами были семьи, разраставшиеся в племена, племена, превращавшиеся в народы, и счастливым почитался тот человек, у которого многочисленное потомство, многократно повторенный лик его «я», закрепление в детях и внуках долголетия на Земле. Соотношение Человека и Природы совершенно перевернулось для нас в сравнении с людьми первобытными. Кролик был животным священным у древних Мексиканцев, как заяц священен для Египтянина, — в наше время, о женщине, которая часто бывает беременна, презрительно говорят — зайчиха. И слова бык, баран, козел, корова, которые звучали священной для Египтянина, Индуса, или Парса, на нашем языке суть бранные имена, применяемые к людям глупым и неуклюжим.

Говоря о чем-нибудь, что связано с вопросами пола, мы не можем быть прямыми и ясно-спокойными, мы или держим себя вызывающе, или пытаемся быть соблазнительными, или мы непристойны, или мучительно-конфузливы. Слово фаллюс мы произносим пониженным голосом, как бы извиняясь в том, что произносим его. Закутав все свое тело в тяжелую одежду, мы естественно притворяемся все время перед самими собой и людьми, когда возникает вопрос о поле. Так не было, когда тело человека было свободным, и когда Солнце позволяло людям быть голыми или полунагими.

Египтяне ходили полуголые. Тело их принимало солнечные лучи и движенья свободного воздуха, не ставя для Солнца и воздуха искусственных преград. И потому, — что бес-

стыдно для нас, то совершенно естественно для Египтянина. Самый смиренный Египтянин мог увидеть свою царицу, дочь Солнца, в таком легком одеянии, в каком мы, в наши дни, можем увидеть чужую женщину лишь в вертепе. Так опрокинулись и перевернулись понятия. Может ли наша душа свободно разговаривать с нашим телом и понимать его, если на тело надела она цепи и сделала его рабом? Между ними ложные отношения, как между господином и невольником, недобросовестным утеснителем и слугою, всегда готовым к бунту.

Не понимая собственной души и собственного тела, мы менее всего способны понимать телесную и духовную жизнь других существ, и потому Египетское зверопоклонство есть область, наиболее чуждая нашему уму и нашему чувству. Знакомясь с ним при посещении Египетских музеев и Египетских храмов, или при перелистывании книг по Египтологии, мы озадачены, смущены, оскорблены, прямо несчастны, удивимся, страшимся, не понимаем, понять не можем. И это ведь не только на первый миг ознакомления с новизной, а у некоторых Египтологов, у многих, на всю их жизнь. Бругш, похваляющийся, что 40 лет он изучал Египетские памятники, находит, что бог Сэбэк с головой крокодила принадлежит к поразительнейшим и отвратительнейшим явлениям древне-Египетского пантеона. Для древнего же Египтянина крокодил был олицетворением царственной спокойно-грозной силы и божеской мудрости, умеющей восстанавливать насильственно-разъединенное единство жизни, это он, крокодил, вместе с шакалом Анубисом, открывает умершему двери Загробного Царства и доводит его до небесной лестницы, и называл крокодила Египтянин владыкой смарагдовых высот. Очевидно, какой-то путь между древним Египтянином и современным Европейцем, сорок лет добросовестно изучающим Египет, затерялся, — обломился мост, и надо его снова построить, если это возможно.

И конечно это возможно. Но не одним изучением памятников Египта, а отрешением от нашего обычного, сближением нашей впечатлительности с впечатлительностью народов первобытных, и, главным образом, тем любовным принятием ко всему земному, которое составляло основную особенность Египтянина и открыло ему те тайны земные и небесные, которые скрыты от нас.

ЗВЕРИ ВОДИТЕЛИ

Ты гонишься за мной, как лев, и снова нападаешь на меня, и чудным являешься во мне.

Книга Иова

Размышляя о Египетском зверопоклонстве, я спросил себя, чьи мысли об этом предмете могли бы быть наиболее интересными. Чьи слова о зверях могут дать наиболее верный ключ для разрешения загадки о зверопоклонстве?

Не слова египтологов. О, нет. Хотя их слова, конечно, интересны, и знать их необходимо. Но египтологи, обычно, рассматривают факт зверопоклонства как один из точно определенных моментов сложившейся религиозной системы. Не миг зарождения тайны берут они, а выявленную тайну с затвердевшими очертаниями, переставшую быть тайной. Египтологи — люди книжные, с зверьми не жившие, с зверьми не живущие, с Природой разорванные. Касательно непосредственной стороны вопроса тут можно видеть и полную слепоту.

Маленький пример. Давая в своем учебнике Египетского языка роспись иероглифических знаков, автор многих книг о Египте, Бэдж, включает сороконожку — в число рыб. Есть другие египтологи, которые ласточку принимают за воробья, а над иероглифом цапли ломают себе голову недоуменным вопросом, чтобы это была за птица. О многом этих людей можно и должно спрашивать, о многом отнюдь не должно.

Иов, пораженный в самое сердце личным несчастьем и сознанием мирового разрыва, не поддающегося простому логическому изъяснению, отбрасывая поверхностные слова своих советчиков-друзей, говорит: «И подлинно, сприси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе, или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские» (глава 12-ая).

Но как же подступиться к этой мудрости Природы, к этой звериной мудрости, о которой говорит Иов?

Непосредственным прикосновением к Природе, жизнью в Природе, и постоянным соучастием, зрящим и чувствующим. Если ж нашу жизнь мы оторваны от такого непос-

редственного источника ведения мы должны обратиться, с наблюдением и вопрошанием, к первобытным людям, поскольку первобытная впечатлительность сохранилась в образцах доисторического Искусства, в создававшихся на утре человеческих дней космогониях, в создающихся донине легендах, мифах и обрядностях тех немногих человеческих групп, что зовутся дикарскими, и, наконец, в том зачарованном мире, в том полном откровений, сияющем оазисе, что зовется нашим собственным детством.

Почитание зверей проистекает из таинственного влечения человека к внечеловеческому и из предпочтения природного пред человеческим. Ища ответа на поставленный вопрос — в ближайшем, спросим ребенка, что он об этом думает.

Светлоглазую девочку девяти лет, постоянно игравшую с собаками, с кошками, с черепахой и разговаривавшую по-своему с птичками, я спросил, почему она любит животных, и попросил ответить мне письменно. Она написала:

«Почему я люблю животных? — Я люблю животных за то, что почти все они живут на природе и отлично обходятся без людей. Некоторые люди говорят, что животные глупые. Они очень ошибаются, потому что птицы зимой улетают на юг, а когда лето, они прилетают в ту же деревню, из которой улетели. Я люблю ласточек и других маленьких птичек, которые поднимаются к солнцу и поют ему хвалу. Я люблю льва, который гуляет по пустыне. Я люблю жука бронзовку. Я люблю тигра, дикую кошку, орла, коршуна и много, много животных, которые любят солнце. Я люблю их, потому что они не строят себе домов, а прячутся от дождя в норках, гнездах, а самые маленькие просто под листочком. Они не прячутся в шубы, а шуба сама вырастает на них. Их оружие — зубы, когти, клюв. Жизнь животных гораздо лучше нашей».

Мысли девочки, которую я хорошо знал, заинтересовали меня, и я попросил ее рассказать мне, что бы она сделала, если бы была одна и свободна. Она написала мне:

«Что бы я сделала, если бы я была одна и свободна? — Я бы ушла в глубь какого-нибудь леса и жила бы там среди природы и зверей. У меня была бы хижина, садик и огород. Я бы ела из высушенной тыквы. Я бы ходила на охоту и на ловлю рыбы. Зимой я бы разводила огонь и куталась в зве-

рины шкуры. А хижину свою я бы обкладывала замерзшим мхом и ветвями. У меня была бы собака, чтобы ходить на охоту, и курица, которая несла бы мне яйца. Я бы не видела ни одного человека. В моем саду было бы очень много птиц и цветов. Ах, как я хотела бы так жить!»

Видя, что в своих изъяснениях девочка настаивает на Природе, я спросил ее, что собственно в Природе интересует ее. Третий письменный ответ гласил:

«Что в природе самое интересное? — Природа интересна вся вместе, но в ней есть вещи, которые интересны и отдельно. Если лес и интересен, со всеми зверями и птицами, которые в нем живут, то он все-таки интересней с речкой или прудком. Природа гораздо лучше вместе. И ручей, если хороший, то с травкой на берегу будет еще лучше. Поле очень интересно, но только когда в нем много букашек и цветов. Один цветок или лист красивы, но они угрюмы и бесприютны, когда они одни, на дереве же, если и засохнут, то на их месте вырастут новые. Вся природа красива и интересна, но только тогда, когда она вместе».

Девочка, о которой я рассказываю, существует в действительности, и я могу подтвердить, что три эти маленькие сочинения созданы детским умом самостоятельно. Таким образом эти детские мысли приобретают особый интерес. Любопытно отметить, что в мире животном детскую мысль привлекает наиболее именно несходство с человеческим, прямота и непосредственность зверя, — их оружие зубы, когти, клюв, — те способности животных, которых нет в человеке, — они не прячутся в шубы, а шуба сама вырастает на них. Любопытно, что, создавая в своем малом огляде как бы некий звериный пантеон, ребенок останавливается не только на самом крупном и ярком, — лев, тигр, орел, — но не забывает и жука бронзовку, и букашку, что прячется под листочком. Древний Египтянин, дней доисторических, точно так же, ввел в свою религиозную символику не только шакала и сокола, но и жука скарабея священного. Австралийский дикарь наших дней, создавая свои миротворческие помыслы, вводит в них Солнце и гром, Луну и звезды, двуутробку, ворона, птицу-королька и морских медуз. Природа интересна и красива, но не должно в ней создавать граней, перегородок и разделений, — природа гораздо лучше вместе.

Как гласит одна Австралийская легенда, вначале была слитность и постепенно означающаяся перепутанность ликов, как это бывает в каждом развивающемся сновидении.

В начале дней Земля открылась в середине влаги озерной,
В великих водах Перигунди явился лик, за ним другой,
Качнулся ворон чернокрылый, загомозился попугай,
И красноног запрыгал быстрый, твердя себе: Ступай, ступай.
Но было все несовершенно, для чувства не было дверей,
И члены только означались в той изначальности своей.
И лики все легли на дюны, что сжали озеро кольцом,
И там на Солнце укрепились они в могуществе своем.
Так распростершись, полежали, и лик их был определен,
И вот пошли, одни по долам, другие в синий Небосклон.

В первобытном сознании, именно как в сновидении и как в играющем сознании детском, все невозможное возможно, и каждая малая точка, в силу богатства того подвижного текущего вещества, которое называется мечтой, может служить исходом, началом целой системы. Австралиец увидел кенгуру и побежал за ним. Если б это случилось с цивилизованным человеком, т. е. встреча с кенгуру, он поймал бы зверя или убил его, и рассказал бы товарищам, как это произошло, — исчислил бы также, какие выгоды и возможности отсюда извлечь правдоподобно. Австралиец же ведает некоего природного волшебника, Мурамуру Паралину, и он уже не о себе рассказывает, а об этом волшебном творчески-шаловливом духе.

Мурамура Паралина побежал за кенгуру.
— Кенгуру, хоть ты и быстрый, в плен тебя я заберу. —
Мурамура Паралина топчет травы, топчет мох,
Вдруг увидел сжатых, робких он уродцев четырех.
Он близь них не задержался, побежал за кенгуру.
Но куда же тот девался, где он спрятался в дыру?
Кенгуру дошел до места, где двух женщин повстречал,
И убит был ими быстро, и, завит в зерно, лежал.
Мурамура Паралина говорит про кенгуру.
Отвечают — не видали, шепчет каждая — не вру.
Паралина взял свой пояс, навязал на муравья,
Муравей почуял тотчас, муравьев сошлась семья.

Мурамура Паралина муравьев тут разогнал,
Кенгуру взвалил на плечи, и к уродцам побежал.
Он растер им тело — тело, члены вытянул он вдоль,
Расщепил по десять пальцев, хоть и сделал этим боль.
Рот, глаза и нос им сделал, уши дернул, растянул,
И чтоб можно было слышать, в эти уши он дохнул.
Все им тело пробуравил, глины выострил кусок,
В рот его им с силой вставил, и кусок до низу скок.
Так разделавши уродцев, человеков создал он,
И пошел он, и пошел он, гул пошел со всех сторон.

Первобытное сознание переливается из существа в существо, соединяя все существа в неразрывную, единую, живую и жизнь дающую панораму. И человек, размышляя о самом себе, смотрит на зверя, и зверь ведет человека. Мурамура Паралина — человекоподобный жизнетворец, делатель людей и довершатель форм. В других разветвлениях того же первобытного Австралийского помысла роль животного указывается с точностью.

Тогда, как не было людей,
Но жизнь была уж здесь жива,
На берегах, среди стеблей,
Без членов были существа.
Мурейрай, птица-королек,
На них излив избыток сил,
Им дал отдельность рук и ног,
В мужчин и женщин превратил.
И вольно двигаться им тут,
Равнина жизни широка,
И звонко песнь они поют
Во славу птицы-королька.

В предании о вороне, таинственной птице, которая, будучи царственно воспета еще в Древне-Скандинавской «Эдде», пленяла творческую мечту всегда, пока в 19 веке ей не пропел самый победоносный гимн Эдгар По, в сказании о вороне. Австралийская мысль уже не только искрится веселием зарождающегося мифа, но и сияет всеми блестящими зарождающегося истинно-религиозного почитания.

В незапамятное время,
Старый путник, старый Ворон,

Сел над быстрою рекою,
Над текучею водой.
В час, когда он в мир родился
Из отливного агата,
На себя взглянув, он молвил:
«Да, я Сокол золотой».
И потом еще подумал: —
«Нет, не так, я слишком черен.
Я — Орел, который мчится,
Ветер в воздухе струя».
И потом еще подумал: —
«Нет, я слишком длиннокрылый».
На себя взглянул и молвил: —
«Знаю, знаю, Ворон я».
Так, себя узнав, летал он,
И чернел в ветрах, и каркал,
И когда блистало Солнце,
Он садился в высоте.
А когда спускалось Солнце,
Он с вершин срывался черных,
И тонул среди ущелий,
В их глубокой черноте.
И увидев меж созданий
Недосозданных уродцев,
Им расправил члены клювом,
Каркнув, выпрямил узор.
А свершив свое, он умер,
И его похоронили,
Там блестящий черный камень
Можно видеть до сих пор.

Выразительную картину братства людей, животных и растений, как это понимает первобытный ум, дает Норвежский исследователь, Карл Люмгольц, прошедший пять лет среди Мексиканских племен, донныне оставшихся дикими, и напечатавший несколько лет тому назад в Нью-Йорке свою книгу «Неведомая Мексика». Для Индейца, говорит Люмгольц, все имеет жизнь в Природе. Растения, как и человеческие существа, заключают в себе душу, ибо иначе не могли бы они ни жить, ни расти. О многих предполагают, что они говорят, поют, чувствуют радость и боль. Зимой, например, когда сосны от холода покрыты влагой, это они

плачут, чтобы Солнце вышло и согрело их. Если их мучают и оскорбляют, растения мстят. Почитаются те растения, что целительны. Верят, что простой аромат лилии излечивает болезни и уничтожает сглаз. Взывая к помощи, врачующий молит так:

Красивый,
Сегодня,
Лилейный
Цветок,
Сохрани меня.
Отсюда извергни
Тех, что колдуют,
Дай Мне достигнуть
Старости.
Дай Мне взять посох,
В старости.
Благодарю.
Запахом дышешь ты,
Там, где стоишь,

Почитают хикули, священный кактус. Опьянение от хикули создает веселость и уничтожает голод и жажду, также развивает красочное зрение. Поев немного хикули, Индейцы чувствуют, что деревья пляшут, сами же они не только не качаются, но держатся еще более твердо, чем в здоровом состоянии, и могут идти без головокружения по краю пропасти.

Богов, говорят Тараумары, два: Отец Солнце и Мать Луна. Дошло до них и Христианство, но «Тата Бог» (Тата, по-Тараумарски — Отец, наше простонародное Тятя) слился с образом Солнца, а Дева Мария стала для них Мать Луна. Предание о волке свидетельствует, что первичность мировосприятия все длится.

Волк просил у Тяти Бога позволения в мир придти.
Тятя Бог спросил у волка: «Что ты хочешь там найти?»
Волк сказал: «Тараумары сеют вкусное зерно,
Буду красть его. Маисом называется оно.
Буду есть я и животных, коль ловить не буду плох».
Не умеет волк работать, — все позволил Тятя Бог.

Чтобы побудить Отца Солнце и Мать Луну создать необходимый для растения дождь, Тараумары исполняют ритуальный танец, и слово танцевать — нолявоа — буквально означает — работать. Удостоверяют Тараумары, как вещь проверенную, что это животные научили их танцевать, и, чтоб вызвать дождь, они танцуют иногда по две ночи подряд, изъясняя при этом песней великолепное действие дождя на растения и призывая помощь всех животных. Звери для них отнюдь не низшие существа, напротив, звери понимают волшебства, владеют обширным знанием и могут помогать людям в достижении раз поставленных целей. Весною, щебетание птичек, воркование горлиц, пенье лягушек, стрекотанье кузнечиков и тысячи всяких звуков, издаваемых жителями лесов, суть ничто иное, как множество воззваний к богам, чтобы они послали дождь, ибо какое есть иное основание петь? Прыжки оленей и любопытный способ индейского петуха распускать хвост колесом суть тоже ходатайства о дожде. И вот Тараумары, с великою серьезностью и обрядовой истовостью, свершают свои, исполненные гипнотизирующего однообразия, пляски, дабы Солнце и Луна видели их старания, и чтоб мир не погиб. Мерные движения возвратные целыми часами зачаровывают своей монотонностью.

Из края в край — рутубури.
Скрестивши руки. Много. Все.
Из края в край — рутубури.
Скрестивши руки. Много. Все.

При этом бешеное позванивание звоночками сверху вниз, что создает тройной ритм.

Вот один из напевов, сопровождающих танец *рутубури*.

Стебель цветет. Стебель одет.
Цветом одет. Выступил цвет.
В зреющий цвет стебель одет.
Выше растет зреющий цвет.
Светит цветок. Птичка синек,
Птичка синек — с веточки скок.
Вся огонек, вся как цветок.
Звонко поет птичка синек.

Птичка синек — вниз от сучка.
Вниз от сучка. Влага близка.
Влага близка — пенью синька.
Капля близка, дождь для цветка.

Ориген говорит, что видимый мир научает нас касательно и мира невидимого, что земля содержит образы вещей небесных, дабы посредством этих низших предметов мы могли восходить к тому, что вверху. Эту мысль можно найти во многих философиях, и эта мысль есть ничто иное, как христианское и философское отображение и видоизменение тех состояний, которые весьма знакомы уму первобытному.

В личном ли моем детстве, или в моем детстве историческом, ища точного образца, безупречности законченного типа, я всегда остановлю свой взгляд на звере, ибо он совершенен и точен в своем поведении. Житель ли я Нильской долины, тех дней, когда я очень дружил со змеями, или я древний Мексиканец, обожавший Вицлипохтли, стрелометно-быстрого бога-колибри, или я древний Перуанец, гордившийся происхождением от того или иного зверя, но сменивший почитание звериных предков на поклонение Солнцу, — я, смотря вокруг себя, ищу непременно образца, превышающего мои силы и возможности, и выбираю его своим девизом, делаю его своим знаменем. Я умею хорошо плавать, — но разве могу я плавать, как рыба, и жить под водою, как водяная крыса? Я быстро бегаю, — но могу ли я сравниться с оленем и кроликом? И силой не сравниться мне с тигром. И я не умею летать как птица. Все мои способности естественно являются для меня чем-то само собой разумеющимся. Все, что во вне, тем самым кажется мне таинственным, непостижимым, божеским, влекущим, ведущим меня.

И это уже — в том или ином смысле — навсегда.

Шакал и сокол, один — сумеречный, другой — утренний, поведут меня в храм Египетский. Змей и дракон не отступят от меня в храме Китайском и Мексиканском. Змей заманит меня и в Индусский храм, а в лике униженном возникнет предо мною и в Христианской церкви. Бык Апис, изменивши свой лик, войдет вместе с львом в Апокалипсис. Над Вишну, воплотившимся как Кришна, будет виться голубая пчела, а Петр Капуанский, грезя о Вознесении, назовет Хрис-

та — пчела эфирная, небесная пчела, и летучая медвянка послужит образом для многих святых, для собирателей душ в благоговейности, как образ пчелы был иероглифом Фараонов, собравших воедино царство Юга и царство Севера. Орлята, глядящие на Солнце, вознесут мой взор к цветным стеклам Собора. Сфинксы и василиски поселятся в Средневековом аббатстве. Пеликан, раздирающий свою грудь, чтоб накормить птенцов, глянет на меня из Средневекового bestiaria. Рыбы морские приютятся в псалтыре Изабеллы Французской. Голубь, покинув богиню Любви, улетит в Русское село и в Русскую деревушку. Птицы и звери поведут меня по всей Земле из конца в конец.

СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСТВО

Солнце, Божие ты время,
Солнце, Божия пшеничка.

Калевала

Солнце стало сильнее после зимнего своего поворота, и мы чувствуем, что издали к нам идет Весна.

С пробуждением почек, покрасневшихся, с первыми зелеными побегам, удивляющими нас первичностью своего изумрудного цвета, с первыми, еще желтоватыми, еще лишь зеленоватыми, беспомощными листочками, которые быстро превратятся в широколиственный, шуршащий и шелестящий убор, с первыми — в который раз первыми — рассыпавшимися брызгами пения жаворонка, раззвеневшимися блесками сверкающего ожерелья, с похожими на виолончель руладами дрозда, прежде всех птиц запевающего свою песню утром, с первыми приступами нежной тоски, с первыми влюбленностями, дрожащими в застенчивых и смелых глазах.

Солнце все то же, снова и снова, и никогда не надоест. Ибо Солнце кончается и начинается Зарей, а Заря дарит свежее, заревые чувства, бодрость членов, улыбку и рождающееся в горле пение, способность любить себя и весь мир.

Австралийские дикари считают Солнце женщиной и называют ее Окэрка. Об этой Окэрке существует сказание:

Когда Окэрка родилась,
На небе был Восточный час,
И распустился там цветок,
Он называется Восток.
Пошла гулять. Идет. Плышет.
Прошла весь синий небосвод.
Вдруг видит: жаром полный сад.
Он называется Закат.
В саду глядела на цветы,
И захотела темноты.
Нырнула в Море, скрылась прочь.
Зовут то Море в мире Ночь.
«А где же первый мой цветок?»
Окэрка снова на Восток.
И новый цвет блестит, горя.
Он называется Заря.

Изначальная тьма довременного Хаоса полна чудищ и ужасов. Она густая, влажная, подобно морю из черной смолы растопленной; прикоснешься, — прилипнешь, не выпутаешься из тьмы. Она хватает, захватывает, цепляется, потопляет, всем, кто в ней, придает искаженные формы, искривляет, уродует, сталкивает враждебно лик с ликом, все лики делает безликими, несуществующими, лишь призрачно существующими во взаимопожирании и взаимопотоплении, где поражение мучительно, а победа не доставляет радости, цепкая Тьма, злая Тьма, чернит, тяготит, захлестывает.

Солнце, рождаясь ребенком, тронет ее слабым лучом, и в одном малом просвете — неистошимость надежд, и мировая победа, светлоликое торжество, равномерное воцарение стройности над безобразностью.

Храмовая надпись в одном из святилищ Египетской богини любви, Гатор, гласит: «Солнце существует от начала, поднимается ввысь, как сокол, из средоточия почки лотоса. Раскроются двери лепестков цветочных в сапфирно-цветном блеске, и отделит оно ночь от дня. Ты поднимаешься ввысь, как змея священная, как дух живой, создавая восходы и лучисто сияя в блистательном лике своем, в ладье солнечного восхода. Божественный мастер, чей образ в храме Тентиры пребывает в сокровенности, через дело свое становится

творцом мира. Как Один возникая, умножается он миллионнократно, когда свет из него происходит в лице дитяти».

Это — слова о Солнце, прошедшие через многовековую утонченную культуру. Слова Австралийца о том, как Солнце зажглось, дышит первобытной простотой и сказочной прихотливостью.

Солнца не было тогда,
Лишь вечерняя звезда,
Да денница вышины,
Да кровавый круг Луны.
И в лесах, над лентой рек,
Не являлся человек.
Только звери там в лесах,
Только птицы в небесах.
И у птиц тогда крыло
Было длинно, как весло.
И во мгле тех дней-ночей
Каждый зверь был пять зверей.
Каждый — пять, иные — семь,
И была повсюду темь.
Всюду — когти, всюду — зуб,
Видишь — гору, смотришь — труп.
Всюду — хлопанье крыла,
Всюду злоба, всюду мгла.
Так вот бился зверь Брэльге,
В Динэване мня врага.
Динэван его крылом,
А Брэльге — хвостатым ртом.
Хлещут, плещут, длится бой,
Силы равны меж собой
Вдруг Брэльге смекнул: «Найду!»
К Динэванову гнезду.
Взял яйцо и в небеса.
Э-э-зить — лети, моя краса.
А на небе был костер
Приготовлен с давних пор.
Разлетелся яйцо,
Глянь, — там светлое лицо.
В хворостинках от желтка
Встали змейки огонька,
Золотой он вырос в шар,

В огнеблещущий пожар.
И в оконце, в небесах,
Солнце вспыхнуло в ночах.
Вышло, бродит на лугу, —
Видишь, видишь, я не лгу.

В другом Австралийском предании происхождение Солнца изъясняется иначе:

Солнце создал Гром. Сказал:
«Будь!» И прочь прогрохотал.
Солнце — светлая жена,
Громом в бурю создана.
Две ноги всего ей дал,
А ходить ей приказал.
Две ноги, и много рук,
Видишь, сколько их вокруг.

Любопытно, что Австралийский образ Солнца, у которого много лучей-рук, мы видим и в Египетской символике, в религиозном замысле благородного утонченника, Ахэна-Атэна, Амен-Готепа Четвертого, вознесшего превыше всех богов Солнечный диск с простирающимися дланями-лучами. Образ — одновременно и означительно-отвлеченный, и непосредственно-живой, дающий нам чувствовать, что Солнце — существо благосклонное, связанное с нами и со всею Землей близким касанием руки, волевым устремлением протянувшихся пальцев.

Когда первые Инки соединили первобытных жителей Перу в цельное, единое царство, Перуанцы находились на начальной ступени Всебожия. Последний инка Гарсилясо де-ля Вега, обращенный Испанцами времен завоевания в Христианство, описал в своей книге этих праотцев своих и постепенное введение, волею Инков, Солнцепоклонничества.

Обожали травы, цветы и деревья, — говорит Гарсилясо де-ля Вега. — Обожали высокие горы и великие скалы, горные ущелья, впадины пещер, голыши и разные камешки. Обожали животных, одних — за силу, других за хитрость. Кондора — за величину, сокола — за легкость, летучую мышь — за остроту зрения. Змеи у них были богами, ящерицы, жабы, и лягушки.

Не только четыре Стихии обожались, каждая в отдельности, но и все, что ими было образовано, как бы низко и нечисто оно ни было. И каждое племя гордилось своим происхождением от горы или реки, от кролика или лягушки, Сыны же Солнца, Инки, стали учить, что есть единый Бог, — тот, что горит золотым шаром наверху, что это он дает жизнь и все радости ее, и что великое есть различие между блеском и красотой Солнца и грязным безобразием жабы, лягушки и червей. Солнце вознесли Инки, как верховного Бога, Луну означили как сестру его и жену и как мать всех Инков, гром и молния получили почитание как слуги Солнца. В столице древнего Перу, Коско или Куско, был храм Солнца, и при нем Святилище Луны, Звезд, Молнии, и Грома. Храм этот был разукрашен всяческими драгоценностями, но кровля его была соломенная, — оттого ли, что Перуанцы не умели делать иных крыш, как полагает Гарсилясо, или оттого, что желтая солома естественно символизировала золотой цвет Солнца, как гораздо легче предположить. В этом солнечном храме не было идолов, а был лишь сделанный из золота диск Солнца. Он был такой огромный, что занимал весь передний фон храма от стены до стены. По ту и другую сторону образа Солнца находились тела старинных царей Перу, помещенные в храме, как тела сыновей Солнца, и забальзамированные неизвестным способом, так что казались живыми; они сидели в золотых креслах, поставленных на плиты из золота, с лицами, обращенными к народу, и лишь один инка Гуайна Капак, как любимый сын Солнца, был обращен лицом к Солнечному диску. Горница Луны была выстлана серебром, и там был образ Луны из серебра. Справа и слева были тела умерших цариц, с лицами обращенными к народу, кроме матери Гуайны Капака, которая лицом своим смотрела на Луну. Близь чертога Луны была горница, посвященная Утренней Звезде и Семизвездию, которое почиталось за причудливость сочетания звезд. Звезды были служанки Луны. Этот чертог был также устлан серебром, а потолок походил на звездное небо. Следующая горница была посвящена слугам Солнца, Грому и Молнии. Вокруг изображения солнечного храма была драгоценная оправа из изумруда и бирюзы. К храму в солнечные праздники шли процессии молящихся, и все молящиеся были босые. На большой площади, находившейся перед храмом, совершались солнечные и лунные

пляски, коими Перуанцы связывали свою жизнь с плясками звезд и всех небесных светил. В саду, прилегавшем к храму, было пять водоемов, разукрашенных золотом. Сад этот весь был из золота и серебра. В нем были разные травы и цветы, растения поменьше и побольше, деревья значительных размеров, различные животные, змеи, ящерицы, улитки, бабочки, птицы, — все на своем месте в естественную величину, и все из серебра и золота. Там были фигуры мужчин, женщин и детей из серебра и золота. Все, что относилось к данному храму, было золотым и серебряным воплощением творческих лучей Солнца и Луны, и между всеми народами одни Перуанцы осуществили в действительности понятие *золотой сон*, как будто им пригрезилась сказка о золотой рыбке.

При солнечных храмах Перу, кроме золотого сада, были иные сады, в которых Инки вырастили колосья маиса, многозернистые, и научили Перуанцев превращать необработанные пространства в веселые пажити золотого зерна. При солнечном храме был также солнечный монастырь, лунная обитель, так называемый Дом Избранниц, где девушки царской крови посвящали себя Солнцу и служили ему многообразно, главным же образом пряли и ткали для Солнца тончайшие одежды.

Если Перуанцы строили в честь Солнца золотые храмы и создавали золотые сады, наши старшие братья, древние Индусы, запечатлели свое солнцепоклонничество в красивых гимнах. Ведийские гимны, прославляющие Индру, Марутов, Рудру, Вайю, и Агни, сплошь пронизаны Солнцем, грозowymi вихрями, шумящими ветрами, и пляской огня. Знаменитый гимн к Неведомому Богу, часто употреблявшийся верными для жертвенных целей, говорит:

В начале возникло Золотое Дитя,
Едва родилось, тот ребенок царем был всего.
Установил он и Землю, и Небо.
Кто есть Бог, кому принесем мы жертву?
Он, кто дает дыхание,
Он, кто силу дает,
Чье веление чтут все блестящие боги,
Чья тень есть бессмертье, чья тень есть смерть.
Кто есть Бог, кому принесем мы жертву?

Этот Бог есть светлое начало во всех его видоизменениях, небесных и земных. Солнечная сила, в лике ли Солнца, в лике ли светлого Неба, или в лике Грозы с ее Ветром, Дождем, Громом, и Молнией, или в лике земного Огня, самого любимого и самого верного из стихийных друзей земножителя. Правит миром Индра, бог светлого дня, коего конь есть Солнце, а красное сотоварищество суть Маруты, грозовые боги. Солнце — то колесо, то колесница, то конь, везущий колесницу, то светлый гений, сидящий в колеснице. Индра царит, а при нем три жителя трех миров: Могучий (Солнце), Неразрушимый (Огонь) и Подвижный (Ветер). Над ними же в Небе сияют свету. Сильный Индра, владеющий молнией, Он, что поет своим пламенем, как поэт своим ртом. Маруты — самосветящиеся, с пятнистыми ланями (тучами), земножитель слышит бичи их, когда в их руках они хлопают. По пути они в блеске растут. Маруты — как бешеные, Маруты — как птицы, Маруты — игральщики, ревуны с блестящими копьями, потрясатели, содружество юное с конями пятнистыми, в колесницах, наполненных молнией и звучащих красивыми песнями. Маруты — дождем тяжелые, одаренные дикою силой, как дикие звери — страшные, в мощи своей — пылающие, как вепри с клыками железными, как пламени яркие, на колесах золотых летят, бурно-порывные, отвеяли прочь облака, Маруты — как соколы, Маруты — как лебеди, что несутся к гнезду своему.

Агни, земной Огонь, благ и добр к тем, кто добр к нему. Агни красен в лесах. Агни — маяк жертвы. У Агни красные кони. Агни — старейший бог и самый он юный. Где жертву приносят, он — там. Где моления возносят, он — там. Даятель сокровищ, полный мыслей, со славой блестящей, царь молитвенности, умножающий дом свой сиянием, вестник, певец, очиститель, мудрец, великий, безмерный, блеском богатый, чье знамя есть дым, первый живущий, четырехглазый, желанный, родной нам, всевладыка, веселый, бдительный, домохозяин, властитель блестящей добычи, с пламенным ртом, неотразимый и страшный, лучистоволосый, проходящий по воздуху по наилучшим путям, нестареющий бог с волосами огненными, средоточье людских жилищ, сберегатель драгоценностей, подобный сиянию Солнца, подобный живому дыханию, подобный войску великому, как любовник За-

ри, как малый ребенок услада домашних, как конь скаковой, быстролетный как мысль, Семиречью подобный, когда эти реки бегут в Океан, — это есть Агни, таков Огонь.

Женский лик Солнца — Аруша, Заря, Утро-Алая, Утро-Цветистая. Аруша, как Эрос, властительна. Аруша, как Эос, нежна, розоперстая Эос. Каждое утро она выходит, — и Ночь от Сестры, от Зари, удаляется, Темная Красной путь уступает. У румяной Аруши — две дочери: одна — облеченная в звезды, другая — одетая в Солнце. Аруша утреннее Солнце с красивыми крылами. Утренний час отойдет, и она улетает, и дневное светит Солнце. Солнце своими лучами чувство дает бесчувственному, темное делает светом, чего разобрать нельзя, делает четким, дальнее близким становится, неизмеримое — зримым, нестройное — стройным, уродливо-страшное — равномерным, вдвинутым в точность пределов, размеченных мыслью, ложная даль приближается, ложная близость отдалеется, означается верность пространства и правда дорог.

Ветер, Вайю, красивый, освежительно веющий, начинает гнать облака, чтобы выманить к пляске Молнию, и ее верный молельник поет:

Вайю впрягает двух рыжих коней,
Вайю впрягает двух красных коней,
Вайю в свою колесницу впрягает двух
быстрых коней,
Чтоб ее нести под ярмом,
Сильных впрягает в свою колесницу,
Чтоб ее нести под ярмом.
Утро, проснись,
Как спящую девушку будит любовник,
Пробуди и Небо и Землю,
Да сияет во славу Заря.
Для тебя в отдаленьи блестящие зори
Расстилают одежды красивые
В домах своих,
Одежды в лучах своих,
Красивые в новых лучах своих.

Леопарди сказал: «Человек всегда состоял из тех же самых элементов». И правда, есть области в мире и в челове-

ческой душе, где человек и человек всегда встретятся и всегда повторят то же слово, точно оно заколдовано достоверным талисманом. Египетский образ, — Солнце глаз Гора Утроликого, Солнце и Месяц — правый глаз и левый глаз Солнцеликого Ра, — мы найдем на всей Земле. Люди, какого бы то ни было времени и какой бы то ни было страны, всегда сравнят Солнце и Луну с глазом, не только по простому подобию их в форме, но и потому, что в этом сравнении с глазом, с самым дорогим, что есть для нас в лице, и самым правдоподобным пребыванием духовной силы человека, сказывается сердечная наша любовь к золотому Солнцу и серебряной Луне. «Солнце — глаз Гора, Солнце — глаз Ра», сказал древний Египтянин, а «Зенд-Авеста» скажет: «Солнце — глаз Агурамазды», Эллинские трагики скажут: «Солнце — глаз Неба», и древний Германец скажет: «Солнце — глаз Вуотапа». Глазом Неба назовут Солнце Христианские отцы церкви и гений Англии, Шекспир, поэт «Новой Жизни», Данте, и современные жители Мадагаскара.

В Египетской «Литургии Солнцу» мы читаем: «Обожание тебе, Ра Солнцеликий. Сила верховная, владыка сфер сокровенных, что заставляет возникать сущности, и пребывает в темноте, рождается как оболочка Мира. Скарабей, что складывает свои крылья. Душа, что говорит. Дух, что идет. Тот, что с собой говорит, обращаясь к своему оку. Тот, чьи размеры так велики, что он скрывает свой образ. Лик его — лик Хэперы-Атума, лик бытия свершающегося, лик Солнца Ночного. Лик его — лик бога Воздуха, Шу. Лик его — лик Тэфнут, Росы Небесной, лик Сэба, бога Земли, лик Нут, богини Звездного Неба, лик Изиды, Супруги и Матери, лик Нэфтис, Сестры. Лик Нун, Воды».

Солнце, проходя свои пространства, принимает все лики, связуя мировое многообразие единством жизни. И в ряду ликов Солнце принимает и лик Земли, взращающей стебли и колосом меряющей Время, разделяющей Время на времена года. Солнце есть Божие время, и Солнце есть Божий колос. С весенним днем пахарь выйдет в поле, чтобы выбелить железо о сырую землю, и в древнем ли Египте, или в стране Финнов, или в Русской деревне, проводя полосу в поле, он тем самым споет бессмертную строфу из литургии Солнцу.

ЗАБЫТЫЕ СОКРОВИЩА (Египетская Любовная Поэзия)

Добро есть клад, что бережется
До дня, когда придет нужда.

Кальдерон

Разбираясь среди фамильных сокровищ и обветшавших знаков прошлого, мы перелистываем, иногда, старые книги, и находим, среди пожелтевших страниц, засушенные цветы, что были свежесорванными, в те дни, когда наша мать, или мать нашей матери, или еще более далекая, троекратно родимая, проходила живую среди цветущих деревьев, любящая и любимая. Краски поблекли, но осталось немного цветочного духа, и узорность лепестков все говорит об узорности любви.

Мы раскрываем также старые шкафы, и находим заветные флаконы, нарядные пузырьки, дышавшие приятно и любовно. Мы открываем их — они пусты? Нет, не пусты, в них все хранится слабый, но сладкий запах красивый. Душистой влаги больше нет, но нежный запах еще дышет.

Современные гробокопатели, что, в кощунственной своей научности, считают позволительным взламывать чужие гробницы, поелику им 4 000 лет, а может, и все 8 000 — (Как будто для меня, живущего раз на Земле, не все равно, в беге мгновений на лоне Вечности, прошло ли три минуты с моих похорон, или 8 000 лет, и как будто право на кощунство освящается принципом давности!) — современные гробоворы, именующиеся египтологами, могут вызывать в религиозном сознании не только чувство негодования. Они, ведь, в богохульной своей работе, не только обворовывают Смерть и являются гарпиями на вековых пиршествах теней отшедшего, но и воскрешают это отшедшее, дают нам возможность заглянуть в горницы душ, говоривших и певших и любивших и целовавшихся здесь на Земле, за громадами тысячелетий, что вот выросли как исполинские горы. Они дают нам возможность полюбить опять этих любивших, почувствовать нашей душой — этих трижды родимых, чьи призраки все еще в пляске и в пиршествах на стенах Фивских гробниц, все еще в лепетах, в песнях, в вещаниях, в повествованиях, среди тех

причудливых, узорно переплетенных, гномиков, которые зовутся иероглифами.

Среди папирусов, сплошь говорящих о богах и священных обрядах, радостно найти иные, любовные, папирусы, ветхие и все же хранящие в себе звук поцелуя, как будто бы только что слившего двух счастливцев. Самый богатый из них, как собрание любовных песен, есть папирус Лондонский, помеченный числом 10 060 (Гаррис — 500). К нему примыкают — папирусы Лейденский, Туринский, исписанный обломок кувшина, принадлежащий музею Гизе, и очаровательный Парижский отрывок о Нежнейшей в любви.

В. Макс Мюллер, — коего отнюдь не нужно смешивать с знаменитым индианистом Ф. Максом Мюллером, — факсимильно воспроизвел Египетские любовные песни, и снабдил текст дословными своими переводами и изъяснениями, при чем, конечно, он использовал соответственные работы Масперо и других египтологов. Переводя эти Египетские песни на Русский язык, я даю не переводы в научном смысле, а скорее перепевы их. Однако же, я старался не утратить ни одного образа, имеющегося в тексте, и те черты и образы, которые проходят в Русских стихах, имеются в подлиннике, а не являются моими измышлениями.

Многие из песен покажутся совсем современными по тону своему. Но разве любовь не современна? Она принадлежит и тем чудесным цветкам Мира, которые каждую минуту расцветают в первый раз, и никогда не теряют своей свежести. Поцелуй Ромео и Юлии, поцелуй Антония и Клеопатры, поцелуй Адониса и Венеры, поцелуй Озириса и Изиды, — разве этот поцелуй не один и тот же, и не были ли у всех этих целующихся одинаково расширены зрачки, так что превратились в черные водоемы небесного огня, и не одинаково ли дрожали у них руки и прерывался голос, и не слышим ли мы этот прерывающийся голос, побеждающий время и пространство, в Английских парках, под вязами, в Севильских ночах, в аромате лимонных деревьев и апельсиновых, в Белых ночах Гамсуновских грез, и в Белых ночах Русского Севера.

Любовь — будучи Божественно-едина по существу своему — говорит единым языком, и всегда повторяясь — всегда неповторна в алмазных своих пересветах.

Мы, любящие перепевы размеров и слов, переплески букв и слогов, и построившие наши изнеженные и сладостно-певучие напевы на аллитерации, — знаем ли мы, что древние Египтяне любили аллитерацию еще более, чем мы?

Когда все пруды полны свежей воды,
И любовью Земля залита...

П, п, в, во, лю, ля, ли, — эти две строчки переливаются, ибо они полны аллитераций, и конечно, это из современного Русского поэта что-нибудь? Нет, совсем не конечно. Это дословный перевод следующих двух Египетских строк, приводимых Адольфом Эрманом, в его сочинении «Египет и Египетская жизнь в Древности», Тюбинген, 1885, стр. 528-я:

éu meru meh me mou maut
ta b'ah em merutf.

Как видите, вся разница, через тысячелетия, заключается здесь лишь в том, что Египтянин играл буквой *м*, а Русский играет буквами *и, в, и л*, но как Египетская флейта, так и флейта Славянская, обе поют о любви.

Однако, несмотря на сходства и повторности, много нового мы узнаём, читая эти песни. Ведь они внушены женщиной, и по-видимости женщиной многие пропеты, а как гласит остерегающее Египетское изречение: «Женщина — как глубокий водный поток, круги которого не знают».

Египетская горлица напоминает нам, с детства знакомую, горлицу «Песни Песней», что смугла, ибо Солнце сожгло ее, но красива, как свежесть стад, и красива как пряность мирры, — и в Египетских песнях мы увидим ту же наклонность к параллелизму образов и черт, которая составляет едва ли не главнейшую особенность стиля Библии. Не забудем, что Евреи много взяли у Египтян, и научились ли они искусству письменности у жителей Нильской долины, об этом можно говорить и спорить, но бесспорно то, что в Египет они пришли без грамоты, а ушли из Египта грамотными.

Египетская горлица напоминает, по нежности и тонкости чувствования, еще более, Индусскую влюбленную, чье имя Радга, и чьими любовными грезами и жалобами наполнена

очаровательная поэма Джайадэвы «Гита Говинда», «Пастушеская Песнь».

Тоскуя о божественном Кришне, в которого она влюблена, Радга говорит: «Хотя далеко от меня предается причудам различным он, и хотя улыбается он всем красивым, душа моя им полна; им, чья свирель-чаровательница рождает созвучия, еще более нежные от нежного меда его трепещущих губ, меж тем как в подвесках ушей его драгоценные камни горят, блеска красивейшего, и взгляд его мечет огонь любовный; им, в чьих густых волосах, среди прядей, перья павлина горят лучезарно многоцветными лунами: им, чей плащ — словно темно-синее облако, озаренное радугой неба; им, чья улыбка дает оживленную алость губам его, нежным, как лист увлажненный росой, губам его, розовым, как цвет нежных таинств; им, богом в желтой одежде, кого окружают владыки богов, героев, и духов; им, что размерностью пляски своей колыбелью пьянит, между тем как из глаз его светит душа». В то время как Радга тоскует о Кришне, бог влюбленный тоскует о деве земной. Ему грезится лицо ее разгневанным. Ее лицо ему кажется похожим на свежий лотос, на котором шевелятся две черные пчелы. Его сердце уже пронзено этими черными глазами, что по разрезу подобны глазам антилопы, глазами, что точно колчаны, полные стрел, глазами, где молнии, и ртом он ее опьянен, похожим на лотос душистый, и медом пленительной речи ее, и губами ее, что красны, как красные ягоды. Вестница Радги приходит к влюбленному богу, так говорит, о тоскующей влюбленной: — „Ее душа прикована к тебе. Желание пронзает ее беспрестанно. Лицо ее — словно водная лилия, затененная дымкой росы, и глаза ее — словно луны, что свой мед источают, когда, затмеваясь, борются с бешеным зубом дракона. Muskusом рисует она тебя как бога с пятью стрелами, или также акулою с острым рогом. Нарисовав твой образ, она его обожает. „В твое отсутствие“, восклицает она, „даже Луна воспламеняет мои члены“. Силой воображения она видит тебя перед собой, тебя, кем так трудно обладать. Она вздыхает, улыбается, отчаивается, плачет, ходит по очереди во все стороны, от радости к слезам, от слез к радости. Ее убежище — лес. Ее вздохи — пламя кустарника, который подожжен. Она робкая лань, а любовь есть тигр, что прыгает как Яма, бог смерти. Тело ее

красивое так ослабело, что даже легкая гирлянда на груди ее есть уже тяжесть для нее. Она бросает вокруг себя взоры своих глаз, что как синие водные лилии, со стеблями надломленными, посылающие от себя лучи света. Постель для нее — костер. Ладонью своей она поддерживает висок свой горячий и без биения, словно полумесяц, что встает над убылью дня. „Гари, Гари“, — восклицает она, — „Золотой, Златолитый“. Она распускает свои волосы, произносит бессвязные жалобы, млеет, дрожит, мечтает, не может сидеть на месте, закрывает глаза, падает, встает, лишается чувств, умирает, оживает, оживет, если ты жестоки к ней не будешь. Не будь же тверже, чем молнийный камень“. Но бог сам изнемог от любви. Он глядит на золотую пыль, которую легкий ветерок, поцеловавший ее щеки, срывает с расцветших чашечек цветов. Дух его влачится как сломанное крыло, дух его слаб как дрожащий лист. Нужно торопиться ухватить любовный миг, ибо это самоцветный камень, камень голубой, что сияет трем мирам. Но она упрекает — и вот: Он ушел, легкий ветер унес его. Но он снова пришел. Отдохни, о, Радга, в лесной колыбели, куда тебя кличет певучий голос кукушки. Найди здесь улады свои, ты, чьи красные губы — как плод граната, чей красный цвет еще красней от белизны зубов, что белы как кость слоновая. Сердце бога подъято видом любимой, как потоки морские подъяты Луной. Страсть бога зажглась от молнезарнистых зрачков любимой, что играют как лебеди, лебеди, двое, с лазурными перьями, любят и любятся, возле раскрытого лотоса, на пруду, что наполнен через край водою месяца дождей. Золотые подвески как два солнца сияют на боге. Пряди волос его перевиты цветами, словно облако, ночью, приявшее краски радуги лунной. На челе влюбленного бога — отсвет луны Гималаев, что вот только что встала над чертой горизонта. А стыдливость, что выбрала домом своим широкие зрачки возлюбленной, устыдилась самой себя. Серноокая — здесь, на ложе, и рядом с ней Кришна, а подруги ее удалились, ступая легко — и, махая на лики свои цветущими ветками, скрывают улыбки».

Природа Индии безмерно богаче природы Египта. В Индии больше и птиц и зверей и цветов и деревьев. Индусы ведают чару леса и тайны лесных колдований. Египтяне, чтобы знать, что такое лес, должны отправиться в Сирию. Индус-

ская поэзия безмерно богаче и пышнее Египетской — радужной игрою красок. Однако же, тонкость ощущений одинакова здесь и там. Из малого количества драгоценных камней Египтянин создает те же явственно-яркие краски, те же узоры любовные, заводящие мысль, влюбленному Египтянину ни у кого не нужно учиться, чтоб уметь надеть кольцо с аметистом или изумрудом на лилейный перст сестры своей, многократно целованный.

Интересные слова говорит Мюллер о Египетском идеале красоты. «Восточные народы считали и считают, красоту и полноту всегда тождественной. *Grosso fa bellezza*. В особенности Арабские поэты, восхваляющие в мужчине „копьеподобную“ худобу, выходят из себя от восторга пред любезными феями, коих платья лопаются или кои лишь с трудом могут передвигать свои жирные массы. Примечательно, что лишь Египтяне являют исключение из такого вкуса. (Не одни Египтяне, не редко Индусы также.). Мужчинам их художники охотно дают стройную полноту в меру, но не существует ни одного Египетского портрета толстой женщины, кроме известных, исполненных юмора, карикатур на варварских повелительниц Пунта. Что это не есть случайность, доказывает следующее обстоятельство: Эфиопы Мероз, вообще рабские подражатели Египетского стиля, на своих памятниках изображают своих цариц настоящими колоссами. Примесь Негритянской крови, быть может также отчасти и влияние Арабского вкуса, объясняет таковую гордость. Египтянка же старого времени должна была быть так же чрезмерно тонкой, как девушка и женщина в деревушке современного феллаха. Смотри также Плутарха, *Об Изиде*, 5, о пренебрежении к жирному. Гаремные женщины Рамзэса Третьего являют, в действительности, весьма стройные формы. Престарелый царь выбирает из своего гарема двадцать женщин, „красивых членами, с локонами, и с грудями, что нетронуты родами“, чтобы их гимнастическими телодвижениями „сердце свое оживить“. Этими женщинами могли быть лишь юные красавицы, и танцовщицы, движениями которых тогда, как и теперь, услаждались на пирах — полуобнаженные служительницы на таких пирах производят впечатление едва развившихся девочек. Можно ли из шаблонных портретов вывести правила красоты для черт лица, это требует рассмотрения. Цвет кожи должен

быть по возможности светлым, светло-желтым, редко розовым. Из искусственных прикрас ценили, наряду с известным подрисовываньем концов глаз (сохранившимся в полной силе и донине среди современных Египтян и Арабов), прозрачно-тонкие, плотно прилегающие, полотняные одежды (в Древнем Египте их звали — тканый воздух, так одевается знаменитая Тбубуй, что есть „дочь жреца, не какая-нибудь“), золотые украшения в изобилии, прежде всего серьги, цветы на голове и цветы на шее. Щеки никогда не разрисованы. Странно поражает нас, что все природные чары отступают в тень перед искусственными чарами благовоний. Царь влюбляется, как в истории с Золушкой, в маленький башмачок, в пахучий локон неведомой красавицы — и любящая лежит на своей постели, не смыкая глаз, „бодрствуя по причине благовония“ возлюбленного. Но и у Евреев — не иначе. („Песнь Песней“). Опуская данный пункт, мы можем сказать, что и в понимании женской красоты наш современный вкус более близок к Египетскому, нежели к вкусу какого либо другого из древних Восточных народов».

Частное замечание. В стихотворении «Час Любви» нам может показаться слишком резким этот образ. Любящая, подзревая, что любимому хочется есть и пить, говорит:

Как помочь тут, знаю я:
Хочешь пить, вот грудь моя,
Хочешь есть, бери же грудь,
Поспеш ко мне прильнуть.

Эти шаловливые ласковые слова надо понимать, конечно, лишь как улыбку усмешливо-любящей на игрище любовном. Но и тут мы можем видеть, как часто любящие повторяют друг друга в силу того, что поцелуй похож на поцелуй. Вот одна из Испанских народных песенок:

На дворе своем
Ела девушка;
Я ей знаками —
Дай немножечко.
Мне ответила —
Приходи, поешь
Сердца этого.

И совсем из других областей, нежели Египет или Испания. Вот подлинная Океанийская песенка, взята мною из известного сочинения Риэнци, посвященного описанию Океании; в Русском моем переводе, при напечатании моих «Зовов Древности» (Спб., издание «Пантеона»), она возбудила так много негодования среди несведущих, полагавших, что я сам ее выдумал:

ЧАС ЛЮБВИ

Выходи, дочь моя, чтоб тебя,
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Ел, любя.
Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будет есть, ты на вкус так
нежна,

Свежий мед
Будет есть, будет пить,
Обоймет,
Будет пить, и любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить, скорбя,
Будешь тускло, — о, верь.
Выходи, дочь моя, чтоб тебя
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Сжал, любя.

Подходит ли такой резкий образ к искусству? Я думаю, что, так как искусство есть сила верховная, все подходит к искусству. Впрочем, напоминаю сомневающимся, что на одной из картин, хранящихся в Мадриде, чьи охранительные гении суть Рибейра, Веласкес, Мурильо, и Гойя, некая святая дает изголодавшемуся узнику (вполне взрослому) свою грудь, чтоб он испил ее молока. Такие картины нередкость и в галереях Итальянских музеев. Да защитой будут здесь сладостные имена всех творцов этой золотисто-лазурной живописи.

Сочетание крайней чувственности с идеальной воздушностью составляет одно из неотъемлемых очарований Египетской поэзии, как вообще — всякой достойной любовной лирики. Упившись телесным, Египетская душа вдруг переносится в гармонически-печальные области размышлений о часе последнем. Словно, после нежных звуков флейт и скрипок, слышишь глубокие осенние тона виолончели. «Где гордые стены?» и «Предел» являются непревзойденными достижениями в этой области.

Но говорят, что на кладбищах — всего зеленее трава. И на темно-бархатном фоне Мировой ночи как явно и ярко выступают узоры созвездий, сплетенных в их радостной пляске. В мировом саду, где блуждают эти двое, красный Адам и белая Ева, необманная, слова печали раздаются лишь затем, чтоб оттенить звенящую острую музыкальность лучистого мига. Любимым и любящим цветут без конца — двенадцать месяцев в году — все ласковые деревья, понимающие тайну и поцелуй, ибо ведь сами они всегда целуемы воздухом, Солнцем и влагой, и от корней до вершины проникнуты таинством жизни и непрекращающегося наслаждения ею. Гранатовое дерево, хоть грозитя неосторожным, им не изменит, ибо гранаты так похожи на красные губы. И не изменит им скромная смоковница, которая может нам напомнить трогательную ветку Палестины, ни лукавая утайщица, широковетвистая сикомора, самое имя которой как будто есть лукавая усмешка.

Перечитывая Египетские песни любовные, невольно припоминаешь, с тайной радостью, что сложились они в эпоху самого загадочного и самого интересного из всех Фараонов, просиявших над миром, я разумею солнцепоклонника Амен-Готепа Четвертого, который, за полторы тысячи лет до нас, как верный влюбленный Солнца, замыслил всех богов Египетских низвести с их престолов, и заменить, всех, единым богом, чье имя есть Атэн, и чей лик есть Солнечный Диск с протянувшимися к Земле лучами-руками. Рука есть касание. Рука есть объятие. И можно ли без светлых касаний создать чертоги любви.

В этих песнях и чувствуется безграничное упоение жизнью и Солнцем. В них пьяность Солнца — и Мига, как Солнце — вносимого.

ЕГИПЕТСКИЕ ПЕСНИ

1. ЛЮБОВЬ

Твоя любовь в меня вошла,
 Как липкий мед.
Твоя любовь, светла, тепла,
 Во мне плывет.
Твоя любовь — как запах смол,
 Как фимиам.
Горячий, ты в меня вошел,
 И сладко нам.
И я себя с тобой слила,
 Я мыслю вслух,
Как благовонная смола,
 Как пряный дух.
К сестре ты ждущей поспешил,
 Для сладких нег,
Как конь, что пыль дорогой взвил,
 Ускорив бег.
Как конь бежит, бежит, исчез,
 Исполнил круг,
Любовь, велением Небес,
 Приходит вдруг.
Так искра, вспыхнув, сразу жжет
 Соломы пук.
Так ястреб падает с высот
 И губит вдруг.

2. БОГОМОЛЕЦ

На богомолье мой челнок
 Бежит, гребет весло.
И миртовый на мне венок,
 И я молюсь светло.
Бог Фта да будет восхвален,
 Средь Божеских светил,
Дабы беседку милой он
 В ночи листвою укрыл.
Да будет вся в цветах она,

Чело, и грудь, и стан.
То кубок сладкого вина,
Что мне для счастья дан.
Ей мирту боги да пошлют,
И лотос голубой.
И вот вхожу я в твой уют,
Чтоб быть в ночи с тобой.
Сестра, с тобой я наконец,
Увит в цветах альков.
И весь Мемфис — один ларец
Пленительных духов.

3. ДОРОГОЙ СОЛНЦА

Дорогой Солнца ты приходишь,
Дорогой верных я пришла,
И вот ты ищешь, не находишь,
Но вот я здесь, и я светла.

Бежала я не отдыхая,
Путь Солнца вспомнила, — бегу.
Мой брат, твоя сестра живая
С тобой на том же берегу.

С тобой я рядом, на слияньи
Двух разно-устремленных вод.
И ветви в ласковом качаньи
Как изумрудный выются свод.

На площади Листвы Зеленой
Я веер ветки сорвала.
В ней светы, шепоты, и звоны,
И я шепчу, и я светла.

Я вся в густых ветвях персеи,
Восторг мой ведом лишь богам.
И пали волосы, как змеи,
И в них смолистый фимиам.

4. ПТИЦЕЛОВЫ

Все чары сестры твоей,
Желанной для уст,
О, брат, для игры твоей,
Сошлись в этот куст.
 Чего пожелаешь ты,
 Я все совершу.
 И вот приникаешь ты,
 И я чуть дышу.
Мы здесь птицеловами,
В руке — западня.
Уловим оковами
Всех птиц для меня.
 Все птицы Арабии,
 Египет любя,
 Нам мирру Арабии
 Свевают с себя.
И птица быстреешая
Попалась на клей.
И мирра нежнейшая
Струится с когтей.
 Ну, птица душистая,
 Себя умашу.
 Кричит голосистая,
 Постой, отпущу.
Как бьется, блестящая!
Дрожит западня.
С тобою здесь в чаше я,
Ты любишь меня.

5. КРАСИВЫЙ

Красивый! Сердце за тобой
Идет всегда, повсюду.
Когда с тобой — рука с рукой,
Тогда счастливой буду.

Когда тебя со мною нет,
Шепчу я: Где мой милый?

Шепчу я сердцу: Гаснет свет,
И я во тьме могилы.

Здоровье! Жизнь! Тоскую я.
Живое счастье взгляда!
С тобою быть, любовь моя, —
В том вся моя услада.

6. ЧАС ЛЮБВИ

Что нежней, чем этот час?
Ты со мной, и двое нас.
Сердце ты мое воздвиг,
Глянул, обнял, сжал, приник.
 Это светлый час услад,
 Как ко мне ты склонишь взгляд,
 И, прильнув рукой своей,
 Прикасаешься грудей.
Нежишь все рукой своей,
Прикасясь к сердцу ей,
И по бедрам проводя,
И блаженство в них будя.
 Уж уходишь? Почему
 Хочешь есть ты? Не пойму.
 Хочешь есть ты, хочешь пить?
 Лучше, лежа здесь, любить.
Как помочь тут, знаю я: —
Хочешь пить, вот грудь моя,
Хочешь есть, бери же грудь,
Поспеси ко мне прильнуть.
 Или зябкости ты раб?
 Или в правду ты озяб?
 Так себя ты мной прикрой,
 Потесней, любимый мой.
Обниманий сладок час,
Целованья нежат нас.
Тело к телу, взор во взор.
Кто нежней? Решим же спор.

7. ГОРЛИЦА

На кровле горлица зовет:—
«Земля светла. Уж день плывет»,
Нет, птица, не зови: —
Идти ли от любви?

Нашла в постели — брата я,
И счастлива любовь моя.
И вторит он за мной: —
«Не разлучусь с тобой».

8. ОЖИДАНИЕ

Я гляжу за дверь: —
Где мой брат теперь?
Я смотрю на путь,
Тяжко дышит грудь.

Дел у всех не счесть,
У меня же есть
Дело лишь одно: —
Сердце им полно.

Жду я без конца,
Вижу вдруг гонца,
Он, мол, не придет,
Занят, дело ждет.

А верней с другой
Брат неверный мой,
Наклонил к ней стан,
Шепчет ей обман.

9. ЛОКОНЫ

Была я в нежном забытии,
Мой милый был в моих мечтах,
Я побежала впопыхах,
Упали локоны мои,

Упали волосы волной,
Но уверяю, милый мой,
Когда тебя я здесь ждала,
Я их как нужно завила.

10. СТЕБЕЛЬ

Мой стройный стебель! Я свершу
Все, что захочешь ты.
Меня ты обнял, чуть дышу,
В тебе мои мечты.
Для глаз ненужно мне сурьмы,
Ты глянешь на меня,
И больше в них глубокой тьмы,
И больше в них огня.
Когда в тебе зажглась любовь,
И хочешь ты ко мне,
Ты мой владыка вновь, и вновь
Твоя раба в огне.
О, этот миг! О, этот час
Поистине красив.
Как сладко знать мне каждый раз,
Что мною ты счастлив.
Когда покоюсь близ тебя,
Как сердце взнесено!
А ты уйдешь, грушу, скорбя,
Мне без тебя темно.

11. В ДОГОНКУ

Как бежишь за мною ты!
Вот укроюсь я в кусты.
Добежала, ты за мной,
Пред куртиною цветной.

Я вперед, прыжком одним,
Ты за мной, и мы бежим.
Кровь забилась в голове,
Я споткнулась, я в траве.

Ах, устала! Веер мой,
Перед мухою такой,
Пал бессильно. Я лежу.
Обнял. Чувствую. Дрожу.

12. ГДЕ ГОРДЫЕ СТЕНЫ?

Что стало с местами, где гордые стены высоко стояли?
Их нет.
Тела исчезают, тела истлевают в глубокой печали,
Безгласен скелет.
Чем стали для взора, чем стали для духа бывшие святыни,
Наш храм?
Упали, распались, лежат как обломки, разрушены ныне,
Сдались векам.
Никто не придет, и никто не узнает, и сам не расскажешь,
Что здесь.
Что было, то было, и что развязалось, того уж не свяжешь,
Хоть Мир — вот он весь.
Отдайся же сердцу. Пока это сердце лелеет желанья, —
Служи.
Люби умощенья и ценные камни, люби одеянья,
И днем — дорожи.
Придет и к тебе день иной, этот день, этот день разлученья
Со всем,
Когда не помогут тебе ни рыдания, ни скорбь, ни моления,
И станешь ты нем.
Доверься же сердцу и слушай мгновенья, собери свои соты
У пчел.
Никто из живущих, кто, выйдя, вошел в роковые темноты,
Назад не пришел.

13. МЕД ЗЛАТОЙ

Веселись в свой день веселый,
Что бывает, все я знал.
Сладкий мед собирают пчелы,
Свет вечерний есть опал.

Были стены. Где здесь стены?
Был здесь город. Нет его.

В токе искристой измены
Не осталось — ничего.

Насаждай же сикоморы
Над молчанием пруда.
Погрузи свой взор во взоры,
Сердце сердцем тешь всегда.

Мы здесь дышем волей Неба,
Рви же цвет свой вдоль межи.
Но тому, кто просит хлеба,
Никогда не откажи.

Радость радости ответит,
Смехов брызжет череда.
Имя доброе нам светит
Через Вечность, как звезда.

Шлют верховные нам сферы
Этот луч, чтоб пал он в грудь.
Жрец, одетый в мех пантеры,
Изъяснил тебе твой путь.

Наполняй свои амбары, —
Унесешь ли их с собой?
Нынче юный, завтра старый,
С чем пойдешь в поход ты свой?

Захвати золотого меда,
От веселья зачерпни, —
В ночь засветят с небосвода
Те зажженные огни.

14. ПРЕДЕЛ

Восходит Солнце ранним утром, лучистоликий Ра.
Кто любит, любит. Обнимает. Всему своя пора.
Заходит Солнце, Сонный Атум, в вечерний Океан.
Кто любит, любит. Зачинает. Всему предел свой дан,

Он лишь тень, где только тени,
Тьма — его всесильный враг.

Там — лишь тени смутным роем,
Кто был светел — спит во мгле,
Как отброшенный прибором,
Одинокий на земле.

Кто в земной исчерпан силе,
Морем брошен на песок,
С мертвым рыбы говорили,
Мертвый берег — крайний срок.

И горька морская влага,
Глух и пуст приморский край.
Слушай, слушание — благо.
День веселый совершай.

16. ЗАПАД — СУМРАК

Запад — сумрак. Край Заката — край свершенностей
и сна.

Те, кто там, безгласно дремлют, их сковала пелена.
Чтоб любимого увидеть, не пробудятся они,
Тех обнять, с кем проводили здесь свои земные дни.
Муж не чувствует супругу, и не видит сын отца,
Те, что мертвы, льнут друг к другу, не прижав к лицу
лица.

На земле вода живая, каждый рот ей освежен.
Ил и тина — здесь со мною, ил и тина, мрак и сон.
С той поры, как снизошла я, бросив милых, в мертвый
край,

Где я, что я, — я не знаю, слышу вечное «Прощай».
Если б лик мой был на Север, к свежей влаге обращен,
Я пила б не отрываясь, слыша влаги светлый звон.
Я подставила бы кружку под блестящую струю,
Обращенная на Север, освежила б грудь мою.
Здесь — Всесмерть. «Иди» — ей имя. Чуть позовет:
«Приходи», —

Позади земля осталась. Ты идешь. Иди. Иди.
А придешь, Всесмерть не смотрит, — человек ты или бог,
Мал великий перед нею, и нисходит гром во вздох.
Каждый ужаса исполнен, в страхе все сошлись гурьбой,
Но Всесмерть на них не смотрит, и глядит перед собой.
Если ж кто ее восхвалит, сохраняет тот же лик,
И не видит, и не слышит, ты возник, и ты поник.

17. ГРАНАТ

Я древо красного граната,
Среди деревьев я богато,
Мой красный плод — любимый рот,
В нем зерна белые как зубы,
В нем нежен каждый поворот,
Ее румяные в нем губы,
Овал красивого плода —
Как грудь ее, что молода.
Моя листва густа над нею,
Я древо лучшее в саду,
Я неизменно зеленею
Двенадцать месяцев в году.
Кругом деревья облетают,
А я зеленое стою.
К гранату двое припадают,
Чтобы укрыть любовь свою.
Во мне сокрыта их отрада,
Их жар любовного огня.
Я древо первого разряда, —
Зачем же умалять меня?
Коль так еще вторично скажут,
На эту не иди между,
Их обниманья обнажу,
Увидят все, и их накажут.
Уж не придут они тогда
Шептать свои и «Нет» и «Да»,
В моей тени, где спит прохлада.
Уж не уснут в моих кустах,
Упившись соком винограда,

В веселых миртовых венках.
Я древо первого разряда...
Цени же, меж других, трикрат
Пурпурно-розовый гранат.

18. СМОКОВНИЦА

Смоковница, шурша листвою,
Открыла тонкие уста,
И говорит: «Пред госпожою
Я здесь покорною слугою, —
И в ней красива высота».
Смоковница шуршит ветвями:
«Она стройна, как я стройна.
Раз нет рабов, — я ей дана.
Из Палестины я с дарами
Была сюда принесена.
И здесь посажена я ею,
Среди дерев в ее саду.
Но я без влаги захирею,
Пускай польет меня, я жду.
А я на свежесть аромата
Ее возлюбленного брата
До груди милой приведу».

19. СИКОМОРА

Я здесь расту, я сикомора,
Посажена ее рукой.
Чуть зашепчу, — и словно рой
Пчелиный слился в пеньи хора,
Я говорю моей листвою.
Ветвиста я, и чару лика
Древесного, что здесь цветет,
Обильный умножает плод,
Тот плод краснее сердолика,
Листы же словно малахит,
Стекло сквозистое шуршит.
Мой ствол — как камень самоцветный,

Как желтокрасочный нешмэт.
И я, на дар — мой дар ответный,
Густую тень кладу на свет.

Руке девчоночки я малой
Даю на ветке письмецо: —
«Приди на праздник, цветик алый,
И мне яви свое лицо».

И праздник весел. Смех в разгаре.
Горят душистости плодов.
Вино сверкает в полной чаре.
Красивы лица меж цветов.
Весь мир кругом так свеж и зелен,
Под песню пляска хороша.
И как из убранных молелен
Смолистый дух плывет, дыша.
Приди сегодня, завтра тоже,
И после завтра загляни.
Как все нарядно и пригоже
В моей зазывчивой тени.
Упились гости. Нет их боле.
И чара выпита до дна.
В тени зеленой ты на воле,
Ты с братом здесь, и ты одна.
Она разделась подо мною.
Сестра, я за тобой слежу,
Я молчалива, все я скрою,
И ничего не расскажу.

20. СЕСТРА

Когда, светла, сестра моя
 Ко мне идет,
Я чувствую, что я есмь я,
 И в сердце — мед.
Душа на месте на своем,
 Себя нашла.
Моя любовь, красивым сном,
 Ко мне пришла.

21. ЧАС НАСТУПИЛ

1

Едва она руки разнимет,
Едва она друга обнимет,
Как будто в Арабии я,
Плывет благовоний струя.

2

Ее поцелую,
Мне губы протянет она, —
И весь я ликую,
И пьян без вина.

3

Час наступил приготовить постель,
Тонким ее устели полотном.
Сладкий любовный вкусим мы хмель,
Сладко вдвоем.

22. НЕЖНАЯ, НЕЖНАЯ

Нежная, нежная в чарах любви.
Нежная, нежной ее назови,
Нежная в чарах любви меж мужчин,
Властная в чарах любви между жен.
Царская дочь, цвет весенних долин,
Ласка, любовь, осененность, и сон.
Между красивых, красивой такой
Не было, нет, и не будет другой.
Волосы черны, чернее, чем ночь,
Ягод чернее терновых кустов,
Светит очам белизною зубов,
Губы — как красная яшма плодов.
Царственно-светлая, царская дочь,
Грудь ее — два венка,
Нежно лилейна рука.
Между желанных, желанной такой
Нет и не будет другой.

ЕГИПЕТСКАЯ ГОРЛИЦА

На кровле горлица зовет: —
«Земля светла. Уж день плывет».
Нет птица, не зови: —
Идти ли от любви?

Египетская песенка

Невыскательна хижина Египетского земледельца, феллаха, такая же она — как 8 000 лет тому назад, — малый клетушок, где едва можно приютиться. Тесно и грязно, скудно и бедно. Но около хижин — возделанное поле, которое он любит и которое его кормит, а на кровле хижины неумолчно воркуют, под жаркими лучами Египетского солнца, влюбленные в жизнь горлицы. Голуби-горлицы. Птица с весьма богатым символическим значением. Посвященная богине любви, эта птица есть и крылатый знак Духа, который веет по всему Мирозданию, от пределов до пределов, и за его зримыми пределами.

Голуби-горлицы. Мне, Русскому, сладостно слышать два эти слова. Я знаю, что так именуют себя, и друг друга, вдохновенные песнопевцы *Радений Белых Голубей*, чьи экстатические песни и напевные вскрики образуют целую сокровищницу в области Русской Народной Песни, где в причудливой и красочной смене исступленная влюбленность тела переплетается с влюбленным просветлением души. *Белые голуби*, душевные состояния которых чрезвычайно родственны мистическим состояниям всех экстатических сект, без различия веков и народностей.

Не странно ли прозвучат мои слова, если я скажу, что напевности, подобные тем, которые составляют принадлежность *Радений Белых Голубей*, и которые я попытался ввести в область литературного стиха в моей книге «Зеленый Вертоград», раздавались на берегах Нила многие тысячи лет тому назад? Между тем это так. И доказательства — налицо, в виде необманых папирусов, которые достоподобным образом расшифрованы и отдали желающему свои словесные сокровища, замкнутые в иероглифические ларцы.

Говоря о Египте, мы заранее склонны видеть в Египтянах лишь неустанных молельников, заботящихся о построении

храмов и созидании гробниц. Но воистину там умели целоваться. Папирусы опять об этом говорят. И с тоскою любовной нередко говорили они о разлуке смертельной — совсем как мы. Вот, например, воркованье печальное одной из тех, что была близка к Посвященным.

ЗАГРОБНЫЙ ЗОВ МЕМФИССКОЙ ЖРИЦЫ

— О, мой брат, о, мой друг, о, супруг мой, не уставая осушай чашу радости, не переставай любить и праздновать. Следуй всегда за желанием своим, и никогда не позволяй печали войти в твое сердце, пока ты на Земле.

Ибо Аменти — страна тяжелого сна и сумраков, жилище траура для тех, кто пребывает там. Они спят там в своих бестелесных обликах. Они не пробуждаются, чтоб увидеть братьев своих, они более не узнают отца и мать, сердце их не устремляется с волнением к супруге их и к детям их.

Каждый на Земле насыщается водою живого, только я исполнена жажды. Вода приходит к тем, кто живет на Земле, — там, где я, сама вода дает мне жажду. С тех пор, как вошла я в эту страну, я более не знаю, где я. Я плачу о воде, что брызжет там сверху. Я тоскую о ветре, дышащем на берегу Реки. Если б лицо мое было обращено на Север, если б воды мне проточной, чтоб освежить мое сердце в печали его! Ибо здесь — пребывание бога, чье имя — *Всесмерть*.

Призывает он всех к себе. И приходят ему подчиниться все, трепеща перед гневом его. Что ему боги, и что ему люди, равны перед ним и великие, и малые. Каждый трепещет его умолять, ибо он не слушает. Никто не подходит ему возносить восхваления, ибо нет у него благоволения к тем, кто его обожает. Какое б ему ни принес приношение, он не глядит. —

В этой надгробной надписи Мемфисской жрицы как бы звучит самоупрек, что в жизни недостаточно она жила, недостаточно любила и наслаждалась. Сожаление о сладком даре жизни и любви. И неприхотливые народные песенки, где перемешаны шутка, любовь, и ласка, дошедшие до нас, в малости, среди Египетских свитков, показывают, что Египтянин и Египтянка, связанные обоюдно влюбленностью, умели ценить этот сладкий дар, крепко держали его в руках, хотя и перербрасывались им в свои светлые часы, как распроказни-

чавшиеся дети перебрасываются в саду румяным душистым яблоком, сорванным с ветки без спроса у старших.

Брат мой, сестра моя, — говорят влюбленные Египтяне друг другу. Первобытные люди всегда в любви улавливают родство. Ты мне нравишься — значит, ты сестра. Я поцеловал тебя — как же я тебе не брат?

Влюбленный рисует свою возлюбленную, вернее — вздыхает о ней, а она перед нами — как нарисованная.

Пойман, пойман я в силок.
Рот сестры моей — цветок.
Руки — ветви, вот достанут,
И заманят, и обманут.
Грудь — пьянящий аромат,
Чуть дохнул, — нельзя назад.

Птица вольная я был,
До тех пор как полюбил.
Птица дикая летала,
Крыльев легких вдруг не стало.
Ароматом сражена,
В западне теперь она.

Если влюбленный брат говорит про западню, влюбленная сестра, говоря, прибегает к тому же образу, лишь меняя слова, и с женской уклончивостью и косвенным означением, изъясняется так:

Поймала птицу западня,
В сетях трепещет птичье тело.
Но держишь ты, любовь, меня.
И видишь, птица улетела.

Ну, что же, сети я сложу,
Пойду домой я без добычи.
А что же матери скажу,
На двор что принесу я птичий?

Как нынче ставить мне силок?
И птицу как подстерегу я?
Обняв, припал ко мне дружок,
И оторваться не могу я.

Она от него, он от нее. Полюбили — друг в друге запутались и потерялись. Это как в лесу или в саду. Но так как женщине более свойственно удерживать и околдовывать того, кто к ней приблизился и кто ей мил, сестра применяет все свойственные ее естеству чары, создавая сладкий дурман, и с ласковой угрозой предупреждает своего друга:

Если сладкая истома
Недостаточна тебе,
Если я к тебе влекома
В муке, в боли и в борьбе, —
Я сорву цветочек дикий,
И тебя, цветком маня,
Отуманю, — светлоликий,
Не покинешь ты меня.

Пожалуй, и цветочка не нужно. Дурман страсти достаточно держит. А брат так очарован своей темноглазою сестрой, что все готов он сделать, лишь бы к ней приблизиться, всем готов быть, лишь бы с ней не расставаться, быть ее слугой, ее собственностью, ее вещью, ее тенью, малым знаком бытия, к которому она обратилась душой и глазами.

Влюбленные везде одинаковы, и как часто похожи они друг на друга на самых разъединенных концах вечно-любящей и вечно-зеленеющей Земли. Пламецветы цветут и в Египте и в Мексике, лотосы раскрываются и в Египте и в Индии, гвоздика краснеет и в Испании и в России, желтые цветики, отблестав, разлетаются седыми одуванчиками и в странах, где звучат протяжные песни Славянские, и в странах, где проходят тени Миннезингеров.

Горячий Испанец, когда он влюблен, чем бы он только не хотел быть, лишь бы приблизиться к желанной? Испанские народные песни, гитарно, перекликаются и возвещают:

В том доме, где ты, мое счастье,
Колодцем хотел бы я быть:
Я губы твои целовал бы,
Когда ты захочешь испить.

Как солнечный луч я хотел бы
В окошко твое заблестеть,
Чулки, башмаченки, и юбку
Помог бы тебе я надеть.

Кому то достанется счастье,
Которым свеча обладает: —
Погаснув, она остается
Так близко, где ты.

Если б я рожден был мавританкой,
Если бы в Археле был я мавром,
Был бы Магомету я отступник,
Прочь бежал бы, прочь, туда, где ты,

Если я родился василиском,
Я тебя бы взором умертвил,
Чтоб тебя совсем отнять у мира,
Чтоб тебя никто в нем не любил.

Если в Ад пойдешь ты,
Я пойду с тобой;
Если ты со мною,
Всюду рай со мной.

И наконец, еще:

Я хотел бы светлой
Быть слезой твоею,
По лицу скатиться
И упасть на грудь.
И в твое сердечко
Я тогда вошел бы
И остался в нем.

Совершенно подобно этому, Индусский поэт, воспевавший любовь Кришны, златого бога в желтой одежде, бога пяти стрел, заставляет влюбленного, при виде черноокой Радги, томиться таковым желанием: — «Зачем не золотое я кольцо, что играет вокруг твоей ноги».

Совершенно подобно этому, Персидский поэт Умара, X-го века, обращаясь к своей возлюбленной, говорит:

Укрыться в строки мои,
Спрятаться в песни желал бы я: —
Каждый раз как порхнут они в мысли твои,
Запоешь, и тебя целовал бы я.

И в народных песнях всех народов, Русского и Польского, Итальянского и Скандинавского, можно найти многочисленные примеры, певучие примеры того, что влюбленный или влюбленная хотели бы быть ласточкой, голубем, цветком, ожерельем, кольцом или зеркалом, лишь бы приблизиться к тому, кто желанен, и с любимым уже не расставаться.

В дополнение к этим любовным цветам, Египтянин бросает нам, через сложный забор многих столетий, и свой веночек, из четырех «Если б».

ЧЕТЫРЕ «ЕСЛИ Б»

1

Если б я был
Черной рабыней ее, приближенной,
Я бы любил
Видеть ее целиком обнаженной.

2

Если б рок мне добрый дал
Прачкой быть сестры моей,
Я бы месяц простирал,
Я стирал бы тридцать дней,
Все один ее платок,
Что в духах совсем промок.
И трудом счастливый тем,
Платы не взял бы совсем.

3

О, если б перстнем ее мне быть,
О, если бы палец обнять у ней!
Она не могла бы меня не любить,
Хранила б меня до скончания дней.

Если б миртовым был я венком
 На плече у любимой моей!
 Был бы с сестрою я тесно вдвоем,
 Был бы я с ней.

В милой влюбленному все желанно. От нее он примет не только ласку и внимание, но даже суровое слово ее будет ему приятно, лишь бы оно исходило от нее. Прекрасная его сестра, как видится, весьма вспыльчива и своенравна. В шутку или в серьез, он сам сообщает нам об этом в таких выражениях:

У моей сестры есть дом,
 И привратник есть при нем.
 Чуть отдвинется засов,
 Только дверь откроет он,
 Тотчас ток сердитых слов,
 Тотчас бранью награжден.

Быть привратником хочу,
 Забранит она, смолчу.
 Пусть любимая моя
 И гневится и ворчит: —
 Как ребенок буду я,
 Что испуганный — молчит.

Во имя радости быть близко к любимой, влюбленный брат готов на гораздо более серьезное и трудное, нежели эта приятная неприятность слышать ее разгневанный голос. Вот они разъединены рекой, а река Нильской долины, как известно, лелеет в себе не только голубые лотосы, но и чудовищ довольно страшных и зубастых. Однако, любовь сильнее всего.

Любовь моей сестры прекрасной
 На берегу реки другом.
 Но крокодил лежит ужасный,
 Вон там, чудовищным комком.
 И все же прыгнул я в течение,

Моя любовь во мне сильна,
Упор ноги моей — волна.
Я смел, и сладко достижение,
Любовь, меня ведет — она.

Сестра побеждена братом, любящая вся обратилась к любимому, им живет, им дышет, как цветок к нему тянется, к солнечному, как мотылек весенний крылышками крылышек касается, красочно-трепетных. Они проходят по его саду, и не могут наглядеться друг на друга.

В твоём саду растут, цветут
Душистые растенья.
Как хорошо с тобою тут,
Как дышит их цветенье,
Сестра любимая твоя,
И я свечусь — тобою.
Как лотос пред тобою я,
С окраской голубою.
Я как беседка, я как куст,
Что дышит весь в расцвете.
Я сладкий вздох влюбленных уст,
В расцветном нашем лете.
В твоём саду прекрасный пруд,
Изрыт твоей рукою.
И ветерки над ним плывут
Прохладою живою.
Твоя рука в моей руке,
И мы проходим рядом.
Мой дух во мне — как свет в цветке,
Я сердцем льну к усладам.
Твой голос — виноградный сок,
Услышу — вся живу я.
Ты глянул — всю меня облек,
Я вся в тебе, ликуя.

Когда-то, поздней, чем звучали эти песенки, в другой красивой стране Сафо пела:

С чем, о, любимый, тебя я, с чем я сравню?
С гибкою вилкой тебя я, с веткой сравню.

Эти изящные Эллинские строки — сродни строкам, пропевшимся среди поцелуев двух Египетских влюбленных.

Еще Сафо, мелодически, воскликнула:

Девственность, девственность, стой, ты куда?
Я к тебе не вернусь, не вернусь, никогда.

Но в этом поэзия Эллинской полубогини непохожа на народную поэзию Египта. Здесь, девственность ушла и не ушла. Девушка любит возлюбленного со всею страстью и со всем самозабвением. В ряде жгучих строк, пламенных, пьянительных, обжигающих, как внезапный, неожиданный поцелуй, она описывает взаимные их ласки, эти лучистые касания двух озаренных душ, двух зорно-зажженных тел. Но девственность не уходит, девственно-ласковы, девически-воздушны все страстные слова.

Счастливы игры любовные. И вся Природа играет ими, и с ними. Вот они прикасаются к влаге. Влага — стихия любви.

Пред тем как стебель отодвинуть,
Трепещет лотос голубой.
И берег я спешу покинуть,
Чтобы купаться здесь с тобой.
Свое я облакаю тело
Тончайшим белым полотном.
Я миртовый венок надела,
И мы с тобой в воде вдвоем.
Ты вынырнул, поймал ты рыбу,
Она стройна, она красна,
Я льну рукой к ее изгибу,
И как покорна мне она.
И вот ее кладу я ниже,
Я отдаю ее волнам,
Она твоя, мой брат, взгляни же,
О, как она скользит, вон там.

Брат и сестра ловят птиц, приносящих им благовония, они как дети бегают один за другим вдогонку, среди охраняющих их гранатовых деревьев и сикомор. Весь мир превращается для них в цветущий сад, наполненный их любовным воркованием. Влюбленная говорит:

«Красивая твоя возлюбленная, которую твое сердце любит, приходит в сад, о, возлюбленный, ибо сердце мое следит за тем, что ты любишь. И я призываю тебя. Взгляни, вот я здесь.

Возлюбленный мой выходит из дома своего. Он идет своею дорогой, не заботясь о моей любви. И сердце мое во мне останавливается. Напрасно смотреть мне на сладости и благоговения. То, что сладко для рта и для обоняния, горько теперь для меня как желчь птицы.

Лишь дыхания рта твоего, они одни, дают жизнь моему сердцу, мне кажется тогда, что бог сокровенный мне дан, навсегда и навеки.

О, красивый мой друг, я сердцу моему скажу мои моления, сердцу моему, что в твоей груди. Если высокий мой друг не приходит в ночи, если он не придет, я буду как те, что в гробах.

Голос горлицы слышится. Она говорит: „Вот заря. Там, где моя дорога“. Ты птица и ты призываешь меня. Я нашла моего возлюбленного, и сердце мое возрадовалось больше сердец других.

Ах, выгляну я из двери, ибо вот мой возлюбленный приходит ко мне, он идет, глаза мои прикованы к дороге, ухо мое слушает звук его шагов. Ибо из любви моего возлюбленного сделала я единственное благо моего сердца.

Мое сердце так счастливо от любви, которую ты любишь меня, что локоны на лбу моем падают, когда я бегу к тебе навстречу, и волосы мои распутываются. Но клянусь, клянусь тебе, я убираю мои волосы перед приходом твоим“.

На кусте пышном цветы расцвели и отцвели. На изогнутой лозе вырастает пьяная ягода. Два голоса переплетаются в одном напеве.

Я не сожалею о любви твоей, моя Волчья Ягода пьянительная. Я не брошу ее, чтоб ее раздавили накануне разлива. В Сирии, с прутьями кипариса; в Эфиопии, с ветками пальмы; на горах, с ветвями тамариска; на равнинах, с стеблями морского ситника. Не буду я слушать советов тех, кто хочет, чтоб я сожалел о том, в чем предмет моего желания.

Я сяду в ладью, поплыву по реке. Плечи мои окружу я ветками мирты, прибуду в Онхау. С молитвой моей обра-

шусь я ко всем справедливым богам. Да будет моя возлюбленная, в ночи, как источник живой, чьи мирты подобны богу Открывателю; чьи нимфеи подобны богине Огня; чьи лотосы, лотосы голубые, подобны Солнечной ладье; чьи лотосы, лотосы розовые, подобны заре. Да даст ей белая стена светить Земле своею красотой. Да даст ей Мемфис душистые ящички с прикрасами, кои полагают пред Ликом Совершенным.

В горнице моей я останусь. Буду я очень болен. Соседи мои придут спросить, что со мной. Если придет с ними моя возлюбленная, устыдит она врачей, ибо знает она, в чем недуг мой.

Я спущусь в челноке, меж тем как к реке ты спустишься. Желанье мое — быть возможно ближе к домам, что на слиянии канала Солнечного Города с водами реки, устремлюсь я бегом, побегу, и не поскуплюсь на моления. Буду просить Солнцеликого, чтоб он показал мне, где вход к моему возлюбленному. Я тебя обниму, и буду стоять с тобой рядом, на берегу, над водой. Сердце мое перенесу я в Солнечный Город. С тобой возвращусь под деревья дворца. С тобой буду рядом. Грудь моя будет украшена цветами персеи. Волосы мои будут тяжелыми от благовоний».

Египетская душа, более красноречивая, когда через женские уста она говорит о своей влюбленности, вспыхивает совершенно ослепительным светом, когда для нее горит тот самоцветный камень из глубоких рудников, который зовется Цветок Любви.

«О, стебель Морской травы, сердце мое захватывает, когда я в объятьях твоих. Властитель сердца моего, как красив мой час, это час Вечности, когда ты покоишься подле меня.

О, Чернобыльник возлюбленный, перед кем — возвеличенным чувствуешь себя, я твоя полюбовница избранная. Я как поле покрытое лотосами, на поле цветы благовонные ты возращаешь. Для меня есть напиток пьянящий — услышать твой голос, увидеть тебя и видеть еще.

О, Маеран, о, Кошачья трава, чей цветок — как глаз кошки, возлюбленный. Приходи, я жду, убралась я гирляндами».

Египтяне — верховные утонченники. В их тоске мировой, в их страсти, в их любви — осиянность солнечного понимания вещей. Их напевные строки — словно та скрижаль, провожающая уходящих в Аменти, та стенная живопись в Фивских гробницах, где Братья и Сестры — в плавно-зыбящейся пляске тел и в устремленности зрящей крыльев Духа, застыли навеки в красивых сплетениях. В сладости ли радостной любви, или в печали скорбящей, они чувствовали до конца вечность запечатленного мига. Им одинаково понятна и эта пронзенность страсти, и эта — утаивающая ее — шутливость, они умели сочетать это с проникновенностью высшего сладостного ощущения, вкрадчивого как тонкий бархат, как летняя волна, как воздушное касание летящего пуха цветов. Целомудрие Сладострастия. Это есть и в самой их мифологии. Бог Земли, Сэб, и припавшая к нему богиня Неба, Нут. Так долго они ласкались друг к другу и не разлучались, что жизни для Мира не было, не было дня. Тогда бог солнечного Воздуха, Шу, прокрался между ними и высоко приподнял вверх усеянную звездами Нут. И бог Земли, поверженный, остался внизу. И днем они разлучены, как все предметы и существа, четко зримые днем, в свете дневном разделены. Но ночью они опять сливаются в неразрывном объятии. Вот оно, Небо, и вот она, Земля. Такие они.

И еще одно указание. Египтяне поистине были единственным народом, вплоть до наших дней, признавшим равноценность Мужского и Женского, проникнувшим мыслью благородной о равенстве двух этих начал в заветнейшей области человеческой Души — в светло-призрачной области Любви. Нигде это не выражено так четко, как в этих «Воркованиях Любовных». Любимый и Любимая — Брат и Сестра — Сотоварищи любовные. Не только каждый из них в завлеченной пьяности любимым, но еще и в непрерывающемся точном ведении и ощущении тока всех чувствований другого, в сознании его непретворимой отдельности, лелейно зримой, всечасно, лишь равному. Здесь Египтянин прикоснулся к самым сокрытым родникам нашей души.

Два белые голубя, голубь и горлица, оба рассекают воздух своими крыльями, и рядом летя — светят друг другу.

СЛОВО ЕГИПЕТСКОГО СТАРЦА

Я путник. Взгляни.

Из Книги Мертвых

Какая книга самая древняя в мире?

Это вопрос, который естественно возникает в уме, подобно тому, как хочется нам знать, где стоит самый древний город и самый древний храм, в какой стране находится самое большое дерево, и у какого счастливица самый крупный изумруд и самый большой бриллиант.

Однако, на все эти вопросы легче ответить, чем на вопрос, какая книга — самая древняя в мире. У такого-то богача — самый крупный изумруд, у такого-то царя — самый большой бриллиант, и самое большое дерево — это священное древо Туле, что в Мексике, тридцать человек с трудом обнимут его ствол, и самый древний город, из общеизвестных, пожалуй, Вавилон, ибо там ведь была Вавилонская башня. А что до книги — кто ж ее знает? Книги так легко теряются и забываются.

У каждого народа есть своя древняя книга, которую он чтит или читал, пока жил. У Вавилонян были свои таблицы, где, между прочим, рассказана и история потопа, прежде, чем она была занесена в Библию Евреями, обманно приписывающими себе многие изобретения и измышления. У Китайцев есть «Чи-Кинг», «Книга Стихов», соединенный цветник Китайских народных песен, собранных по почину императора Йя 5 000 лет тому назад. У Майев — история мироздания, «Пополь-Ву». У Парсов красноречивая поэма борьбы между Агурамаздою и Анграмайни, «Зенд-Авеста». У Индусов «Ведийские гимны», где развивает свои огненные празднества «Братар Агни», индусский брат Славянского Огня. У Скандинавов «Эдда», где светлоликий Бальер так же пленителен, как дух Нильской долины, Озирис. Одна из основных этих книг старше, другая моложе, но, будучи собраны вместе, они — как собрание старцев, столь долго живших, что самый младший из них забыл, когда он в точности родился.

И все, что есть притягательного в древности и в самом факте существования древнего слова, передававшегося из

уст в уста, — как факел из рук в руки, в глубокой ночи, — сохранено в этих, овеванных тысячелетиями, грамотах Человечества.

Однако, из книг, сохранившихся на земле, не та самая знаменитая, которая есть древнейшая. Мало кто знает, что самая древняя из людских книг это «Папирус Пта-Готепа», иначе «Папирус «Присса», названный так по имени Присса, который подарил этот папирус Парижской Национальной Библиотеке и опубликовал его в 1847-м году.

Найден этот папирус были при раскопках Фивских гробниц, даровавших исследователям и другие древние тексты во множестве. Написан он старцем Пта-Готепом, или кем либо иным, во имя его, во время правления фараона по имени Асса, в пятую династию, но слова, в нем записанные, конечно, передавались из уст в уста и существовали, как поучение, много времени раньше. Египтологи единогласно называют этот папирус древности самой древней книгой в мире.

В силу хотя бы одного только этого преимущества, она требует нашего внимания.

Достигши почтенного возраста в 110 лет и величайших почестей, какие только были доступны для Египтянина, Пта-Готеп, совершивший полный огляд жизни, и даже превысивший меру средних возможностей земного существования человека, томится, ибо не может более совершать работы, к которым привык. Он должен отказаться от действительности, а для одаренного волей и умом это — самое великое несчастье. Что ему делать? Он обращается с мольбой к Озирису, к этому великому Богу двух крокодилов, — Солнце, как сила сражающая, воплощается в лике *солнечного Бога с ужасающим ртом*, и дважды могуч он. Он спрашивает Бога с лицом разумным, может ли разумное существо быть осуждено на ничегонеделание, и Озирис, любящий, чтобы на полях всходили колосья, и чтоб на малых полях папирусовых свитков возникали побег мысли, замкнутые в узорные иероглифы, повелевает Пта-Готепу закрепить в словах древнюю мудрость, создать Правильную Расстановку Благого Слова.

И старец приступает к этой мирной работе последней, обращаясь в своем свитке к родному сыну, а через него, ко всем,

хотящим послушать древних поучений. Речью размерной, с ритмом внушающим, где мысли подчеркнуты, чтобы в каждом малом поучении одно слово было тяжелее, полновеснее других, и легче бы запоминалось, Пта-Готеп собирает и размещает то, что слышал он сто лет тому назад от своего отца, то, что отец его слышал неведомо сколько лет тому назад от своего отца. Малые это камешки цветистые, но долго они хранились, и не хочется их утратить вполне, хочется хоть некоторые сберечь на память.

РАССТАНОВКА ПРАВИЛЬНАЯ БЛАГОГО СЛОВА

1

Приближенный фараона Ассы, областной владыка Пта-Готеп сказал: «Бог двух крокодилов, властитель мой, к старости приводит шествие возраста. Истощение крайнее, упадок на место свежести. Бременит каждый день утомление, зренье слабеет, глухнут уши, силы на убыли, без перерыва. Еще не безжизнен, а молчишь, рот безгласен, более нет в нем слова. Сердце тупеет в стесненности, не вспоминая вчерашнего. Тело страдает все целиком. Доброе злым становится, вкус ко всему исчезает. Делает старость старца жалким во всем. Нос запирается, больше не дышет, от истощения. Стоять ли, сидеть ли — есть тягость. Власть говорить — откуда мне взять? Как скажу я слова тех, что слышали советы дней давних? И советы богов — кто мне даст власть и силу сказать их? Восхоти, да пребудет так. Силу двойную мне дай, Бог, дважды могучий».

Величество этого Бога сказало: «Поучай же в слове, что глаголано было издревле. Это им в заслуге научены дети великих. Все, что делает душу в равновесии сущей, проникает того, кто слышит то слово, и что говорит оно, не ведет к пресыщению».

2

Начало в расстановке правильной благого слова, сказанного владыкой благородным, божественным отцом, у

Бога возлюбленным, сыном царя, старшим в роде, областным повелителем, Пта-Готепом, дабы научить несведущих познанию исчислений благого слова. Приобретение это для тех, кто его слушает, убыль для тех, кто прейти его хочет.

Сыну своему он сказал: «Не будь высокомерен и сердце свое не возноси над своим знанием. Держись с несведущим как со знающим: ибо не закрыт предел искусства, и не совершенен никакой художник в свершениях своих. Мудрость труднее найти, чем смарагд, ибо находят рабыни смарагд между камней простых».

3

Если ты встретишь спорщика в час его, раз выше тебя он в ловкости, опусти свои руки, не заносись против него. Не отвращай от него свою душу лишь потому, что он не дал тебе осудить его за суждение неправильное. Не яви себя неспособным остаться спокойным, когда противоречат тебе.

Если же встретишь спорщика в час его, с тобой соразмерного, будь тем, кто не движется. Преимущество ты перед ним имеешь — лишь соблюдая молчание, когда он в слове недобром. «Предпочтительней тот, кто сдержал себя», — скажут слышащие. И великими будешь ты признан.

4

Если ты встретишь спорщика в час его, не презирай его лишь потому, что ты не такой, как он. Не гневись на него, когда он недобр; прочь это. Сам с собой он сражается; не зывай же к нему, чтоб он льстил твоим чувствам. Не забавляйся тем, что пред тобою; низко это, мало, это есть души презренной. В миг, как готов будешь чувствам своим отдаться, победи это, как то, что отвергнуто великими.

5

Если дано тебе быть распорядителем, чтоб решать о великом числе людей, способа ищи совершеннейшего, да будешь ты сам в этом без упрека. Велика справедливость есть, неиз-

менна и удостоверена; не затемнилась она от времен Озири-са. Границы правосудия беспеременчивы; это — поучение человека от отца его.

6

Не вселяй страх в людей; Бог победит тебя тем же.

Если кто хочет жить этим, отнимет он хлеб изо рта его. Если разбогатеть кто этим вознамерится, он скажет: «Сеть я закину и сетью богатства уловлю, отведа к себе». Да не поселяют страха в людях, такова воля Бога. Да дадут им жить в мире, и получат от них достодолжное.

7

Если ты — как один среди тех, кто за столом, у того, кто больше тебя, — бери то, что дает он тебе, с глубоким поклоном. Гляди на то, что пред тобою; но не смотри на него пристально; не взглядывай часто; осуждены достоин тот, кто преступает правило это. Не говори ему больше, чем он спрашивает, ибо не знаешь, чем можно стать неугодным. Говори, когда приглашает тебя он к этому, и слово твое понравится.

8

Если из тех ты, кто вести несет от великого к великому, согласуйся точно с тем, что тебе поручено. Остерегись изменять слова, говоря о том неприятном, что великий великому шлет; кто уводит правду от пути ее, чтоб только лишь то повторять, что приятно в словах человека, велик ли он, мал ли он, есть личность презренная.

9

Если ты земледелец, собирай свою жатву на поле, которое великий дал тебе Бог. Не насыщай у соседей свой рот. Кто, будучи сильным, даже среди сторожащих, берет себе все у ближних, как крокодил прожорливый, дети того суть предмет проклятия и ненависти. Но человек становится Богом, когда он начальник племени, что с доверием следует за ним.

10

Если ты умаляешь себя, служа высшему тебя, поведение твое вполне благо перед Богом. Знаешь, зная, кому повинешься; не возвышай же сердца своего против него.

11

Будь действенным, покуда длится день твой, делай больше того, что сказано. Порицанья достоин тот, кто не пользуется мгновеньями своими. Не теряй ежедневного случая.

12

Если ты мудр, создай сына, угодного Богу. Делай ему все то благо, которое можешь; это сын твой, существо, твоим существом порожденное. Не отлучай своего сердца от него.

13

Если ты страж, стой или сиди, не отвлекаясь прогулкой. С первого мгновенья предпиши себе: «Хоть бы скука возникла, не отходи».

14

Не наблюдай из дома твоего действие другого.

15

Линию твоего поведения являй без утайки.

16

Если дано тебе быть распорядителем, осуществляя планы по воле твоей, делай совершенное в свершениях, да вспомнит о тебе потомство.

Если третейским дано тебе быть судьей, слушай истца. Не обрушья на него, — падет он духом. Не говори ему: «Ты рассказал то-то». Мягкость ободрит его сделать то, зачем он пришел. Чтоб сердце себя нарисовало, слушай его с добротой.

Если ты хочешь внушить уважение в доме, в который вступаешь, в доме ли начальника, друга ли, или особы иной достопочтенной, везде, где тыходишь, остерегись приближаться к женщине. Не благо и не разумно это, и тысячи людей погибают из-за мгновения, сну подобного, а узнают лишь смерть, его узнав.

Если ты хочешь, чтоб было благим твое поведение, остерегись своенравия в приступах его. Это зловещий недуг, ведущий к разногласию; кто в это вступит, не живет. Чума в том отцов, матерей, и братьев, и сестер; мужа с супругой разводит; в этом источник всех зол. Когда человек основанием взял справедливость, иди по путям ее и в ней избери свой дом, у своенравия дома нет.

Не будь трудного нрава для того, что слева и справа около тебя. Дурно это — заноситься пред соседями твоими и не уметь уже более управлять своими словами. Там, где лишь малая трудность, большое вырастает огорчение.

Если ты мудр, береги свой дом. Люби жену свою без примеси. Одевай, украшай ее, это роскошь членов ее. Умашай ее во время твое, это есть благо, которое должно быть достойно своего обладателя. Грубым не будь, ни насильственным. Это

есть то, что утверждает дом. Если ты оттолкнешь ее, про-
пасть это. Разними свои руки, пред ней, для рук ее. Позови
ее, отметь перед ней любовь свою.

22

Хорошо обращайся со слугами своими и с теми, кто тебе
надлежит. Если кто в этом прегрешает, о нем говорят: «Этот
человек есть проклятый». Люди не знают, что завтра придет.

23

Не повторяй излишек речи, не слышь его. Излияние жара
это есть из души вскипевшей. Видя спорщика повторяющим,
взгляни, не слыша, на землю. Не говори ничего на это. Сде-
лай так, чтобы спорщик узнали, что есть справедливое, — он,
который несправедливость зовет.

24

Если в совете ты, молчи скорее, чем в словах распростра-
няться. Когда говоришь, знай, что тебе возразить могут.
Это — искусство говорить в совете, и нападают на слово
больше, чем на какой либо труд. Противоречие ставит его в
соответствие с мерой.

25

Если ты силен, относись с уважением к знанию и чти спо-
койствие слова. Повелевай лишь для того, чтоб направлять.
Ведет к пороку — быть неограниченным.

26

Да не будет великий отвлечен от часа своего. Не ослаб-
ляй внимание того, кто занят. Забота его — обнимать свою
задачу, от себя отрекаясь, по любви к тому, что сюда он
влагает. Людей сближает с Богом это — любить, что делают
они.

Если ты для великого жатву собираешь между людей, да поступит зерно в полноте своей к господину своему.

Не смешивайся с толпами, дабы имя твое не загрязнилось.

Если с доукой подошли к тебе без выхода, если ты мучим кем либо, кто в праве своем, удали лицо свое и более о нем не думай, как только он перестал говорить.

Если великим ты стал, после того как был малым, умеи не делать себе преимущества из того, что ты в первом ряду. Не ожесточай твое сердце по причине твоего возвышения. Ты не более как управитель Божеских благ. Не ставь позади себя ближнего, который тебе есть подобный; будь ему как товарищ.

Если ты хочешь быть вежливым, не требуй ответа громко у того, к кому обращаешься. Говори с ним отдельно, его не стесняй. Не вступай в пререкание с ним, прежде чем не успеет он запечатлеть в уме предмет разговора. Если он явит свое неведение, — не стыдя, уважь его скорее. Не тесни и не толкай его словом. Не взрывай его как плугом, да не будет он кончен перед тобой. А не то не возвратится он к тебе, и преимущество беседы твоей утратится.

Да будет лицо твое светлым, покуда живешь.

Если берешь ты жену, да будет она удовлетворена. Связью двойной она связана будет, коль будет то нежная цепь.

Если ты слушаешь то, что тебе я сказал, мудрость твоя в возрастании будет. Это канва, по которой великие — узоры свои проведут, словом уча людей. После того как слушал, станет художником слушавший. Знание храня, будет знать направление, и на земле будет счастлив. Знающий — знанием насыщен и благою ухваткой своею велик. В согласи с умом язык его, когда говорят его губы, глаза в соответствии с разумом, когда он глядит, и уши — когда он слушает. У сына его — преимущество делать то, что должно свершать, безошибочно.

Слушать есть прибыль для сына того, кто слушал. Выходит так, что слушают оттого, что кто-нибудь слушал. Слушал хорошо, говорит хорошо. Слушать, это есть наилучшая из всех вещей, ибо создает это любовь, благо дважды благое.

Что до человека без опыта, который не слушает, ест он ничто. Знание он видит в неведении, в убыли — прибыль. Делает всячески несообразное, — то, что достойно хваления, каждый день опрокидывая. Смертью живет. Пища его — злое слово, которым он восхищен.

В лабиринт и на срыв вступать не торопись. Нет тут доброго знамения. Дорога возврата безвестна.

Не ходи никуда без сердца твоего.

Остерегайся кого-нибудь ранить словом.

Не рань твоего сердца сам.

Сердце твое изобильным да будет; да будет сдержан твой рот.

Сын, который слушает, есть как бы из свиты Утроликого; он как бы один из тех, что идут за Восходящим Солнцем.

Делай то, что говорит тебе учитель твой. Дважды хорошо поучение отца нашего, из которого мы изошли, плоть от плоти. Поистине, добрый сын есть один из даров Бога, сын, что делает лучше, чем сказано ему.

Этим словом благим получу я то, что тело твое будет во здравии, и верховный будет тобою доволен во всех обстоятельствах, и придут к тебе годы жизни без малости скудной.

Это слово благое дало снискать мне сто десять годов на земле с даром благоволенья Фараона, среди первых, из коих каждый был благородным соделан двумя своими руками, справедливое свершая в удовлетворение владыки своего в месте означительном.

Окончено слово, от начала до конца своего, согласно с тем, как находится в записи.

Мало что можно сказать об этих словах Египетского старца. Если многие из них покажутся нам само собой разумеющимися, вспомним, что и трех четвертей из этих поучений, которым 7 000 или 8 000 лет, мы не провели в нашу пеструю и крикливую жизнь, которая, будучи загроможденной, еще не стала от этого богаче.

В словах Пта-Готепа мы видим первобытную прямоту в соединении с тонкостью мысли и утонченностью чувства. Так именно чувствуют, и так всегда говорят, люди, которые живут в оазисах, знающие всю соразмерность между великой Пустыней и малым садом. Малым садом, о чем есть слово Озирисово: «Кто умножает свой сад, умножает Божескую сущность».

СЛАВОСЛОВИЕ СОЛНЦА И ЛУНЫ

МИРОЗДАНИЕ

1. Путь Солнца

(Слова Египетского Папируса)

Я тот, что был как в бытии пребывавший,
Меж тем как был я, сбылось то, что было.
Было все, что сбылось, по вступлении моем в бытие.
Много было сбывшегося чрез изречение из рта моего.
Не было бывшим Небо,
Не была бывшей Земля,
Почва червей была несозданной.
Пред тем как ее из первичной воды я в покое подъял,
Не находил никакого я места, где бы мог я стоять.

Было волшебю мне в сердце моем: —
Основание мне положить во образе бога Шу, Пространства
Небесного,

Образовать мне все образы.

Одиноким я был бы,

Если бы не было мне извержение — богом Шу, Воздушным,

Если б не было мне излияние — богиней Тэфнут, Росой.

Не был никто там другой,

Кто бы медлил со мной, пребывавая.

Меж тем как я был созидателем по сердцу моему, я сам,

Сбывшимся было из бывшего многое,

Первоисточник причинный детей,

Первоисточник причинный детей их детей.

Я это буду супругом себе,
Так я сказал моим ртом, я сам,
И собой усладился, я сам.
Извержение стало мне богом Шу,
Излиянье мне стало богиней Тэфнут.

По причине отца моего, Ну, Океана Небесного, трепетали
они.
Око мое с ними было столетья, столетия.

Они от меня отделились,
После того как единым я Богом стал,
Три Божества это были по отношению ко мне.
В то время как был я — как эта Земля,
Стал ей опорой бог Шу, Воздушный,
А богиня Тэфнут — спокойствием Вод.
Явили они то, что было в ней,
Меж тем как они возвратили мне око мое.
После того как я с телом моим соединил его,
Пролил я слезы.
Происхожденье людей было в этом,
Племя людское — из плача очей.
Ибо око мое заплакало.

Шу и Тэфнут — Божества породили, Кэба и Нут, бога Земли
и богиню Неба,
Кэб и Нут — Божества породили, Озириса, Гора, Сэта,
Изиду, Нэфтис,
Породили из тела, одного за другим.

Их дети, они на Земле многочисленны.

2. Изида (Храмовое славословие)

Многоименная, бывшая древле,
Величайшая между Богов и Богинь,
В изначальности бывшая,
Между всеми — любимая,

Прообраз всех образов,
Солнце в облике женском,
Царица Богинь и Жен,
Око Солнца, правое око Солнца,
Утроликого звездный венец,
Сириус, новую жизнь возвещающий,
Сириус, новый год начинающий,
Открывающий Нильский разлив,
Владычица нового круга,
Что на месте самом лучистом
Восседает в эфирной ладье,
Владычица Неба, высокая в Небе,
Лучистая в солнечном Небе,
Златосветная в свете своем,
Золотая, меж светлыми светлая,
Свежий ветер, Царица Земли,
Меж могучих могучая,
Владычица Юга и Севера,
Пашня возделанная,
Родом из края, богатого золотом,
Родом из Нубии,
Владычица теплого воздуха,
Огонь извергающая,
Пламя пылающее,
Край Запредельный дарами своими всегда
наполняющая,
Великая при Озирисе в Аменти,
Мать Бога, Мать Гора, Мать Утра Златого,
Мать, вскормившая
Сына, который
В мире отца заместил, Озириса,
Владычица жизни,
Создающая всходы зеленые,
Людям дающая жизнь,
Богам их добро отдающая,
Преображенным дающая их приношения,
Изумрудная, чьи изумруды
Как изумруды Земли,
Владычица хлеба,
Что дала питие, из хлебов приготовленное,

Владычица радости, смеха, любви и избытка,
Что дарует Царю его царство,
И нет без нее Царя,
Владычица Дома Великого,
Владычица Дома Огня,
Ликом прекрасная,
Приязная всюду, во всех краях,
Благосклонная, красиволикая,
Владычица всех чародейств,
Дочь Бога Земли,
Ткачиха и битвенница,
Дочь Всемогущего,
Супруга отца своего солнцеликого Ра,
Чей сын — повелитель Земли,
Чей сын — повелитель глубин,
Чей супруг — Нил в разливе,
Та, что Нилу дает быть в разливе,
Что Нилу дает в час его быть в разливе.